

УРАЛЬСКИЙ
снегоним
www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

07 (673) июль, 2013

Заветные места

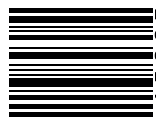
ТРУДНОСТИ
ПЕРВОЙ РАЗВЕДКИ

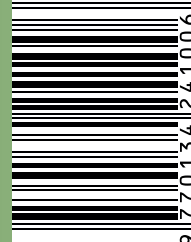
ШАМАН ВРАЧЕВАТЕЛЬ

ТАЙНЫ ПОЛОВЕЦКИХ
БАЛБАЛОВ

13007

9177013412410061

Июль 2013

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, Е.Г. Ямщикова

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки Река Нейва, камень Двуглазый
Фото Виктора Байдукова.

Редакция, издатель – общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

- в республике Татарстан
  - Борис Ткачев, Председатель отделения РГО в ХМАО
  - Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
  - Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
  - Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ**
© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №7 (673), 2013.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,
выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт. uralstalker.com» № 7. Отпечатано в типографии АМБ, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59. Телефон: +7(343)251-65-91. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 30.06.2013 года. Заказ №

Встречный ветер

Экспедиция

Л. РОКОТЯН
Уральская тайга
хранит память
о войне..... 3

Экспедиция

С. СОГРИН
В одной связке 8

Путешествия по Уралу
А. ПАВЛЕНКО
Заветные места 16

Путешествия по Уралу
В. ТРУСОВ
Охотники на шайтана 22

Река времени

Тропой поиска

Н. ПАРТАНОВ
Шаман, который
не спас себя 25

Никто не забыт?

Ф. ЕВСТАФЬЕВ
Советское небо
Кореи 28

Версия
А. ВАСИЛЬЕВ
Имбирь и корица
от древних
арийцев..... 32

Далекое-близкое
М. БЕССОНОВ
Первые русские
на землях
Верхотурья 36

Портреты

В. ПОПОВ
Наследство
управляющего.... 39

Давным-давно

Н. ФИЛИМОШКИНА
Тайны половецких
«балбалов»..... 42

**Верхотурские
были-небыли**
Ю. ГОРБУНОВ
Дева
и Велимир 46

Журнал в журнале

Элита

▲ Обломки, найденные в ходе поисков

Уральская тайга хранит память о войне...

1943 год. События Великой Отечественной войны приближаются к своей кульминации. Угроза Москве миновала. Но наши войска по-прежнему несут безмерные потери: Севастополь, Харьков, Сталинград... Урал в глубоком тылу. Но здесь — тоже фронт: конструкторские бюро, заводы и фабрики, карьеры и рудники работают круглые сутки. Урал — плацдарм для промышленных предприятий, эвакуированных из европейской части СССР, на которых трудятся все: от инженеров и рабочих до женщин и детей.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Леонид Рокотян

Специалист по истории авиации, эксперт.

 «Пепелац» штурмует бездорожье

Встречный ветер

 Трудности первой разведки

Для них война такая же, бессонная и голодная. Я помню это с детства. Знаю, что, пока одна моя бабушка на фронте под пулеметным огнем вытаскивала раненых с поля боя, другая взрывала скалы в карьерах под Свердловском. Смогут ли это представить и понять нынешние девчонки, которые работают в уютных офисах и для которых трагедия — это когда доставка пиццы задерживается? Но цель моего рассказа — не сравнивать, чем отличается «вчера» от «сегодня», а попытка показать одну из нитей, которая связывает Урал, Великую Отечественную войну и современность.

Аэропорт Кольцово сегодня: обширные технически оборудованные терминалы, корпуса из стекла и алюминия. А тогда — пыльное летное поле, ангары, бараки аэродромных служб, цистерны с топливом, караулы охраны, лай собак. Все это сопровождается рев десятков боевых, транспортных, учебных самолетов, не прекращающийся ни днем ни ночью, ни в жару ни в холод. Между самолетами беспорядочно курсируют грузовики: подвозят людей, почту, грузы — все, что необходимо срочно доставить на фронт. Любой стратегический груз, который в мирное время спокойно бы отправили по «железке», в условиях войны оперативно пересылается на фронт на любом попутном самолете. Чаще всего вылеты сопровождается дополнительным риском. Неподходящие погодные условия, отсутствие аэронавигационного сопровождения, усталость пилотов и неопытность новичков, полутренированные машины или американские ленд-лизские модели, малознакомые для сменных экипажей. Невзирая на это, люди осознанно поднимаются в небо, ведь тот груз, кото-

рый они везут, может быть важнее их собственной жизни.

Вот «полуторка» подвезла несколько тяжелых брезентовых тюков к старичку биплану Р-5. Пункт назначения — Сталинград. Срочно нужны резиновые сальники и прокладки из продукции завода РТИ, эвакуированного на Урал. Самолет нагружен под завязку, техники крепят мешки даже к нижним плоскостям. Пилот и штурман хмуро глядят на сплошную стену из облаков на юго-западе небосклона. В это время на взлетной полосе показался пикирующий бомбардировщик Пе-2 — гроза гитлеровцев. После ремонта его необходимо перегнать обратно на фронт. Но даже для Пе-2 долететь благополучно до передовой — задача не из легких. Впереди отроги Уральского хребта, покрытые плотной облачной завесой...

Самолет капитана Фадеева

Наше время. Мощный ЗИЛ-131 с ревом проходит вброд мутную неглубокую речушку. За ним пускаются два квадроцикла и наш «Пепелац», как ласково называет свой запорожец-вездеход Саня Быков. Грунтовый проселок петляет по весенней тайге, то и дело раздувая красноватую пыль, превращаясь в щебенистые осыпи или грязевые ванны и утопая в водах половодной речки. Но эти препятствия не остановят нас. Ведь где-то там, в тайге, еще с войны лежат остатки боевого самолета и безымянный холмик могилы экипажа...

Некоторое время назад меня пригласили заняться поиском самолетов, потерпевших катастрофы на Урале при перегоне с Аляски на фронт. Неизвестно, сколько всего самолетов за время войны осталось в уральских лесах. Но интересно, что в ходе экспедиции в числе найденных моделей, кроме ленд-лизовских, оказались и другие самолеты.

***

Организация нашего мероприятия стартовала весьма символично и масштабно, с 65-летнего юбилейного Дня Победы. Красочное празднество на Волчьей Горе в Михайловске, торжественный парад на центральной улице города и митинг у Вечно-го огня. Затем выступление исторических реставраторов, полеты парашютов и мотодельтапланов.

Набравшись сил после праздничных хлопот (отоспаться решили прямо на летном поле под Михайловском), мы начали подготовку к рейду в глубь тайги: продукты, снаряжение,

транспорт. Я занялся осмотром обломка стабилизатора, который был найден неделей раньше группой разведки. Клейма на отдельных деталях обломка не оставили сомнений — самолет наш. За моей работой внимательно наблюдали два пожилых человека, сыновья командира экипажа, могилу которого нам предстояло найти в уральской тайге. Собственно, с них и началась эта история.

Всю жизнь братья искали своего отца, зная только, что он погиб в 1943 году в катастрофе при перегоне боевого самолета. Они работали с архивами, высылали запросы, писали письма, звонили, следуя одной цели — найти тот самый безвестный холмик в глухой тайге. Я склоняю голову перед упорством и мужеством этих людей. Им по семьдесят с лишком лет. Их ровесники ходят по больницам и собесам, а братья — из Воронежа прямоком в дебри Урала, где последний раз поднялся в небо их отец — Алексей Николаевич Фадеев...

Саня Быков бережно одел старенький танковый шлемофон на голову одному из Фадеевых. Поскольку ехать им предстояло на «Пепелаце» (а это почти боевая машина) да по бездорожью, макушки надо бы побережить. Около полудня с окраины рабочего поселка наша колонна начала движение. В нашем составе сыновья капитана Фадеева, съемочная группа региональной телекомпании, переводчица американского консула, местные проводники и, может быть, госпожа удача...

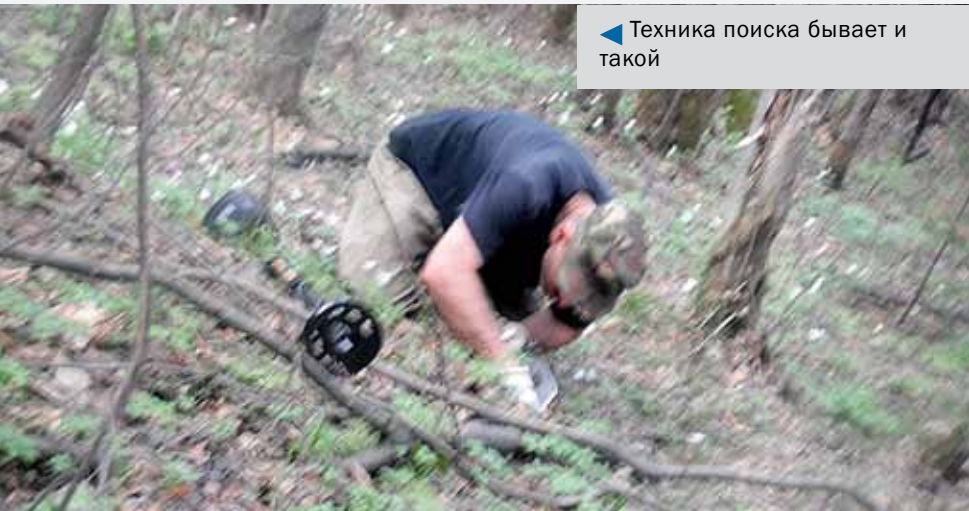
***

Часа в четыре дня добираемся до места, в район предполагаемого падения самолета. Разбиваем лагерь на берегу ручья. Позади нас громадный пустырь, здесь когда-то был хутор.

Наш начальник по хозяйству Анатолий Палыч Вязовцев распаковывает продукты и потчует всех на дорогу — работать будем до ночи. Проводники вместе со всеми уточняют маршруты поиска. Мне совещаться некогда. Только сынишка поставил палатку, я тут же начинаю распаковывать в ней поисковую технику. Когда все готово: GPS-навигатор включен, металлоискатель настроен — отправляюсь в сторону леса. Меня направляют по центру поисковой цепи, в которую рассыпалась вся группа. Шаг за шагом мы прочесываем зеленеющий лес в поисках обломков. То и дело меня зовут проверить очередной холмик, но мой металлодетектор молчит, а в наушниках только помехи. Птицы весело ще-

← Техника поиска бывает и такой

бечут, распускающиеся цветы радуют глаз, и даже не верится, что более 60 лет назад в этот лес ворвался грохот падающего самолета, треск ломаемых деревьев... Еще мгновение — и снова тишина, как будто ничего и не случилось.

Расширяем район поиска. Надеюсь только на везение (металлоискатель — один), я прохожу широкой «змейкой» по спирали, «загрубляя» поиск и все больше отдаляясь от основной группы. Хоть бы один кусочек алюминия, хоть бы одна гайка или проводок! А ведь, по свидетельству проводников, погибшую машину начали разбирать еще во время войны. Так что район падения неизбежно будет замусорен мелкими обломками. Только бы зацепиться за что-нибудь, чтобы вычислить место падения. А там уже и могилу нетрудно будет найти.

Солнце уже клонилось к западу, когда уставшие и голодные поисковики потянулись в лагерь. Захватив с собой консервные банки и обломок вил — все, что нашел, — я тоже двинулся к костру. Анатолий Пальч уже организовывал чай и ужин. С ним в любой тайге с голоду не умрешь. Все были довольны и, несмотря на сегодняшнюю неудачу, рассчитывали завтра закончить дело. За чаем я начал расспрашивать нашего проводника из местных, представившегося Шакирьяном, где были окрестные поселения, по которым могли растащить обломки самолета. «Один в двух километрах, — пояснил он, — а другой вот». И ткнул пальцем в сторону пустыря за моей спиной. Солнце еще не скрылось, в весеннем прохладном воздухе еще не разлетались комариные эскадрильи. И зачем тянуть? Вздвигнувшись душистым чаем Пальча, я взял свой верный искатель металла, лопатку — и вперед. А у костра народ уже добирался до супа...

Заброшенное жилье всегда оставляет тягостное ощущение, а тут целый хутор, домов пятнадцать, и одни только ямы на месте изб в зарослях молодой крапивы. Детектор пищит без конца. Так всегда бывает на месте человеческого жилища. Хлам, хлам. Пропускаю железо, стремясь зацепить хоть кусочек алюминия. Сумерки начинают стучаться. И вдруг мне повезло. Над ямой, оставшейся от фундамента дома, четкий сигнал алюминия. Не веря в удачу, разрываю землю. Так и есть — деталь самолета, причем большая, похожая на обломок стабилизатора или киля. Кричу, зову коллег. Куда там! Ужин в самом разгаре, шум-гам. Подойдя к ним ближе, наконец докричался. Завели квадроциклы и, кто бегом, кто верхом, наперегонки в мою сторону. Тут для меня с найденным обломком началась местная «пресс-конференция»: расспросы, фото- и видеосъемка. А мне отчего-то зверски хотелось есть, и уже в сумерках, свернув аппаратуру, я направился к костру.

Утро. Перед завтраком я выяснил у организатора экспедиции, что времени у нас мало и вечером мы должны возвращаться в город. Посетовав, решил отработать место падения ближе к обеду, а местного со странным именем взять в проводники. И рванул на второй заброшенный поселок, чтобы успеть прочесть его в качестве разминки, пока вся группа завтракает.

Следуя задуманной цели, мы с Шакирьяном идем в сторону жившей когда-то деревенской общины. Спустя полчаса проводник вывел меня к косогору у речки. Здесь и раскинулся громадный пустырь на месте бывшего поселка. Мой путеводитель бродит по пустырю и показывает места, на которых в 50-х годах были бараки, клуб, магазин, кузница. Сигнал детектора не умолкает, но опять попада-

ется один хлам. Примерно через полтора часа убеждаюсь, что больших обломков самолета здесь быть не может. Если что-то и принесено жителями, то незначительные мелочи, разбирать которые просто нет времени. Остается лишь вернуться в лагерь. Идти по весеннему лесу одно удовольствие: солнце припекает, птицы говорят с тобой, а под ногами целые заросли черемши. Мы ее набираем охапками, на обед.

В опустевшем лагере набрасываемся на завтрак. Полгруппы где-то в лесу, и Пальч с ними — приходится с продуктами разбираться самим. Вскоре все возвращаются из леса. От организатора я узнаю, что могила пилотов найдена и на ней установлен крест с мраморной табличкой. Великое дело сделано! Сыновья капитана Фадеева довольны, их глаза светятся радостной грустью. Еще бы, столько пройти и испытать, чтобы наконец-то оказаться здесь и взять горсть земли с могилы отца. Радуюсь вместе со всеми, но сомнения не оставляют меня. Ведь мой металлодетектор лежит в сторонке, он так и не сказал свое слово. А могила, по воспоминаниям местных старожилков, должна быть на месте падения самолета, но его так и не нашли. Этим холмикам, похожих на могильные, в лесу десятки. И это не холмики уже, через 60 лет, а ямы. Все соображения сплелись в один итог: может быть, поспешили... Но время неумолимо — экспедиция закончена, пора возвращаться.

***

Обратный путь был омрачен мелкими неприятностями. «Пепелац» получил прокол, и его хозяин долго возился с заменой колеса, кто чем мог ему помогал. Затем один из четырехколесных вездеходов на полдороге вышел из строя. Попытки выяснить причину сбоя ни к чему не привели, и квадроцикл всей толпой просто закатили в кузов ЗИЛа. На окраине рабочего поселка мы узнали от местных жителей, что Радика и Костю (телевизионных сотрудников) уже разыскивает МЧС. Они должны были накануне отправления позвонить в город, но не успели. В итоге все обошлось. Даже сломанный вездеход удалось завести, и Леша Крашенинников, участник экспедиции, мастерски съехал на нем прямо из кузова по двум наклонным доскам. Ничего не скажешь — профессионал! Так завершилось наше поисковое путешествие.

В городе снова закрутились обычные дела и заботы. Юрий Алексеевич и Эдуард Алексеевич Фадеевы уже уехали на родину, увезя горсть зем-

ли с места гибели отца. Время от времени я позванивал руководителю проекта, справляясь насчет дальнейшего расследования. Надо же было делать запросы в архив Минобороны и ФСБ относительно марки самолета и имен остальных членов экипажа. Советь подсказывала мне, что необходимо было хотя бы неофициально съездить в тайгу и за 2-3 дня найти место падения и настоящую могилу. Дело движется, и мы уже точно знаем марку самолета, штурманом которого был Алексей Фадеев, — это «Дуглас» DC-3.

*Р.С. Когда эта статья уже была написана, поступила информация от общественной организации «Возвращение». Дело в том, что летом 2012 года ее активисты предложили свою помощь руководству проекта, и в связи с задержкой ответа решили действовать самостоятельно. Я предоставил им нужную информацию о капитане Алексее Фадееве. Работа продолжилась, и вскоре поступил ответ из архива, в котором значилось, что самолет был наш, Пе-2 (пикирующий бомбардировщик), экипаж составляли четыре человека. В момент катастрофы, ввиду сложных метеорологических условий, трое пилотов погибли, а один выжил. Следовательно, в могиле должны лежать не два, а три человека. Поэтому имена остальных членов экипажа на сегодняшний день устанавливаются. Надеюсь, что в скором времени мне удастся продолжить рассказ о возобновленных поисках самолета под Михайловском. **УС***

▲ Анатолий Павлович Вязовцев

▲ Саша Быков

▲ Капитан Фадеев А.Н.

▲ Алексей Крашенинников

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ

«Альпинизм — это особый вид сложной всепоглощающей страсти»

Л. Е. Этинген

Наш альпинизм

Во всепоглощающий мир гор человек приходит по-разному. Кто-то с детства грезит встречей с горами, кто-то идет по стопам родителей, а кто-то случайно оказывается в горах, где ошеломляющая сказочная красота открывается навстречу твоей душе, и невозможно уже не вернуться в этот прекрасный Мир Гор.

Начало пути

Моя альпинистская «карьера» началась стремительно — в 1956 году на базе уже имеющегося богатого туристского опыта походов по Уралу. Я уже побывал на вершине Яман-Тау на Южном Урале, на Денежкином камне на Северном Урале и на высшей точке Урала — на горе Народа на Приполярном Урале. Ограниче-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Сергей Согрин

Родился в 1937 г. в Шанхае (Китай). Когда ему было 10 лет, семья вернулась в Россию, в Свердловск. Закончил Уральский политехнический институт по специальности «Металлургические печи». В «Уральском следопыте» печатался его очерк с изложением версии гибели группы туристов И. Дятлова. Настоящая публикация подготовлена автором на основе архивов семьи чердынской купеческой династии Алиных-больших. Живет в г. Усть-Лабинске Краснодарского края.

Пусть даже в мыслях и сновидениях. Не всем дается подняться на высокие горы и испытать восторг от величия открывшейся панорамы Гор. Альпинизм — это еще и преодоление. Преодоление не только тех трудностей и опасностей, что подстерегают тебя на пути к вершине. Это преодоление и самого себя, где присущи самые лучшие человеческие чувства. Альпинизм — это еще и свободное общение с интересными людьми, близкими тебе по духу и идеалам. У каждого в альпинизме путь, свои достижения в меру своих сил и возможностей, а порой и случая. Мы пришли в эпоху романтического альпинизма 50-х годов, где впитали в себя на всю жизнь восторженное, трепетное отношение к миру Высоких гор и к людям, идущим на их вершины.

ния по возрасту в занятиях альпинизмом позволили поехать в горы в альпинистский лагерь только после 1-го курса Уральского Политехнического Института (УПИ), в который я поступил в 1955 году на металлургический факультет.

В институте была альпинистская секция, где в весенний период уделялось серьезное внимание предлагаемой подготовке с выездом на скалы Азов-горы. Поэтому новички довольно хорошо знали узлы, приемы работы с веревкой и страховки, владели техникой передвижения по скалам, спуском по веревке способом Дюльфера и прочими навыками альпинистской техники.

Этой подготовкой новичков занимался доцент кафедры общей физики А.К. Кикоин — альпинист еще до-

Уральский следопыт, июль 2013

военного поколения. Он читал предусмотренные программой лекции по основам альпинизма. Он стоял у истоков возрождения послевоенного альпинизма в г. Свердловске. Долгие годы без преувеличения был бесменным его патриархом. Заведующий кафедрой общей физики УПИ, доцент, профессор. Одновременно ведет ис-

следования твердых тел с использованием нейтронов, создатель ускорителя электронов и т.д. Человек, беспредельно влюбленный в горы. На скалах был нам ровня...

А уже практические занятия проводили старшекурсники и выпускники института — инструкторы альпинизма. Одной из них была Г. Финогенова, которая и стала нашим первым тренером-инструктором отделения новичков на Азов-горе.

Перед лагерем, а это был альпинистский лагерь «Ак-тру» в одноименном ущелье на Алтае, мы прошли пеший маршрут по горному Алтаю 3-й категории трудности — тогда это была высшая категория в туризме. Так что наше отделение было хорошо подготовлено во всех отношениях к выполнению норматива и получению значка «Альпинист СССР».

В тот же год по «горящей» путевке я еще попал на 5-ю смену в лагерь «Алибек». Но завершить выполнение 3-го разряда не позволила погода.

...Туризм, краеведение, жажда путешествий захватили мое воображе-

◀▶ Зима 1960 г.

ние с шестого класса школы. Тогда я и оказался в краеведческом кружке Свердловского Дворца пионеров в обществе юных географов и краеведов «Глобус». Пять лет занятий под руководством замечательного педагога и рассказчика А. А. Арзамасцева. Изучение истории Урала, походы по родному краю сопровождались последующими отчетами по широкому кругу исследований: геология, почвоведение, метеорология, этнография и прочие разделы краеведческой работы. А раз походы, то это отработка техники и тактики путешествий. Две спортивно-научных экспедиции в заповедник «Денежкин камень» с восхождением на его вершину организовал и провел для нас А. А. Арзамасцев. Будучи уже немолодым, с ранением, полученным на полях сражений в Великой Отечественной войне, он решил ради своих воспитанников на этот мужественный поступок.

В последний год занятий у Александра Александровича мы побывали уже в самостоятельных походах: летом по Южному Уралу с восхождением на его высшую точку Яман-Тау, зимой — по Среднему Уралу. Со временем все больший интерес я стал проявлять к альпинизму. Это были годы первых восхождений на «восьмимысячники» Гималаев, покорения Эвереста. Появилось много книг, рас-

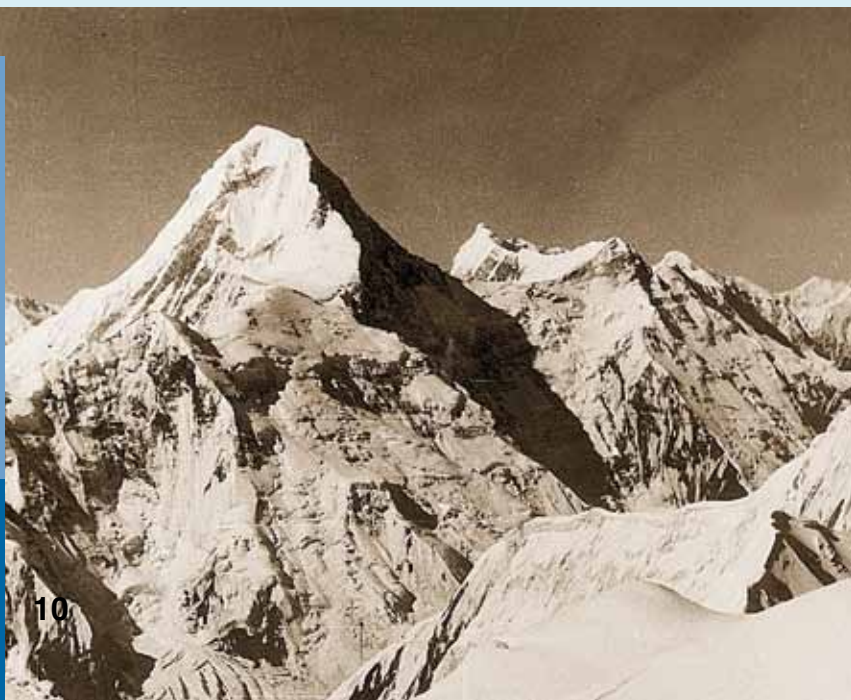
сказывающих об этих восхождениях. Альпинизм больше привлекал своей спортивностью, сложной техникой и тактикой, но по правилам им можно было заниматься только по достижении 18-летнего возраста, надо было еще «подрости».

С поступлением в институт, в составе сборной команды области, принимаю участие в сложном зимнем путешествии на Приполярный Урал с восхождением на вершину г. Народа — высшей точки Урала... В спортивном туризме привлекала познавательная сторона: широкая география путешествий, разнообразие природы, климатических зон и способов передвижения. И, уже занимаясь серьезно альпинизмом, я продолжал организовывать сложные зимние походы. В 1957 году переход по древнейшей Государевой дороге через Урал. Этот путь соединял Россию еще во времена Ивана Грозного с Сибирью. Долгим и трудным путем русские купцы по Каме добивались до города Чердынь Перми Великой, затем по реке Вишера и через Каменный Пояс (Урал) попадали в Сибирь на реку Лозьву, где было поставлено первое русское поселение — Лозьвинский городок. Некоторые купцы добивались даже до Китая.

Лето 1957 года провел в альплагерь «Кок бас тау» в Заилийском Ала-Тау. По тем временам сезон прошел более чем удачно. Тогда поэтапных программ обучения не существовало. Приехал в лагерь, прошел цикл занятий, и можешь ходить на восхождения в соответствии с Правилами, усложняя маршруты. Тут же довыполнил третий разряд и появилась возможность совершать восхождения по маршрутам 3-й категории трудности. В те годы было необязательным

▶ Эмма на зимнем траверсе подковы Туюк-Су. Вдали пик Маяковского

▼ Центральный Тянь-Шань. Хан Тенгри с С.-В. 6995 м. Справа пик Чапаева, правее вдали пик Максима Горького

▼ Пик Максима Горького

участие инструктора в группах разрядников. А потому после проверки нашей группы тренером на восхождении он дал рекомендацию нам на самостоятельные выходы. До 2-го разряда не хватило одного восхождения второй категории.

Жажда туристских путешествий не отпускает. Альпинизм на начальном этапе еще не дал тех ожидаемых острых ощущений преодоления сложных маршрутов. Готовлю зимний поход на Кольский полуостров в Карелию. И вдруг предлагают путевку на зимнюю смену в альпинистский лагерь «Уллу-Тау». Возможность совершить зимнее восхождение на Кавказе подкупает. Но... по прибытии в лагерь нас разочаровывают: «Лагерь зимой работает по горнолыжной программе». Наш инструктор-тренер — мастер спорта по альпинизму Рэм Терро — после более близкого знакомства и занятий получает разрешение сходить с нашим отделением на восхождение на вершину 1-й категории трудности. С первой же ночевки нас возвращают в лагерь. Начальство одумалось и решило не рисковать.

Летом 1958 года школа инструкторов альпинизма в лагере «Джан Туган», расположенного в ущелье Адыл Су на Кавказе. Учебный поход школы вдоль Главного Кавказского хребта из Приэльбрусья в Безенги. И в заключение восхождение на Эльбрус. Здесь стал свидетелем уникального Брокенского видения, когда с восходом солнца на небосклоне шагали наши гигантские тени.

В зиму 1959 года готовлю сложное путешествие на Приполярный Урал. Маршрут начинается на реке Печора от поселка Аранец. Здесь проходила в древности так называемая Аранец-

кая тропа, что Новгородские «ушкунники» проложили в Сибирь. Это ей потом на смену много южнее появилась более короткая Государева дорога в Сибирь.

Поход рассчитан более чем на двадцать дней по ненаселенной местности, по глухой тайге и высокогорной тундре. Снова предлагают поездку в альплагерь на Кавказ. Но... в походе по Приполярью планируем зимние восхождения на вершины Сабли, Неройки и Тельпосиз. Насколько нам известно, на сложный скальный массив Сабли зимних восхождений не было. Эта возможность привлекает, нежели опять сомнительное восхождение на Кавказе. Из-за сложности маршрута вершины Сабли достигли только трое из восьми участников похода.

Сложность маршрута обусловлена была тем, что зимой на скалах нарастает метровый, а то и больше, слой инея и льда, который при первом прикосновении обрушивается. Найти надежную точку опоры не представляется возможным — все осыпается... В столь длительный поход мы могли взять только одну веревку (итак стартовый вес рюкзаков доходил до сорока килограммов). Зато спокойные пологие склоны горы Неройки позволили всем составом подняться на ее вершину.

А на следующий день началось: непогода, метель и полное отсутствие видимости. Пришлось выкопать снежную пещеру в надуве, образовавшемся под скалами, и двое суток отлеживаться в ней. Когда покинули эту «берлогу», то снаружи на ярком солнце сияли заснеженные вершины и было за минус тридцать...

По возвращении с Приполярного Урала на следующий день оказываюсь

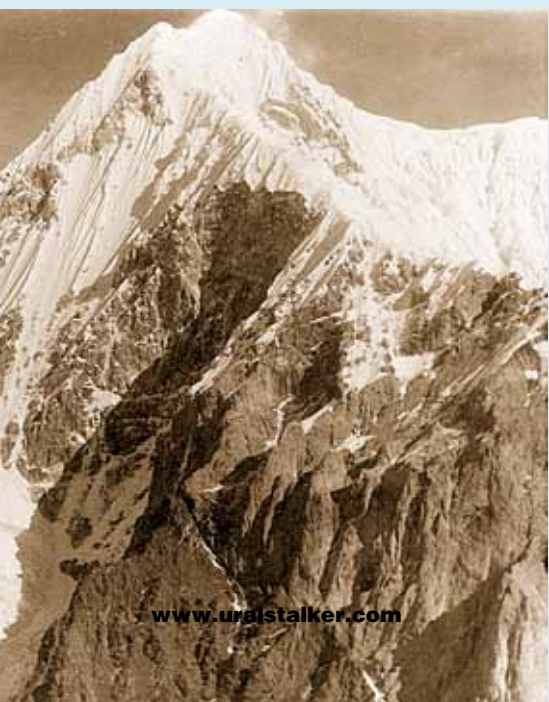
на Северном Урале, откуда не вернулась из похода группа туристов нашего института под руководством Игоря Дятлова. Эта загадочная история их гибели до сих пор дает пищу богатому воображению журналистов.

Учитывая мой уже достаточно богатый опыт зимних походов, меня привлекли к поисковым работам в качестве одного из руководителей и эксперта в помощь следствию. Но существующий режим тех лет не позволил в открытую говорить о случившемся. Потребовалось 54 года и смена государственного устройства, чтобы воссоздать истинную картину трагедии. Техногенная катастрофа, разразившаяся над головами туристов, связанная с началом космической эры, привела к бегству всей группы из палатки раздетыми. А далее мороз и ветер сделали свое дело. Все девять человек замерзли. Об этой истории моя статья в журнале «Уральский следопыт» за январь 2013 года.

К этому времени я выполнил требования для получения звания «Мастер спорта СССР» по туризму. Лето 1959 года стало последним в моей туристской «карьере». В составе сборной команды области прошел интереснейший маршрут по Восточным Саянам с восхождением на пик Грандиозный и сплавом на плотах по Большому Енисею.

1959 год. А/л «Талгар». Стажировка и сразу выполнение 2-го и 1-го разряда с превышением. В активе уже есть маршрут 5-й категории. Узнаем, что алмаатинские альпинисты стали ходить зимой в горы. Значит, зимний сезон 1960 года будем проводить в горах Заилийского Ала-Тау.

Зима 1960 года ознаменовалась поездкой в лагерь «Горельник», где я в качестве руководителя прошел

▼ На вершине Максима Горького. За сутки до лавины

▲ Приполярный Урал. 1956 год.
К вершине Манараги

маршрут по С-В гребню на пик Комсомола 5-а категории трудности. На подходах к маршруту, при выходе на Талгарский перевал, из-под ног ушла гигантская лавина из снежной доски. Это стало серьезным предупреждением: зимние восхождения требуют иного подхода к выбору маршрута и тактики его прохождения.

В «Горельнике» обратил внимание на двух девушек, приехавших из Душанбе. Одна из них уже имела альпинистский опыт восхождений в Таджикистане, годом раньше закончила школу инструкторов альпинизма. После нашего успешного восхождения на пик Комсомола она в составе нашей группы свердловчан сходилась на два восхождения. А осенью того же года Эмма Григорьевна стала Согриной. Весь дальнейший наш путь в альпинизме прошел в совместных восхождениях и работе в горах.

В результате этих успехов наша группа довольно сильно оторвалась от других членов нашей секции УПИ. И летом этого же года было решено, что для дальнейших серьезных совместных восхождений их необходимо подтянуть до нашего уровня. В связи с этим почти все летние восхождения мне пришлось совершать уже в качестве руководителя.

▲ Занятия на скалах Азов-горы. 1956 год. Переправу по канатной дороге демонстрирует Г. Финогенова

Эта работа по созданию команды продолжилась и в 1961 году, когда мне уже в качестве руководителя спортивного сбора УПИ пришлось проводить его на базе а/л «Талгар». Ребята начали совершать восхождения по маршрутам 5-й категории. Под моим руководством проходим траверс Талгарского массива 5-а категории трудности. Было впечатление, что вся наша большая команда подошла к большому спортивному альпинизму.

В 1962 году большую группу свердловских альпинистов приглашают в состав команды ЦС ДСО «Труд» для участия в Чемпионате СССР. Заявлен траверс вершин: Максима Горького — Абалакова — Чапаева — Хан Тенгри на Центральном Тянь-Шане. Мы активно готовимся к участию и получению первого для нас высотного опыта. Лыжные тренировки дома. Зимой в январе снова едем в Мало-Алмаатинское ущелье. Я руководитель спортивного сбора. Проходим траверс подковы Туяк Су, маршрут 5-а категории и несколько стеновых маршрутов. Опять были свидетелями гигантской пылевидной лавины.

До начала экспедиции снова в «Талгаре». С Володей Крыловым проходим стену на пик Труд в Талгарском массиве 5-б категории труд-

▲ Подъем на высшую точку Урала — вершину Народа. Восхождение сопровождалось лютым морозом и штормовым ветром. Справа С. Согрин

ности. Маршрут крутой, сложное лазание по скальному рельефу. И вот, наконец, экспедиция. Общий сбор во Фрунзе. Руководитель — москвич Борис Гаврилов. Обращаю внимание, что экспедиция плохо подготовлена, многие организационные вопросы не продуманы, что потом сказалось и на результатах. Мы свои мероприятия, пусть не столь масштабные, организовывали четко, продумывая каждую мелочь, что в изрядной степени гарантировало успешную работу в горах без сбоев и аварий. Мы и мечтали продолжать ходить своей командой, своим коллективом. А тут поддались соблазну поучаствовать в «солидном» мероприятии. А ведь еще годом раньше мы подали заявку на траверс массива Чоктал в рамках участия в Чемпионате СССР. Но потом отказались от участия, т.к. решили сконцентрироваться на подготовке своих товарищей для создания сильной команды. Вот наши успехи подметили москвичи и решили усилить свою команду. А мы не устояли.

Для меня эта экспедиция стала концом моих больших планов в спортивных достижениях. Аклиматизационный выход и заброска на Чапаева дались всем очень тяжело. Наши

▲ На занятиях. Впервые спуск способом Дюльфера. Азов-гора. 1956 год

▲ Северо-восточный гребень п. Комсомола. Ночевка под вершиной

▲ Пик Чапаева. Восхождение всем далось очень тяжело

руководители не обеспечили участников должным питанием, не хватало примусов и кастрюль. Доставалось не больше кружки воды. Заброской на М. Горького руководил Гаврилов. Он укомплектовал группу в основном из Свердловчан. Памятуя о просчетах на Чапаева, взяли в свои руки подготовку снаряжения, питания. В этом

плане было все отлично. Но нас здесь поджидала другая беда.

На спуске с вершины в результате серьезных тактических просчетов руководителя вся группа попала в снежную лавину из свежевывавшего влажного снега. Трое участников серьезно пострадали. По степени тяжести это были: Р. Кондратьев с травмой основа-

ния черепа (через несколько лет умер), С. Согрин — перелом и вывих обоих голеностопных суставов со смещением и Н. Мамаев — вывих коленного сустава. Остальные отделались незначительными травмами, позволившими им продолжить спуск самостоятельно.

Причиной такой тяжелой аварии стало решение Б. Гаврилова, как руководителя, сразу после снегопада, в наибольший пик вероятности схода лавин, продолжить спуск. Свердловская команда долго возражала, но в конечном итоге Гаврилов сказал: «Мой приказ — спускаться, а разбираться будем внизу»... Не идти же на раскол команды? Собрали рюкзаки и вниз. Сам спуск был выбран по склону, хотя была возможность двигаться по гребню, где технически передвигаться чуть труднее (круче), но намного безопаснее. Для более быстрого спуска я закрепил на участке с выходом льда перильную для всей группы веревку. Спуск на снег прошел быстро, и все сняли кошки. Дальше можно было уже идти одновременно.

И только я собрался начать спуск на передних зубьях, как услышал сверху шум. Поднял голову и увидел снежный вал лавины. Как мог, вдавился в склон в надежде, что лавина пройдет надо мной. Еще мгновение... Какие там плавательные движения, рекомендованные учебника-

ми! Бешеная скорость, тебя бросает, крутит как угодно. То ты летишь кувыркком, вниз головой, глотаешь снег. На склоне были скальные сбросы. После падения с них при приземлении от удара воздух из легких вылетает как пушечное ядро. Дышать почти невозможно. Не успеешь набрать воздух, как его снова вышибает из легких в очередной раз. Но сознание работает. Страха нет. Стараюсь катиться в лавине на спине и головой вверх. Колени поджал к груди. На очередном скальном сбросе после свободного полета, видимо, от удара кошки вонзаются на склон, и меня в очередной раз перекидывает вперед вниз головой. Это падение оказалось роковым. Вонзившиеся кошки в склон выворачивают стопы

▼ Сергей и Эмма Согрины

► Альпинистский лагерь «Талгар». Тянь-Шань. Хребет Заилийский Ала-Тай

в обратную сторону. Но я пока этого не знаю, боли не ощущаю. Единственное желание: скорее бы все это закончилось... Лавина, выкатившись вместе с нами на более пологий склон и протавив нас несколько сот метров, затихает. Все, кроме Р. Кондратьева, на поверхности. Но его быстро откапывают, он без сознания. И тут я обнаруживаю, что не могу встать на ноги. Шекельтон на левой ноге чуть распорот зубьями кошки или ледорубом, выступает кровь. На подбородке шрам и течет кровь. Ребята ставят под скальным выступом палатку и нас, пострадавших,

переносят туда. И все уходят вниз за помощью.

Боли я по-прежнему не ощущаю. Но понимаю, что в таком положении оставаться нельзя. Надо снять шекельтоны и защитить ноги от возможного обморожения. Осторожно срезаю с ног шекельтоны, закурываю их в шерстяной свитер и шарф и надеваю на ноги рюкзак. Рядом стонет Кондратьев. С нами остался Г. Корепанов, который не рискнул спускаться из-за сильных ушибов и болей в груди. На следующий день он вынужден был самостоятельно уйти вниз.

К вечеру к нам поднимается врач экспедиции А. Шиндяйкин. Если учесть, что он на тот момент не имел никакой альпинистской подготовки и сумел в одиночку без сопровождающих подняться к пострадавшим, то надо отдать должное его мужеству и смелости. А дальше повторный сход

небольшой лавинки, которая перепрыгнула через нас, ночь в палатке, и только отдельные эпизоды сохранились в памяти в помутневшем сознании.

Нам повезло в том плане, что рядом находилась экспедиция Казахского клуба альпинистов. Многих ребят из Алма-Аты я хорошо знал еще по «Талгару» и «Туюк Су». При транспортировке вниз по склону на ледник запомнился Фуат Мансуров, который проявлял ко мне большое внимание, успокаивал и оберегал на сложных участках. И снова провал памяти. На леднике А. Шиндяйкин попытался вправить вывихи, после чего я почти не приходил в сознание до поступления в больницу г. Фрунзе.

У Казахской экспедиции под языком л. Иньчечек оказался караван лошадей. Пока его привели вверх, а это два дня пути, соорудили на лошади подобие носилок, транспортировали вниз, где нас уже забрал вертолет санитарной авиации, ушло 7 дней. За весь этот путь только дважды возвращалось сознание. Первый, когда лошадь на леднике поскользнулась и со мной покатила вниз по льду. А второй – уже в вертолете, где я лежал на полу, но почему-то видел горы долины. Скорее всего, это уже были какие-то галлюцинации.

После транспортировки пострадавших в лавине группа Казахского клуба сходила на п. Хан Тенгри, где Фуат обморозил ноги. Мало кто из зрителей Большого театра в Москве знал, что за дирижерским пультом до конца своих

▼ А. К. Кикоин — душа институтского альпинизма

▲ Ледник Южный Инылчек. Базовый лагерь экспедиции под вершиной Хан-Тенгри

дней стоял человек с ампутированными стопами.

В больнице вновь вправили вывихи и наложили циркулярный гипс, так как после длительной транспортировки с плохой фиксацией суставы самостоятельно не держались. Наутро я очнулся от невероятной боли. Орал и требовал снять гипс из-за жуткого распираания и болей. Гипс сняли. Из опухших стоп и открывшихся ран потек гной. От долгого пережатия ткани омертвели, начался некроз...

А потом гангрена и предложение консилиума врачей ампутировать стопы...

Крушение надежд

В этот год Эмма работала в «Талгаре». Ее вызывает радист и сообщает, что я попал в лавину и нахожусь в больнице г. Фрунзе. Она тут же выезжает. Вот ее впечатления:

«Захожу в палату. Сергея не узнать, настолько исхудал. Ноги

по обе стороны кровати лежат в простых жестяных ваннах в марганцовке. Стопы отвисли на пятках. На месте сустава сверху зияющие глубокие раны. Видны сухожилия и кости. Через пару дней сухожилия исчезли — перегнили. Вызывает главврач и сообщает, что стопы надо ампутировать, не выживет. Нужно согласие. Кто-то входит, выходит, до слуха доходят слова: «Такая молодая, зачем ей инвалид без ног, может еще устроить свою жизнь». Все поплыло в тумане. Очнулась на кушетке. Вокруг суетятся люди в белых халатах».

А тем временем мой лечащий врач (к сожалению, уже забыл, как ее звали, но помню, что фамилия была немецкая, тогда в Ср. Азии жило много немцев) очень сопереживала моему состоянию, часами не отходила от меня, делала все возможное, чтоб спасти стопы. Помню, как она забеспокоилась, когда увидела первые признаки гангрены, как гоняла сестер принести те или иные препараты, делала противогангренозные уколы. И потом на перевязках решительно вскрывала гнойные мешки без наркоза. Как я понял, это имен-

▲ На гребне пик Чапаева. Вершина вдали

но она возражала против ампутации, взяв всю ответственность на себя.

И как она искренне радовалась, когда кризис миновал. Теперь задача сводилась к тому, чтоб стопы «приросли» в нормальном физиологическом положении. Речи о восстановлении подвижности суставов уже не шло. Более 3-х месяцев мне для обезболивания кололи морфин. Потом меня перевели в другую палату, сменился врач. Он цинично заявил, постучав пинцетом по костям: «И чего с тобой столько возились, давно пора было отрезать». Удивился, что я до сих пор на «игле», и отменил инъекции морфина, который кололи каждый день и не по одному разу.

Пару дней было тяжело, уже наступало привыкание к наркотикам. Потом отец перевез меня в Свердловск, где поместили в Институт восстановительной хирургии. Оказалось, что гнойный процесс перешел на кости. Лечение продолжилось... ❏

Заветные места

У каждого охотника, наверное, есть такие места, о которых он будет вспоминать с особой теплотой. Это такое место, где происходили его лучшие охоты или эпизоды этих охот, которые навсегда останутся в памяти яркими моментами его жизни. Его всегда будет тянуть вернуться туда, чтобы вновь взбудоражить свою память и ощутить те прекрасные мгновения прошедших лет.

Для меня одним из таких заветных мест, оставившим одни из самых интересных воспоминаний, является Лявдинка.

Лявдинка — неприметная точка на карте Свердловской области, географически получившая название, наверное, от речушки Лявдинка, текущей невдалеке от нее. Это был небольшой населенный поселок, расположенный в 40 км на север от города Ивделя рядом с железной дорогой, ведущей на север до самого Приобья. А был потому, что давным-давно этого поселка

уже не существует и железнодорожная станция, которая была при нем и на которой ненадолго останавливались поезда, отменена.

Чем же интересно было это место? Интересно оно было своими ягодными местами. Огромными брусничниками, устилающими своими коврами кедрово-сосновые массивы с перемежающимися между ними полями клоквенных болот и вытекающими из них небольшими таежными речушками. Ягодный рай. В свое время в конце XX столетия даже был организован та-

Фото предоставлены автором

Андрей Павленко

кой специальный поезд для ягодников, курсировавший из Свердловска до Лявдинки по выходным дням. И отпечатана географическая карта этого района под названием «Маршрут выходного дня».

Впервые на Лявдинку я попал с друзьями совсем не охотниками. Они заманили меня своими рассказами о том, как иногда во время сбора ягод им часто попадались огромные лесные птицы, пугающие ягодников своим шумным взлетом. Этот рассказ меня очень заинтриговал, тем более что я в то время увлекся охотой, ну и заодно, если очень постараться, то можно было набрать ягод приличное количество. В те места, как правило, отправлялись в конце августа или в первых числах сентября, подгадывая так, чтобы захватить выходные дни, что позволяло при хорошем урожае ягод собрать полную пайву (это такой специальный металлический короб с лямками для транспортировки ягод). В то время у меня был молодой русский охотничий спаниель, с которым мы выезжали на охоты в окрестностях г. Свердловска. Мне тогда очень хотелось поохотиться по боровой птице, где-нибудь в настоящей тайге. Высадившись с то-

варищами на станции «Лявдинка», мы пошагали по дороге, ведущей в лес. Кроме нас четверых, я насчитал еще человек около сорока, шедших с нами по дороге в этом на-

правлении. Пройдя километра полтора от станции, мы сделали привал попить чаю и изготовить специальные тележки для того, чтобы перегрузить свои рюкзаки на них. Зара-

нее заготовленные колеса для тележек везли с собой, это, как правило, были колеса от старых детских колясок. Загрузив свой нехитрый скарб на тележку, мы двинулись дальше по лесной дороге. Нам предстояло пройти вот так, запряженными каждый в свою телегу, порядка 16 километров. Дорога, по которой мы тянули тележки, уходила строго на север и представляла собой насыпь бывшей узкоколейки, построенной когда-то эсками для вывоза леса. Она шла в основном через болота, изредка прорезая массивы леса. Картина открывалась живописная. Иногда дорога шла на понижение, и в этих местах, как правило, насыпь

ка. Это была большая поляна, вернее бывший выруб, на котором стояли палатки или балаганы, изготовленные из полиэтилена собирательниц ягод. Потом уже, когда я ознакомился с этим местом поближе, то, по моим подсчетам тут находилось человек около двухсот. «Какие тут могут быть глухари, при таком скоплении людей!» — подумал я. Но последующие мои выходы в лес за ягодой показали, что птица была и что она вполне мирилась с тем количеством ягодников, которые оккупировали эти места.

Очень запомнился мне один эпизод, когда я шел, собирая бруснику между рядами в невысоких со-

пересекали небольшие ручьи, вытекающие из болот. Насыпь за многие годы настолько уплотнилась, что грязь, какими обычно изобилуют лесные дороги, не было, поэтому мы преспокойно шли в кедах. Километров через пять мы сделали привал отдохнуть и проверить, есть ли клюква на болоте, которое начиналось за массивом кедрача метров через пятьсот. И действительно, пройдя через него, мы вышли на болото, на кочках которого однобоко розовела клюква. Спаниелька моя все где-то носилась по лесу, но признаков птицы пока не наблюдалось. Проверив клюкву, мы двинулись дальше на север. Часа через четыре наконец мы добрались до того места, где предполагалась наша стоян-

сных посадках. Вот же были тогда времена — лес вырубали, а на его месте новый сажали, не то что теперь! Параллельно ряда через два собирали бруснику другие ягодники, о чем-то громко разговаривая между собой. В один из моментов мой взгляд уловил движение в соседнем междурядье, и я остолбенел — встречным ко мне курсом шел глухарь, поклевывая бруснику. Когда глухарь поравнялся со мной, он остановился и, вытянув высоко шею, уставился на меня. Я стоял как вкопанный оттого, что впервые так близко видел глухаря, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки, и, видимо, от такой его наглости. Мы молча таращились друг на друга. Ружье у меня было с со-

бой, но стрелять по глухарю не могло быть и речи — напротив меня находились люди. Так простояли мы еще какое-то время, но, видимо, я шевельнулся, и глухарь, подскокил вверх, расправив крылья и пролетев вперед, опустился на землю. Быстрыми куриными шагами он скрылся в междурядье. «Вот это наглец!» — крутилось у меня в голове. Вечером у костра я рассказал своим товарищам об этой удивительной встрече. На следующий день я не стал собирать ягоду, а целенаправленно отправился в лес с собакой на поиски глухарей. Нам повезло. Отойдя от лагеря, где-то около километра по лесной дорожке, моя собака подняла глухариный выводок, и мне удалось подстрелить пе-

была молодая западносибирская лайка, и это была прекрасная возможность поставить ее по глухарю. В тот год, на наше счастье, из-за погодных условий случился неурожай на ягоду, и сарафанное радио быстро разнесло эту новость. Да, видимо, еще сказались многолетние набеги хапужников в эти места, и брусничник был основательно подорван. Поэтому, когда мы добрались до того места, где стояли лагерь в прошлом году, мы оказались одни. Нас это нисколько не расстроило, а наоборот, ощутить себя наедине с природой, зная, что в округе за много верст никого нет, это было здорово! Времени у нас было предостаточно, чтобы основательно изучить здешние места. Ягоды действительно было очень мало, но не настолько, чтобы не хватало для питания местной популяции боровой дичи. Рябчика было в избытке. Его нераспуганные выводки позволяли подойти к ним на очень близкое расстояние. По утрам мы просыпались под бормотание тетеревов, которые устраивали свои толковища недалеко от нашей поляны. Попадавшиеся следы лосей напоминали о своем присутствии, а на одном из дальних «усов», так мы называли старые ответвления узкоколейки, уходящие в глубь леса, нам попалась хорошо набитая медвежья тропа. Причем следы присутствия медведей нам попадались повсеместно в виде их следов или помета. Видели и задиры на стволах деревьев. Но, слава Богу, сталкиваться с ними близко, сколько лет я туда ездил, не приходилось. Видимо, в их поведении выработался инстинкт благовременного избегания встре-

чи с человеком, из-за большого количества людей, когда-то посещавших этот район. Да и вообще, медведь сам по себе зверь очень осторожный. От местных охотников, с которыми я изредка сталкивался за время моих поездок в эти места, я слышал о том, что они добывали медведей здесь. В основном петлями или ловушками, построенными из бревен, напоминающими огромные мышеловки. Пара таких ловушек мне попадалась в лесу. Также от охотников я слышал, что по боровой дичи, особенно по концентрации глухаря, это было одно из лучших мест в Ивдельском районе. Действительно, глухаря, сколько я сюда ездил, встречалось достаточно, чтобы поохотиться с собаками, самим поехать и привезти домой. Были, конечно, сезоны, когда глухаря встречалось меньше, чем в прошлом, или наоборот — все зависело от благоприятности того или иного времени года. Особенно на популяцию птицы сказывалось, какая была в том сезоне весна.

Запомнился мне один момент в одной из поездок, когда мы с моим братом дошли до тупика одного из «усов». Наши собаки подняли сразу порядка двух десятков, а может и больше, глухарей. Глухари, взлетев, расселись тут же на ближайшие деревья, разлетаться им, видимо, не хотелось. Мы остолбенели. Было такое ощущение, что мы забрели в лесной курятник. Наши собаки находились в состоянии нервной эйфории. Они носились с повизгиванием, нервной дергая хвостами, от одного дерева к другому, не зная, на какую птицу лаять. Со всех сторон доноси-

тук. Это был наш первый с ней глухарь. Три дня в лесу за сбором ягод пролетели очень быстро, и мы, нагрузив телеги, отправились обратно домой. Пока мы шли по дороге обратно на станцию, нам постоянно попадались глухаринные выводки, вышедшие на дорогу поклевать гальку. Моя собака каждый раз, увидев впереди очередной выводок, неслась к нему, развывая своими большими ушами, за несколько сот метров разгоняя их с дороги. Было забавно смотреть на это.

На следующий год я снова поехал в Лявдинку. Вместе со мной поехал мой брат, в ту пору страстный любитель охоты с лайками, очень заинтересовавшись моим рассказом об этом месте. У него как раз

от того места, где мы останавливались, избушка. Она была изготовлена из не толстых бревен и на треть врыта в землю в виде землянки. Видимо, построенная когда-то для сушки ягод и грибов, так как кроме печки, изготовленной из железной бочки, и полок из жердей, там больше ничего не было. Видно было, что избушкой уже давно не пользовались по ее прямому назначению. И мы все наши последующие приезды в это место стали останавливаться в этой избушке, постепенно приводя ее в порядок. В теплые сухие ночи мы ночевали у костра рядом с избушкой, а когда шли дожди, сушились и ночевали в ней. Позже, через несколько лет, я привез в это место поохотиться своих приятелей из городской секции лаек. В тот год было много глухаря, и они были в полном восторге от охоты и от возможности натаскать своих молодых лаек по боровой птице и белке. Им настолько понравилось это место, что в последующие годы осенние сезоны охот они стали проводить здесь. Со временем к ним присоединилось еще несколько человек из секции, и это место стало своеобразным учебно-тренировочным центром для них. Когда у меня появилась лайка, то первые с ней университеты по глухарю и белке мы про-

лась глухариная клокотня. Немного придя в себя, мы попытались посчитать количество птиц, но так до конца и не смогли это сделать. По какой причине здесь собралось несколько выводков одновременно? Может, у них здесь было своеобразное токовище — сказать было трудно. Мы без особой осторожности разговаривали между собой, выбирая вслух, кто в какого из петухов будет стрелять. Уронив пару молодых глухарей, на радость нашим собакам, мы больше не стали тревожить этот курятник. Между нами с братом существовала договоренность, что добывать более одной птицы на каждого за день охоты не имеет смысла. И, по возможности, это должен быть петух, добытый из-под собаки. А не имело смысла, потому что этого вполне хватало для нас двоих и наших собак. Обычно дня за три перед отъездом домой мы заготавливали по паре петухов для дома, а если этого не удавалось, бывало, нужное количество добывали по дороге обратно. Очень здорово обрадовала нас найденная невдалеке

ходили также здесь. Иногда в команде оказывалось 2–3 эксперта, и тогда удавалось провести полевые испытания в настоящих условиях. Обязательно какая-нибудь лайка, а то и не одна, возвращалась оттуда с полевыми дипломами по белке или глухарю. По вечерам под навесом, изготовленным рядом с избушкой, у костра, все собиравались за кружкой крепкого чая, засиживались допоздна, за рассказами и беседами, обсуждая и делясь впечатлениями о прошедшем дне охоты. Удаленность этого места от автомагистралей и непростая возможность добраться до него позволяла длительное время сохранять популяцию боровой птицы на довольно хорошем уровне. Достаточное количество глухариных выводков, которые не боялись и не улетали из-под лайки, давало возможность быстро в течение одного-двух сезонов прилично поставить ее по данному виду дичи. О белке я намеренно умалчиваю потому, что здесь ее всегда было много. В некоторые сезоны она просто, как говорит-

ся, не давала проходу. Собаки постоянно отвлекались на нее. Некоторым счастливицам даже подфартило потренировать своих собак по соболю. Мне кажется, что все, кто из знакомых приезжал в это место, оставались довольными проведенным здесь временем.

К сожалению, не безоблачна судьба Лявдинки. Строительство автомагистрали Ивдель – Югорск прошло через это прекрасное место, нарушив его покой и гармонию. Легкая доступность к нему не замедлила на нем отразиться. Место, что называется, стало «проходным двором». В последние два приезда туда мы сами доезжали к избушке на машине. Я ехал на машине к избушке, и мне самому не верилось, что такое может быть. Мне вспомнилось, как мы катили на себе тележки несколько часов по этой «дороге жизни» – так впоследствии мы ее окрестили, видимо за то, что она, как нить, являла собой связь между миром природы и человеческой цивилизацией. Газовики также внесли свою печальную лепту в это ме-

сто, организовав там подъездную дорогу ко второй нитке газопровода. К сожалению, все течет, все меняется, и для этого места не в лучшую сторону. Уже последние поездки туда показали, что популяция боровой дичи резко пошла на убыль, количество выводков глухаря по сравнению с сезонами десятилетней давности сократилось, на мой взгляд, в пять, а может, и более раз. Птица стала пугливой, практически не выдерживала облаивания собаки. Поведение ее стало напоминать глухаря, сохранившегося кое-где в лесных массивах недалеко от Екатеринбурга. В довершение ко всему в последний год в Ивдельском районе произошло большое количество пожаров, один из которых прошелся через это место, уничтожив значительную часть леса. Конечно, не хотелось бы заканчивать свое повествование на такой грустной ноте, но, к сожалению, печальная судьба вот таких заветных мест часто схожа с другими такими по всей России, где человеческий фактор играет важную роль. **У**

ОХОТНИКИ на шайтана

Фото автора

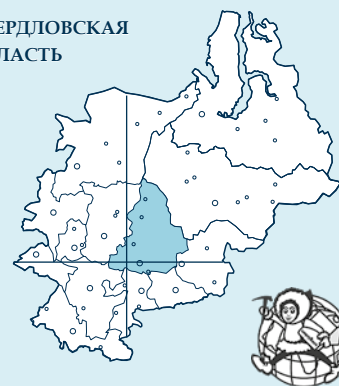
По автостраде Первоуральск — Шаля приезжаю в Каменку. По переписи Льва Поскочина в 1960-1991 г. она называлась деревня Фомина над речкой Каменкой — в честь первопоселенца Фомки Кузнецова. Здесь живет мой друг шайтанин (первоуралец) Виктор Мохов. Он согласился быть моим проводником-помощником.

Когда по Чусовой сплавлялись барки с металлом уральских заводов, под плотиной Каменского пруда находилась лесопилка. Здесь пилили доски и отвозили в деревню Слободу, на пристань. В Каменке же пристани никогда не было.

Спускаемся в устье Каменки. По руслу Каменки я иду в шлепанцах, чтобы не повредить ноги о стекла, острые камни и сучья на дне реки. Переходим Чусовую. Глубина по пояс.

Делаем фотоснимки с того же места, откуда снимал фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский в 1912 году. На нашем снимке видны декорации «золотой» шахты: здесь в 2008 году снимался художественный фильм «Дикое счастье» по мотивам одноименного романа Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (гл. режиссер — А.В. Мармонов, оператор — А.Е. Лесников). Роль главного героя Гордея Брагина исполнил Сергей Без-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Трусов

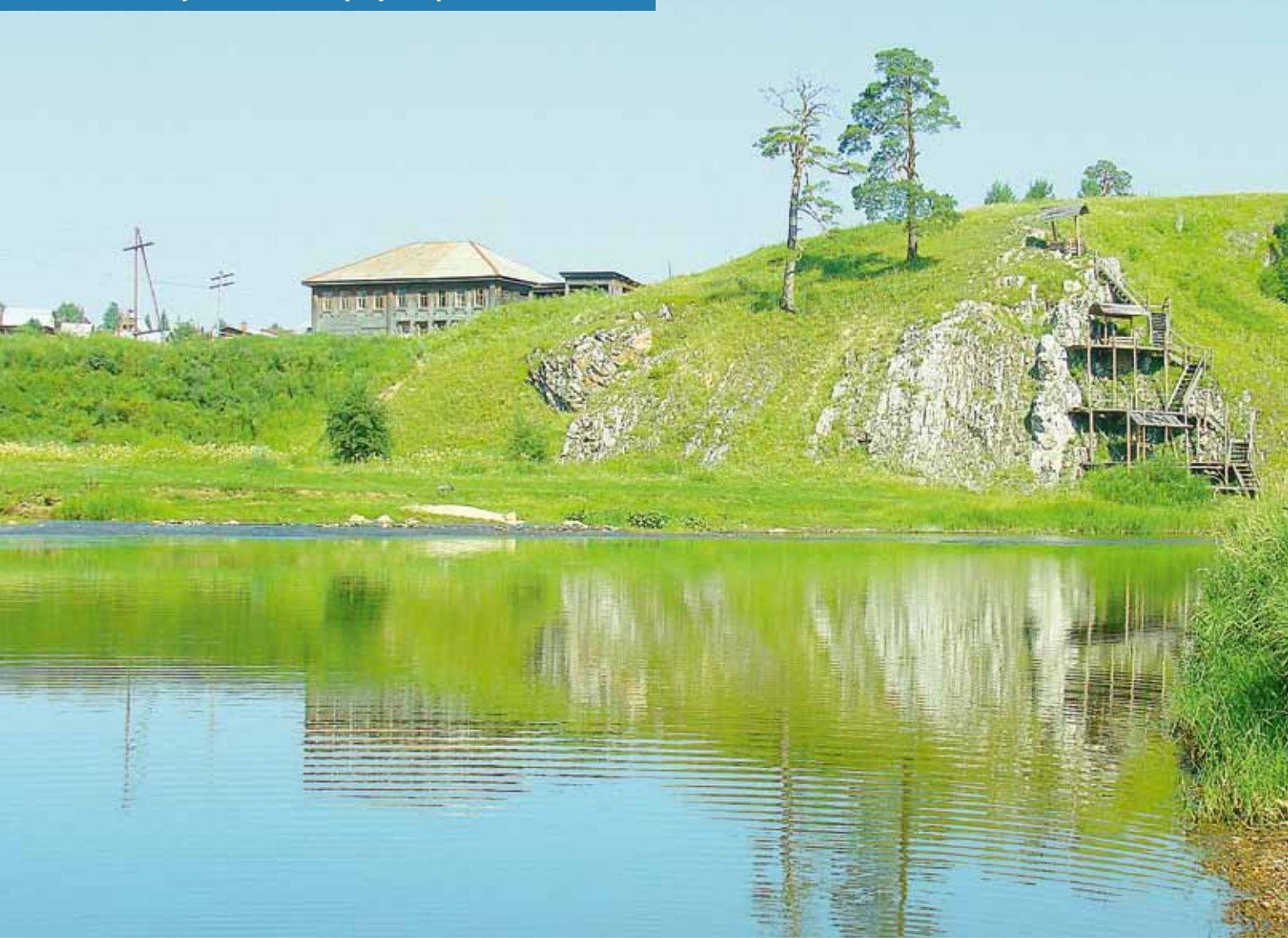
Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

◀ Просушка денег

▶ Нижнее Село. Камень Шайтан

руков. Это была его первая роль в звании народного артиста Российской Федерации.

Возвращаемся вброд на другой берег. Поднимаемся на камень Каменский. Делаем несколько снимков остатков декораций. Здесь же проходили съемки художественных фильмов «Семен Дежнев» (1983), «Ермак» (1996) и других.

Идем по старой дороге в Нижнее Село. Это географическое название, и оба слова пишутся с заглавной буквы. Для автомобилистов скажу, что мост через приток Грязнуху разрушен и проезда нет. Незаметно за разговором добираемся до Нижнего Села. У нас с собой ведра — планируем на обратном пути набрать грибов на жареху.

Подходим к камню Шайтан. Еще П.С. Паллас писал: «В сей части Сибири много ручьев, гор и урочищ, известных под именем Шайтанка или Шайтанская, понеже тамо вогульцы идолопоклонствовали, и идолы их от россиян общим наречием шайтан назывались».

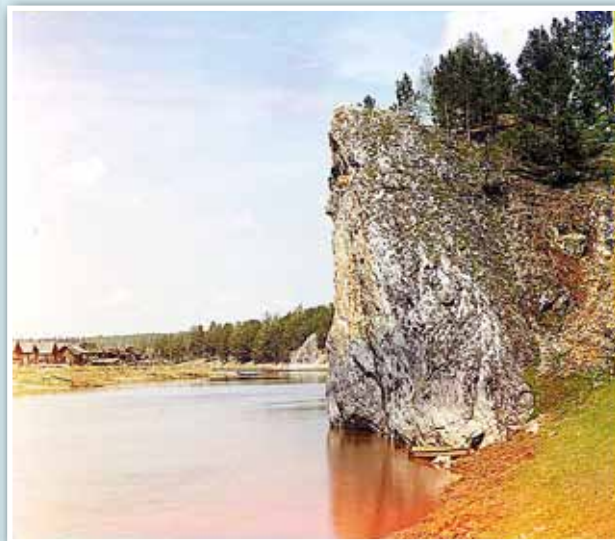
▲ Каменка

Решили перейти Чусовую по течению реки выше Шайтана. Оказалось, что русло в этом месте делится на три протоки. Преодолели водные пути и два острова. Поднимаемся на берег. Перед нами небольшая поляна, сплошь покрытая кочками. Мой спутник провалился в глубокую земляную щель и повредил ногу. Пришлось снова спускаться в воду и по руслу двигаться к Шайтану. Здесь нас поджидали таши. Таш — это подводный камень. Наткнешься ногой на таш, потеряешь равновесие и можешь оказаться в воде вместе с фотоаппаратом. Вот поэтому и нужен проводник-помощник. Здесь глубина местами до подбородка.

Снимаем камень Шайтан. И тут моя левая нога застревает в иле на дне протоки. Резко поднимаю ногу и остаюсь без шлепанца. Снова опускаю ногу и пытаюсь нащупать обувь. Но шлепанец сам поднимает-

ся на поверхность и уже плывет по реке в пяти метрах от меня. Виктор, не раздумывая, ныряет, царапая свое пузо о таш, догоняет шлепанец и выбрасывает его на остров. Ждет с минуту, пока приплывет его кепка.

Возвращаемся на берег Чусовой, где находятся дома. Я занимаюсь просушкой денег. Они быстро сохнут. Виктор за семь секунд находит частного извозчика. По новой дороге приезжаем в Каменку.

Так закончилась наша охота на Шайтана. И грибов мы не набрали. **УС**

◀ 1912 г. Нижнее Село. Камень Шайтан. Прокудин-Горский

◀ 1912 г. Каменка. Прокудин-Горский

▼ Каменка. Декорации фильма «Ермак»

Шаман, который не спас себя

ХАНТЫ-МАНСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Никита Партанов

В старое время на территории Югры, где живут ханты и манси, не было врачей, и эту роль издавна выполняли шаманы. По-мансийски «няйтынг хум» — шаман, магией обладающий человек. Шаманы-манси при камлании сидели на полу на шкурах на корточках и использовали для ворожбы топор. Для того чтобы топор держался равномерно, его подвязывали на веревке за шею шаману, обухом вниз, а острием вверх. Обычно заболевшего приводили или привозили к шаману в дом. Если это было невозможно, то за шаманом приезжали родственники и привозили его к больному.

Перед тем как приступить к камланию, шаман осматривал больного, шупал его, иногда спрашивал его или родителей. Затем зажигал окуривающее средство — это обычно был гриб трутовик (по-мансийски — «сэ-ныг»). Если это действие происходило в его доме, то шаман открывал священные ящики с амулетами духа-покровителя, которые обычно хранились в переднем углу дома на полке за закрытой занавеской. Он раздвигал наполовину занавески, открывал сундуки и ставил в вертикальное положение «кол пупи» — домашних духов-покровителей. Обычно в домах манси межкомнатных перекрытий не было и все пространство занимала одна большая комната, межкомнатными перегородками служили пологи. После этого делался «турман кол» — темный дом — чтобы не отпугнуть духов, которых призывал шаман.

Во время акта камлания его глаза были закрыты, он видел внутренним зрением, при этом пел то полупшепотом, то усиливая звучание. О чем поет, было не разобрать. И когда он пел, то сидел лицом к переднему углу дома, где стояли сундуки с духами. Из-за монотонности его голоса многие присутствующие засыпали и спали. Так продолжалось несколько часов.

Участники то просыпались, то дремали, то снова впадали в сон. При этом присутствующие сидели за спиной шамана, соблюдая тишину. В деревне никто не приближался к этому дому, все знали, что там идет камлание. За работу обычно платы не было, кто чем мог, тот тем и расплачивался с шаманом, это могли быть продукты и одежда. После камлания могли при-

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в г.Санкт-Петербург в Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена. Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Трум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 года.

▼ Галина Семеновна Токарева

▼ Семья шамана Семена Новыхова

нести «кровавую жертву»? обычно это домашняя птица или животное.

Об одном известном ей шамане вспоминает Галина Семеновна Токарева (Новыхова) из поселка Игрим Березовского района. Жили они в деревне с мансийским названием «Пукшамт» — Неремово Березовского района. Напрямую до Березова несколько километров. Раньше, до Октябрьской революции 1917 года, в Березове было немало церквей, и в воскресные дни в хорошую погоду жители Неремова слышали колокольный звон. Поселение находилось в пойменной части материка и при большой воде затопивалось. Весной через мостки перелезали и даже на калданках ездили в гости от дома к дому.

Потом власти решили переселить жителей Неремова в другое поселение. Приехал большой понтон, и все жители шли на этот понтон с большими узлами из шалей. Они свои вещи складывали туда, и всех сажали на понтон.

— Наш отец не подпустил к дому ни одного начальника и сказал: «Мы отсюда не уедем». А мы, детишки, сидели и смотрели в окошко, как уезжали наши односельчане: Лихачевы, Новыховы, Гришкины. Ехали они в Шайтанку. В деревне после их отъезда остались две семьи. Рядом с нами жил Новыхов дядя Сеня.

Но тогда я была маленькая, было лет шесть. Мне было очень интерес-

но, куда уезжают мои братья и сестры, а весной приезжают. Я думала, если залезу на крышу дома, то увижу, куда дети уезжают. Залезла, но ничего не увидела, а упала на два больших бревна... Помню, как отец заносил меня на руках в дом, положил на кровать, и я закрыла глаза. Сколько я спала, не знаю. Пришел к нам дедушка Семен Новыхов, по-мансийски мы его звали «Семан ойка». Когда я пришла в себя и открыла глаза, то увидела, что в углу дома сидит дедушка, перед собой держит топор и поет, поет... Я смотрела, смотрела и снова уснула. Открою глаза, а они все поют, дедушка и мой отец тоже сидит, поет. Священные ящики в углу дома открыты. Я пролежала, наверно, три месяца. В больницу меня не возили — во время осенней распутицы дороги не было. И дедушка меня вылечил своим шаманским лечением.

Помню, как я поправилась, бабушка — «Семан эква» — печку на улице затопила. Ватрушек напекла. Мы пили чай с ватрушками. Я всегда любила ее вкусные ватрушки.

А потом сам Семан ойка заболел. Семан эква его на руках подняла с кровати и понесла в лодку. Повезла его в Березово в больницу. Моторов тогда еще не было, веслами гребла. Сколько-то времени прошло, она его обратно привезла на этой лодке. Но Семан ойка умер. Помню, много родственников приехало из Ванзету-

ра, Новинска и других деревень. Прощаться с Семан ойкой. Он не одну меня вылечил, но себя не смог спасти, и люди до сих пор вспоминают о нем хорошими словами. Таких шаманов было немало в наших краях, о них осталась только добрая память соплеменников. **УГ**

▲ Сибирский шаман в костюме «птичьего типа». Рисунок начала XX в.

Советское небо Кореи

▲ Награды Ф.К.Евстифеева

С 15 июня 1950 по 27 июля 1953 года на Корейском полуострове шла война. Армии двух враждующих государств сошлись в смертельной схватке. Южанам, республике Корея, оказывали помощь войска ООН при безусловном лидерстве США. На стороне северян, Корейской Народно-Демократической Республики, воевали китайские добровольцы и советские летчики. Немного осталось очевидцев тех событий, к тому же советские солдаты и офицеры давали подписку в течение сорока лет не разглашать военной тайны. Житель Кургана Федор Кириллович Евстифеев рассказал о том, как это было.

Учеба

Родился я в д. Пименовка в 1928 году. Учился до 7 класса. Потом пошел работать. В 1946 году меня пригласили в военкомат и говорят:

— Армия нуждается в замене. Надо увольнять отслуживших свое участников Великой Отечественной войны. Напиши заявление о том, что хочешь добровольно служить в армии. Мы направим тебя в военное училище.

В Шадринске нас обучали по ускоренной программе: полтора года вместо трех. Я получил специальность авиационного механика. Служил в Закарпатье.

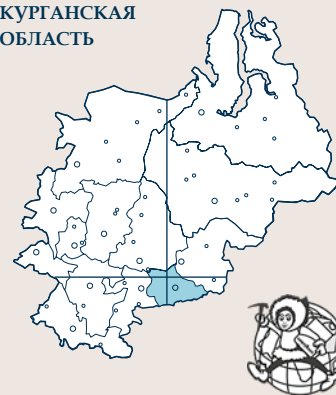
Однажды в нашу часть приехал представитель из штаба округа. Стал беседовать с механиками. Вызвали и меня. Офицер спросил:

— Хотите работать в научно-исследовательском институте?

— Конечно, хочу.

Иллюстрации
предоставлены автором

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Федор Евстифеев

► Советский летчик напутствует
китайского коллегу

Он задал мне еще несколько вопросов и сказал:

— Считайте, что вопрос о вашем переводе решен. Сдавайте машину, прощайтесь с товарищами, поедете в Москву.

Добровольцы

В августе 1949 года приехал в Москву — а там таких, как я, — больше сотни. И все — авиаторы. Нас некоторое время проверяли, потом всех, кто прошел отбор, пригласили в зал.

— В скором времени будет провозглашена Китайская Народная Республика, сформировано правительство. КНР создает собственную армию. Мы обращаемся к вам. Кто не хочет, имеет право отказаться, возвращайтесь в часть, ничего вам за отказ не будет. Кто согласен — оставайтесь. Напишите заявление о том, что хотите добровольно помочь создать авиацию дружественному нам государству. Мы даем Китаю самолеты, оружие, боеприпасы, а инструкторами будете вы.

Все согласились, никто не отказался. Свои документы мы сдали, нам выдали липовые, в которых были указаны китайские имена. Это вызвало у нас повод для шуток: внешне-то на китайцев мы нисколько не походили. У меня были документы на имя Фэн Эн Цзи.

Ту-2

С октября 1949 по ноябрь 1952 года я значился в воинской части №35543 механиком авиасамолетов. Уже в пути на Дальний Восток мы узнали по радио о провозглашении КНР. На границе нас переделали в форму добровольцев Народно-освободительной Армии Китая. Одежда была незамысловатой: у командиров — китель, а у рядовых — простая курточка.

Каждую нашу группу обеспечили переводчиком. В нашей группе переводчиком был бывший хунхуз, мы звали его Фейей. Возрастом — постарше нас. По-русски разговаривал хорошо. Он рассказывал, что не раз переходил границу с СССР, язык освоил на практике.

Нас привезли в Чанчунь, потом в сельскую местность на расстоянии 15–20 километров от города. Здесь был устроен аэродром. Его охранял стрелковый полк. Скоро к нам стали поступать советские самолеты — легкие поршневые пикирующие бомбардировщики Ту-2. Эти самолеты участвовали в конце Великой Отечественной войны в боевых действиях. Дальность их 3–4 тысячи километров, бомбовая нагрузка до 300 тонн. Вооружение — две пушки, но их, как правило, не применяли. Экипаж состоял из командира, штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка.

Среди наших специалистов были летчики, штурманы, техники, вооруженцы, радисты. Каждому дали для обучения китайских солдат. У меня была группа человек пятнадцать. Китайцы были малограмотные, но сообразительные, сразу усваивали, что нужно делать и как. Мы обращались друг к другу «тунже» — «товарищ».

Способные ученики

Погода в Манчжурии и Северной Корее неприятная. Зимой ветер, холод, все время песок на зубах и в глазах. При минус 15 градусах дует ветер, насквозь пронизывает. Летом пошли тучи — мочит и мочит. Потом установилась ясная погода и нестерпимый зной.

Накануне обещают облачную погоду, наш советник по полетам предупредил пилотов:

— Завтра полет будет в облаках.

Если синоптики прогнозируют ясную погоду, советник сообщал заранее:

— Летать будем на высоте.

А потом все запутались в прогнозах, и советник говорил:

— Какая погода будет — при такой и будем летать.

Почему-то первым признаком доблести у китайских солдат считалось научиться у нас по-русски материться.

Однажды я проверял масло и увидел, что оно загустело. Предложил развести его бензином, сказал об этом моему китайскому механику. Он ушел. Через некоторое время возвращается с пустым ведром.

▲ Еще одна проверка перед полетом

— Что случилось? — спрашиваю. Он мнется.

— Украли, что ли? — механик кивает, потом достает записную книжку и что-то записывает.

Прошло некоторое время. Уже началась война. Наши самолеты вылетели на задание. Возвращаются — одного нет. Интересуюсь:

— А где еще один самолет? Что с ним случилось?

Механик отвечает:

— Украли.

Иногда бывало и так. Стоит китайский часовой, подходит к нему русский советник, забирает у него винтовку, гранату. Тот отдает. Советник приказывает:

— Иди!

Часовой уходит. Советник приходит к китайскому командиру, возмущается:

— Ну что это за часовой?

Командир объясняет:

— Это мне он не отдаст, а вам все отдаст. Такой приказ.

В свободное время мы, советские военные инспекторы, выходили в город по 2–3 человека. Нас тут же окружали китайцы, приветствовали:

— Тулен тунже гэга вансуй! (Да здравствует старший брат!)

Просто проходу нам не давали.

Неразбериха

Ким Ир Сен договорился со Сталиным о том, что нужно объединить Корею и сделать ее социалистической.

Стрелковое оружие поступало в Корею из Советского Союза. Корейцы были вооружены хорошо. В атаку они ходили с криками «Вансуй!».

Поначалу северокорейские войска заняли почти весь полуостров.

Организация Объединенных Наций устроила заслон, и войска коалиции во главе с Соединенными Штатами Америки погнали северных обратно. На помощь северным выступили китайские добровольцы. В число этих добровольцев попала и наша воинская часть.

Нас прежде именовали инспекторами, а теперь стали называть советниками. Аэродром перевезли в Корею. Переезжали мы за время военных действий много раз.

Однажды в полк пришло сообщение:

— Наши войска продвинулись вперед, заняли хороший аэродром. Перебазироваться на него.

Мы с советником командира полка Валентином Ивановичем Ивановым усомнились, не авантюра ли это. Решили проверить. Сели в самолет Ту-2, прилетели на новый аэродром, покружились, сели, провели осмотр. Аэродром почти не тронут, капоныры на месте, мастерские в порядке. Решили переночевать в землянке и вернуться в полк на следующий день. Ночью налетели американцы, начали бомбить аэродром. Они, вероятно, думали, что полк уже перебазировался. Бомбами изрыли все поле, наш самолет разнесли в клочья.

Вернулись в часть. Там тоже, оказывается, бомбили. Собрались на совещание. Такая усиленная бомбеж-

▲ На аэродроме весна

▲ Ф.Евстифеев в кресле пилота

ка означала, что готовится наступление войск ООН. В полку были раненные. Организовали санитарный отряд, и нас, советников, с санотрядом также отправили в тыл. Двигались по горной неровной дороге. Вдруг перед нами открылась небольшая равнина. У дороги — фанза. Из нее стреляет пулемет. Мы догадываемся, что пулеметчик должен быть кореец.

Наши кричат по-китайски и по-корейски:

— Санотряд!

Никакой реакции — строчит, не пропускает! Я говорю командиру:

— Не поминайте лихом.

Спустился в канаву, что шла вдоль дороги, и — ползком по ней к фанзе. Знаю, что огневая точка должна находиться справа от меня. Подполз к двери. Кинул одну гранату, следом — вторую. Пулемет замолк.

Вообще, в первые месяцы войны случилось много неразберихи. Бывало, останавливаемся на ночлег, рядом с нами — корейское подразделение. Утром просыпаемся — их нет. Интересуемся, где они?

— На ту сторону перебежали. Там лучше кормят.

Через некоторое время появляются новые.

— А эти откуда появились?

— Оттуда пришли.

Перебежчиков ловили и отправляли на фронт.

Китайская дисциплина

А в Народно-Освободительной Армии Китая была железная дисциплина, твердость. Предателей, перебежчиков карали по законам военного времени. Мне доводилось видеть сцены расстрела.

Происходило это следующим образом. В небольшом районном местечке на площади появлялся грузовик с открытыми бортами. Вокруг него собирались местные жители. С машины объявляли:

— Этот солдат — предатель, убивал народ. Мы приговорили его к смертной казни.

Раздавался гул одобрения. Тут же солдат-охранник стрелял из автомата — казнь совершена.

Был однажды и такой случай. Привезли на казнь старика и девушку, его дочь. Объявили, что они вредители, шпионы. Люди закричали:

— Девушку не трогайте! Она помогла нам!

Обвинявшие возражали, а люди, собравшиеся на площади, настаивали на своем. Тогда старика расстреляли, а девушку отпустили.

Повезло

Однажды в затишье между боями я пришел в капонир. Так мы называли место стоянки самолета, окруженное с двух сторон земляными валами, дабы не повредили машину осколками вражеских авиабомб. Машины были подготовлены к вылету. Слышу, в самолете кто-то возится.

— Что такое? — спрашиваю у китайского механика.

— Это наши высшие командиры приехали осмотреть самолеты.

Вдруг вижу: люк открывается, на землю падают бомбы. Я так и обмер. В эти доли секунды перед моими глазами прошла вся моя жизнь. Тут я не сдержался, высказал все, что о нашем госте думаю.

Китайский генерал выскочил из кабины и убежал. Возвращается с переводчиком, просит прощения. Мое волнение уже пошло на убыль. Объяснил ему:

— Разве можно так? А если бы бомбы взорвались?

Подбиты!

Американцы бомбили наш аэродром и днем и ночью. В войну мы жили в землянках, с маленьким или большим накатом. Кому бомба попа-

▲ Праздник в Пекине на пл. Тяньаньмэнь. 1951 г.

дет — значит, не повезло. Не повезти могло любому из нас.

Китайские летчики показали себя неплохо. Были у них, конечно, и ошибки от неопытности и молодости — то недосмотрел, то прозевал. Идут на бомбежку, запоздал с выходом на цель, сбросил бомбу в стороне. Или налетели истребители, нужно было уклониться от боя, а их не вовремя заметили, и пришлось отстреливаться, иногда с потерями.

Однажды мы получили приказ разбомбить цель недалеко от линии фронта и сесть на другой аэродром.

Если мы, советники, вылетали на задание, то только своим, советским экипажем. На этот раз не долетели — нас встретили американские истребители. Они затеяли бой с нашими истребителями прикрытия. Следом налетела другая американская эскадрилья и взяла наши бомбардировщики, что называется, голенькими. И вот в самый разгар боя командир экипажа кричит:

— Мотор не работает!

Отвечаю:

— Тяни на одном!

— Высоты нет!

Кричу ему:

— Тяни, сколько можешь!

Сам я убежал в хвост, знал, что удар там будет мягче. Упали на полянку, уже на нашей стороне. Самолет разбросало. Командир и штурман погибли. Я остался жив, но получил контузию. Хотели меня в Союз отправить, даже списали. Потом китайский врач меня подлечил, и я остался, списание отменили.

Для нас плена не существует

Советский Союз помогал корейским войскам истребительной авиацией, но этот факт держался в секрете. Мы видели советских летчиков на земле, но подойти и поговорить с ними было нельзя. Мы принимали советское вооружение, но друг к другу не приближались. Соблюдали конспирацию.

Американская разведка пыталась добыть советского советника и продемонстрировать в Организации Объединенных Наций, что Советский Союз помогает Северной Корее вести войну. Это был бы скандал международного масштаба, он грозил подрывом престижа нашей страны. Нас предупредили:

— Для вас плена не существует. Если попадете — мы от вас откажемся. Настоящих документов при вас нет, следовательно, и вас нет.

Инспекция ООН бывала на позициях китайских добровольцев. Мы старались не попадаться им на глаза.

Кое-что мы все-таки узнавали о советских летчиках. В корейской войне участвовали со стороны СССР только истребители, бомбардировщики не применялись. Мы умели отличить советских летчиков в воздухе. Наши самолеты летали организованно, четко, строем. Было заметно, что их ведут хорошо подготовленные пилоты. Иногда американцы выходили на нашу волну и спрашивали:

— Иван, ты на каком фронте воевал?

Подразумевалось, что оба аса сражались в 1944–1945 годах против фашистов.

▲ Советские советники в форме добровольцев НОАК. Ф.Евстифеев крайний справа

Нашим отвечать было нельзя, но про себя они отвечали: «Я тебе сейчас покажу, на каком фронте!».

Парады

В течение всех этих лет нас, советских военных советников, неоднократно приглашали на площадь Тяньаньмэнь, мы присутствовали на военных парадах в качестве гостей, видели на трибуне Мао Цзедун, Чжоу Эньлая, Джу Дэ и других руководителей КНР. Парады были посвящены годовщине провозглашения КНР, годовщине победы над армией гоминьдана. Вокруг праздничная обстановка, было шумно, отовсюду слышались приветствия на китайском языке. Мы тоже находились на трибуне. Набрем заранее конфет с ромом, едим их потихоньку, и нам тоже весело.

Война закончилась, китайские войска стали возвращаться домой. Мы по этому поводу накрыли стол, подвели итоги. Мы свою задачу выполнили. Китайские летчики теперь летают хорошо и без нас. Мы дали своей родине 800 миллионов друзей.

Во время войны я был награжден орденом Красного Знамени Китайской Народной Республики.

Уволившись в запас, работал в Кургане инженером на заводе. Сейчас — на пенсии. 27 июля, день окончания войны, буду отмечать на даче. **УС**

Литературная запись, подготовка к печати Анатолия Кузьмина.

Имбирь и корица

Иллюстрации предоставлены автором

Пару лет назад, гуляя по Всероссийскому Выставочному Центру, бывшей ВДНХ, я задержался в 71-м павильоне, у стенда индийской фирмы «Ганга». Искал кое-какие кухонные приправы и не собирался проводить там много времени. Но улыбчивый, словоохотливый продавец обронил, будто вскользь, несколько фраз, и уходить мне расхотелось...

— Если знать, как составлять смеси, можно за месяц починить диабет, — продавец перебирал целлофановые мешочки с имбирем, корицей, асафетидой. — Куркума лечит гепатит и язву желудка. Корица спасает от ожирения. Имбирь поднимает иммунитет, выводит слизь из организма. Фенхель улучшает зрение. А бросить в стакан молока пять жилочек шафрана — и никакой «Виагры» не надо...

— Так просто? — удивлялся я. — Обычные пряности?

— Да они только на вид обычные. Люди по врачам ходят, разоряются на модные лекарства. А все придумано пять тысяч лет назад. Это же Аюрведа. Слыхали?

Признаться, слышал я о ней очень мало, но после этого визита и пары последующих решил поинтересоваться всерьез. Первого результата я добился в разгар московской эпидемии гриппа: каждое утро, добавляя в овсянку имбирь и куркуму, рискнул ездить по всей столице. Не один мой знакомый в те дни свалился с температурой, а у меня даже насморка не было...

Разумеется, многого я не достиг. Этому нужно посвятить полжизни. Но самые базовые знания даются не так уж трудно.

Аюрведа учит, что человек — это то, что он ест, пьет, думает и говорит. Все вышеописанное способно либо вылечить от многих тяжелых заболеваний, либо убить. Так что надо внимательнее относиться к тому, что попадает внутрь нас и что из нас исходит в виде мыслей и чувств. Все это чрезвычайно серьезно.

Меняя рацион пищи и питья, отношение к окружающим, куль-

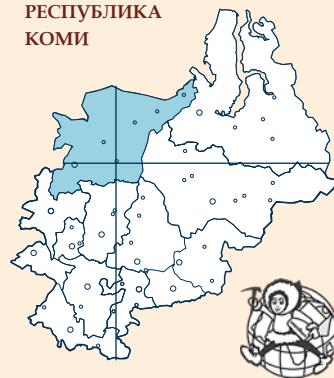
туру речи и мысли, человек может, «как по заказу», стать агрессивным, злым, волевым, энергичным, радостным, упорным, сильным, спокойным и т. д.

Скептик скажет: «Да зачем нам Аюрведа, это же что-то индийское, нам чуждое». И будет, как Троцкий в анекдоте, в корне неправ. Аюрведа не имеет к Индии почти никакого отношения. Просто индийцы смогли ее сохранить и донести до нашего времени лучше, чем другие народы. Корни же этого учения залегали намного севернее...

Древние манускрипты поморов-старообрядцев, к которым имел доступ М. В. Ломоносов, рассказывали, что на территории современного Заполярья существовала цивилизация высоко духовных людей, способных к ясновидению и знавших принципы эволюции сознания. «Жившие за северным ветром», или гиперборейцы (себя они называли ариями), верили, что человек, как частица Вселенной, может обрести счастье, если сумеет открыть свое сердце, и что предназначение его в мире — умножить и усилить энергию любви. Только она дает истинный прогресс обществу и помогает жить в гармонии с другими видами жизни. Согласно преданиям, ариям не нужна была письменность, поскольку их мозг был способен безошибочно запоминать огромные объемы информации. Сила духа и правильно настроенной мысли заменяла гиперборейцам почти любые технические устройства.

В те же времена в районе современного экватора, в Индийском океане, на материке, ушедшем ныне под воду, развивалась цивили-

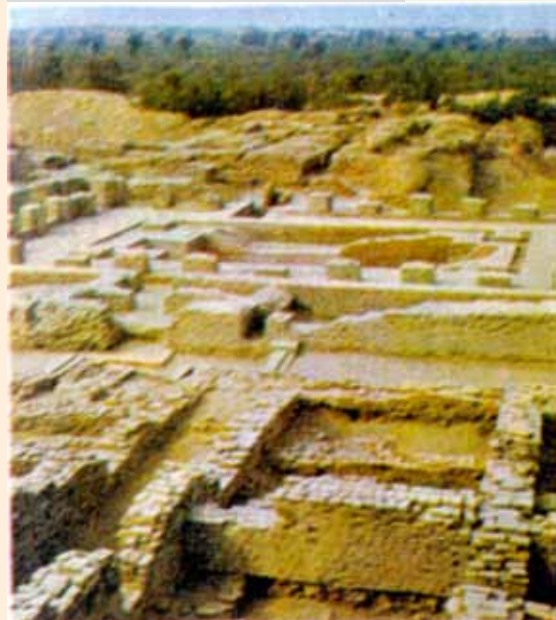
РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Антон Васильев

Профессиональный журналист в свободном полете. Окончил Институт журналистики и литературного творчества. Печатался в «Науке и религии», «Технике — молодежи», «1 сентября», «Лицейском и гимназическом образовании», «Уральском следопыте». Живет в Москве.

▼ Раскопки Мохенджо-Даро — одного из центров Индской цивилизации

Уральский следопыт, июль 2013

ОТ ДРЕВНИХ АРИЙЦЕВ

▲ Продавец пряностей

лизация, зеркально противоположная гиперборейской. Ученые нашего времени называют ее Лемурией, древнеиндийские трактаты — дравиды. Лемурийцы или дравиды не признавали участия Бога в земных делах и не искали пути к нему, обожествляя человека и всячески развивая его разум и способности. По ряду параметров они были сильнее гиперборейцев, особенно в области технического прогресса. Тысячелетия назад они владели технологиями воздушных и космических полетов, умели делать сложнейшие хирургические операции по пересадке органов и даже выращивали утерянные конечности, воздействуя на определенные точки на уровне центральной нервной системы. Но чрезмерная гор-

дыня и сильная зависимость от техники в ущерб развитию духа привели Лемурию к катастрофе. По некоторым данным, от их континента в Индийском океане остался лишь остров Мадагаскар. Лемурийцы мигрировали в Юго-Восточную Азию, частично — в Австралию, Индонезию и Северную Африку, где создали египетскую цивилизацию.

Космическая катастрофа была вызвана либо столкновением Земли с крупной кометой, либо распадом планеты, находившейся между Юпитером и Марсом. Части этого небесного тела вначале были притянуты Марсом и нанесли ему «повреждения, несовместимые с жизнью», а позднее достигли Земли. В силу большей массы и толщины атмосферы, в которой сгоре-

ли многие обломки, Земля выжила, но на ней сместились климатические пояса и началось резкое похолодание. На территории нынешней Арктики жизнь стала невозможна.

Европу и часть Азии покрыл ледник, и Уральский хребет стал единственным путем, по которому гиперборейцы стали мигрировать на юг, к современному экватору. Основная ветвь ариев расселилась в районе Северного и Южного Урала. Продвигаясь по хребту на юг, арии не могли селиться на равнинах, так как из-за таяния гигантских ледников, как на Европейской, так и на Сибирской равнине по обеим сторонам Урала образовались огромные болота.

Арии, ставшие «первоуральцами», сильно изменили принципы своего существования. Им пришлось научиться кочевать и охотиться, в результате чего они перешли на тяжелые белки животной пищи, и природа человека начала грубеть и «заземляться». Арии уже не могли запоминать столько информации, сколько их предки — так возникла письменность, зародились веды. Арии защищались от врагов, которыми кишели окружающие Урал болота — от ядовитых змей, гигантских насекомых и человекоподобных существ-людоедов, на санскрите — ракшасов, которых современные антропологи, например, Б. А. Диденко, именуют реликтовыми гоминидами. Эти огромные прямоходящие приматы обладали огромной интуицией и способностями к гипнозу, умея «отводить глаза», внушать своим жертвам бессилие, сканировать мысли и намерения враждебных им людей-ариев. Чтобы себя защитить, уральским поселенцам пришлось стать настоящими воинами. Ракшасов они почти всех уничтожили и лишь некоторых приручили, так что их потомки, возможно, живут среди нас, не отличаясь от людей ничем, кроме мощных способностей к подвалению чужой воли, любви к насилию и власти... Вы таких не встречали?

Достигнув Азии, арии встретились с потомками лемурийцев, мигрировавших им навстречу, на север. Между двумя столь непохожими цивилизациями долгое время

шли войны и конфликты, описанные в древнеиндийском эпосе «Рамаяна», где войска арийского полководца Рамы, впоследствии обожествленного, штурмовали циклопические города южной расы. Тогда-то, судя по всему, в районе пустыни Тар и города Мохенджо-Даро было применено оружие, схожее с ядерным. Но обеим цивилизациям хватило разума понять, что планета у них одна. Войны стали затихать, и обе расы понемногу объединились, избрав основным местом жительства благодатный полуостров Индостан. Новая цивилизация получила название Бхарата-Варша.

Мудрецов, владеющих сокровенным знанием, хватало и среди северян, и среди южан. Они делились им, тысячелетиями передавали друг другу в виде устной традиции, а в 3600 году до нашей эры Вивас, верховный жрец арийского города-крепости Троя в Малой Азии, записал устное учение и снял запрет на его неприкосновенность. К 1400-му году до н.э. сокровенное знание было систематизировано и записано с помощью алфавитов «драхми» и «дэванагари». Это и был старый, священный санскрит, где число один называлось «ади», два — «двая», три — так и было «три», мать была «матри», семья — «семья», а «огонь» — «агни». Подумайте сами, от кого пошла индийская цивилизация...

Арийские жрецы создали систему Знания Долгой Жизни, на санскрите же долгая жизнь — айоу, а веда — знание.

Мысли людей вещественны, учили мудрецы. С мыслью выбрасывается энергия, какая — зависит от вас. Если вы думаете о злом, вы разрушаете людей вокруг себя, разрушаете и себя. Если вы в мыс-

▲ Пряности

лях совершите убийство, оно может случиться в мире, так как духовно слабый человек настроится на вашу «волну» и убьет другого — а быть может, и вас!

Чтобы не допустить этого, нужна культура мысли. Думая о добром, молясь или медитируя, мы посылаем благословение миру, мы создаем противоядие злу.

Инды, верующие в веды, активно распространяли Аюрведу среди соседних народов, которые, конечно, трансформировали ее в связи со своим мировоззрением. Так, медицина Тибета основана на ведических представлениях о свойствах лекарственных растений. На трактатах Аюрведы базировались труды арабского врача Абу Али ибн Сины. Знал их и Гиппократ, но его последователи извратили методы храмовой медицины, доступные из-за своей простоты и природности любому. Появились медицинские техники, в которых здоровье зависит лишь от врача.

Жизнедеятельность организма в Аюрведе рассматривается через взаимодействие трех субстанций: воздуха, огня и воды (носителями которых в организме считались прана, желчь и слизь). Здоровье видится как результат уравновешенного соотношения трех субстанций, правильного совершения жизненных отправления тела, нормального состояния органов чувств и ясности ума, а болезнь — как нарушение этих правильных соотношений и отрицательное воздействие на человека пяти стихий (влияние времен года, климата, неудобоваримой пищи, нездоровой воды и т. п.).

Основные элементы — эфир, огонь, земля — проявляются в теле человека как три фундаментальных принципа или признака, известных как Три Доша. Это Вата, Питта и Капха. Западная медицина, аллопатия, зовет их конституциями и темпераментами, но аюрведические понятия глубже и шире.

Вата — это биологическое проявление космической энергии Праны в физическом теле. Это все процессы движения, дыхание, кровообращение, сокращение мышц, потоотделе-

▼ Статуэтка танцовщицы Индской цивилизации

ние и рост самого организма в детстве и юности. Люди, у которых сильна Вата, худощавы, с тонкими костями, сухой кожей, нервозны и беспокойны, быстро утомляются. Но они же сильны в творчестве, подвижны, у них яркое воображение. «Ватовцы» — носители самых древних душ, воплощавшихся на Земле. Остальным людям их бывает трудно понять, они — «не вполне от мира сего». Ватовцами явно были Паганини, Андерсен, Ван-Гог.

Если в человеке преобладает Питтадоша, значит, перед вами целеустремленный честолюбивец, собранный, пунктуальный, трезвомыслящий. Но, выходя из себя, он становится раздражитель-

ным и агрессивным. Выходя из себя, он всегда обвиняет окружающих. Люди с сильной Питтой фанатично следуют по своему пути и хотят, чтобы за ними шли другие. Запас их внутренней энергии колоссален. Это тип миссионеров, ученых, военных. В истории это — Бенвенуто Челлини, Жанна д'Арк, Мартин Лютер, Бонапарт.

Капха-тип флегматичен, прохладен, женственен, это люди-гиперстеники, «рыхлые», незлобивые, их трудно сдвинуть с места. Капховец — лучший семьянин, он домосед, консерватор, его убеждения фундаментальны, он стабилен и приземлен. Под этот тип подходят Крылов, Черчилль, литературный герой с переразвитой Капхой — Обломов.

Смысл Аюрведы в том, чтобы все Три Доши у человека были уравновешены и «не пересиливали» одна другую. Сверхсильный Ватовец кончит неизлечимой меланхолией, человек с избытком Питты станет фанатиком со всеми вытекающими, о переразвитой Капхе я уже сказал.

Все, что окружает человека, влияет на него.

Каков человек, такова и среда его обитания. И если хочется изменить что-то в себе, то нужно изменить среду. Или наоборот, изменить себя, чтобы изменилась среда.

Сложные законы Аюрведы мне пока неведомы, но базовые знания говорят, что существуют продукты, способные лекарствами, — благостные или дарующие счастье. Они способны выводить из депрессии, придавать физические и духовные силы. Имеются также продукты невежества, снижающие духовные качества человека, вредящие уму и здоровью.

Человек нуждается в определенной пище, потому что его ум и психика тре-

буют необходимых составляющих. Какие составляющие характера расходятся больше всего, такая пища человеку и требуется, чтобы восполнить свой психический запас энергии. И какой характер человека — такова и его пища. Переключиться с одного рациона на другой очень сложно, потому что, изменяя свое меню, человек постепенно меняет свой характер.

Но, если употреблять продукты, которые приносят счастье, исправляют характер, делают человека оптимистичнее, добрее, то постепенно можно развить в себе эти черты характера. Аюрведа учит, что от питания благостными продуктами можно стать мудрецами, а от питания продуктами невежества — слабоумными.

Лучший аюрведический продукт благости — молоко, но не пастеризованное, а парное, «из-под буренушки». Разумеется, в городе его практически не достать, придется ехать в деревню.

Один из наиболее доступных благостных продуктов — сыр, но тут есть одна тонкость. Если на этикетке написано, что в сыре содержится молочная закваска или что молоко свертывающий агент микробного происхождения — он соответствует аюрведическим нормам, если же указан сычужный фермент или что-то наподобие — тогда нет. Примерами аюрведических сыров служат Адыгейский и Oltermani.

Белый рис — наиболее часто употребляемая в Аюрведе «пища благости». Употребляя рис, человек становится честнее и тверже, рис способствует долголетию. Он особенно благоприятен для людей Ваты и Питты и при умеренном употреблении подходит и Капхе. Одна из лучших добавок к рису — куркума, излечивающая человека от таких пороков, как злоба, уныние и зависть. Если человек жаден, слишком нерешителен и скло-

нен к депрессии, ему следует добавлять в пищу красный и черный перец, имбирь, асафетиду и ту же куркуму.

Живость воображения и остроту реакции помогут развить имбирь, корица и красный перец. Этот же перец, имбирь и асафетиды повышают ин-

▲ Статуэтка жреца из Мохенджо-Даро и печати

теллект. Кориандр, шафран, куркума и фенхель способны сделать человека добрее и нежнее.

Вы поверите, если я скажу, что яблоки делают человека честнее, а малина придает ему оптимизма? Если для вас это фантастика, выход один — проверить самим.

Я лишь начал изучать великое знание наших предков. Но величайшее путешествие начинается с первого шага. Пока могу сказать, что это помогает, работает и что это необычайно интересно. 📖

Первые русские

По исповедным росписям приходов, располагавшихся в северной части Верхотурского уезда в 1800–1801 гг., зафиксировано 8712 жителей. Это приходы церкви Богородицкой села Кошайского (ныне Сосьвинский городской округ), Богоявленской Лялинского погоста (ныне с. Караульское Новолялинского городского округа), Максимовской Турьинских рудников (ныне г. Краснотурьинск), Петропавловской Петропавловского завода (ныне г. Североуральск), Спасской Николае-Павдинского завода (ныне п. Павда Новолялинского городского округа), Введенской Богословского завода (ныне г. Карпинск), и часть территории относилась к приходу Воскресенской церкви г. Верхотурья. В 400-летней истории формирования русского населения на этой территории можно выделить несколько периодов. Хронологические границы первого периода укладываются в рамки с конца XVI в. по 1757 г., когда благодаря усилиям верхотурского купца М. М. Походяшина начинается промышленное освоение края и второй период формирования населения.

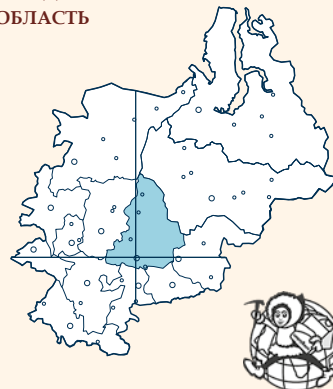
Следует заметить, что еще задолго до прихода сюда русских территория была заселена вогулами (манси). В «Ясашной книге Верхотурского уезда 1626 г.» ясачное население было поделено на сотни: 1-я и 2-я Лялинские сотни располагались на р. Ляле, юрты Сосьвинской находились на реках Сосьве, Турье, Вагране, Лангуле и Моче, юрты Лозьвинской сотни на р. Лозье и юрты косьвинских вогулов на р. Косьве. Всего обитало 124 человека ясачного населения. В дальнейшем были созданы специальные ясачные волости: две Лялинские, Косьвинская, Сосьвинская и Лозьвинская. Вогул не был закреплен за определенной волостью и мог переходить из одной в другую, мигрировать в пределах Верхотурского уезда и даже за его пределы. В «Крестоприводной книге Верхотурского уезда 1682 г.» у ясачных людей уже можно отметить появление фамилий, которые в 1800–1801 гг.

зафиксированы в исповедных росписях. Это Денешкины, Моросковы, Анисимовы, Антишкины, Есауловы. Всего по исповедным росписям этих лет выявлены 25 фамилий ясачных вогулов.

Что касается русских поселений, то первым из них следует считать Лозьвинский городок, возникший в 1589 г. на речном пути из Чердыни через Вишеру на Лозьву и Тавду. Лозьвинский городок стал перевалочной базой на пути в Сибирь. Гарнизон городка состоял из нескольких десятков стрельцов и казаков, да в зимнее время здесь скапливалось до 3000 человек временного населения. С открытием более удобной Бабиновской дороги Лозьвинский городок в 1598 г. был оставлен, а гарнизон переведен в Верхотурье.

Дальнейшее появление здесь русских поселений было также связано с транспортными путями. Уже

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Михаил Бессонов

Историк-архивист. Член-учредитель Уральского историко-родословного общества (УИРО). Автор биографического справочника «История Северного Урала в лицах» и более 130 публикаций по истории Верхотурского уезда, генеалогии, биографике. Награжден медалью Российской Генеалогической Федерации «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» II-й степени. Живет в Екатеринбурге.

▼ Посадский человек

Угрюм-Мороз в XIV до XVIII столетия.

на землях Верхотурья

в 1599 г. на челобитную верхотурских торговых людей в Верхотурье присылается грамота царя Бориса Годунова, в которой говорится: «... И нам бы их новых верхотурских жилаецких людей пожаловати, велеть бы им для зимнего пути и судового ходу на реке на Косве поставить дворы и амбары для их великия пути. И велети бы той по Косве реке от старые от зимние дороги, куды преж тово была вниз и по островам, и по берегам и по мелким речкам, которые в Косву впали, санными покосы и рыбным и звериными ловлями и всякими угоды владети...». В 1600 г. верхотурские ямщики подают Борису Годунову челобитную, говоря о том, что дорога от Верхотурья до Соликамска дальняя, а корм для лошадей с собой не повезешь, просят разрешения косить сено по дороге на реках Кырье, Косье и Яйве. На что получают ответ, «сено косить не помногу, по десяти копен меньших человеку, для своей нужи, а не на продажу». Сама жизнь настаивала на том, что на такой протяженной дороге должны жить люди, которые могли бы обеспечивать лошадей кормом.

Прошло 20 лет, и в 1621 г. в «Дозорной книге Ф. Тараканова» мы встречаем запись: «Да в Верхотурском же уезде на Сибирском волоку на Косве реке двор, а в нем живет Ивашко Зенков. Пашни нет, потому что Камень. А санных покосов у него подле Косву реку и на лутех, и на Камени шестьсот копен. А оброку он с тех санных покосов платит на Верхотурье в государеву казну, по рублю на год. А с вогуличи торгует и зверь всякой ловит, а пошпины на Верхотурье не дает, а емлют с него пошпины у Соли Камской, что продает у Соли. На том же Сибирском, на половине, волоку на Ростесе на Кырге реке двор, а в нем живет Тренка да Первушка Усолицы. А санных покосов косят четьреста копен, а оброку с тех санных покосов нет». Постепенно население на Усольском волоку растет. К 1652 г. в Ростесе строится церковь, к приходу которой относятся деревни Косьва и Кырья. По переписи Льва Поскочина, в 1680 г. здесь уже было 39 дворов и проживало 88 оброчных крестьян. В начале XVIII в., при делении территории России на губернии, эта часть Верхотурского уезда вошла в состав Соликамского. Пройдет более 200 лет,

▲ Стрельцы

и только в середине XX в. эта территория войдет в состав уже современной Свердловской области.

После уничтожения в 1598 г. Лозьвинского городка для доставки хлебных и других припасов в Пельым был избран другой путь. Припасы зимним путем доставлялись из Верхотурья на Кошай, находившийся на р. Сосьве, ниже впадения в нее р. Ляли. Для хранения припасов были построены амбары, при которых находился караул из 5–10 верхотурских стрельцов. К весне строились суда, на которых по большой воде припасы доставлялись в Пельым. Сюда же, на Кошай, в 1600 г. из Тобольска, для заведения соляного промысла, был прислан пушкарь Ворошилка Власьев. И хотя промысел просуществовал всего несколько лет, но потомки тобольского пушкаря закрепились на этом месте. В «Писцовой книге Верхотурского уезда М. Тюхина 1624 г.» на Кошае записана д. Дорошки (по всей видимости Ворошки), в которой было два двора посадских людей — Васьки Ворошилова и Ивашки Турыты. Здесь же, на Кошае, находилась и деревня стрельца Тимошки Ворошилова.

Примерно в это же время, наверное, впервые взор был обращен на земли, находившиеся севернее Верхотурья. Так, 15 апреля 1623 г. верхотурские вогульский толмач Данила Степанов сын Шавков и ямской охотник Юрий Иванов сын Колода продают землю и рыбную ловлю по р. Ляле верхотурскому стрельцу Зиновию Никифорову. Климатические условия, неблагоприятные для производства товарного хлеба, не привлекали пашенных крестьян к заселению земель по рекам Ляле и Сосьве. Эти места заселяют те, для кого сельское хозяйство не являлось основным средством к существованию, а было вспомогательным, т.е. только для себя. Это верхотурские стрельцы и посадские люди. Особенно интенсивно процесс заселения рек Ляли и Сосьвы проходил во второй половине XVII в., когда между ясачными вогулами Лялинских и Сосьвинской волостей с одной стороны и стрельцами и посадскими — с другой составлялись закладные кабалы, которые оформляли выдачу в долг денег под залог земельных угодий, в том числе пашенных земель, санных покосов, гаревых и дубровных мест, юртовых и дворовых мест вогульских вотчин. В основном деньги не возвращались, и новыми хозяевами земель становились стрельцы и посадские. Так, 20 сентября 1653 г. была оформлена закладная кабала Осипа Иевлева Мелентею на часть деревни. Часть документа не сохранилась, но можно предположить, что

сделка состоялась между верхотурским посадским и верхотурским стрелецким десятником Мелешкой Фоминым, основателем рода Мелентьевых (Мелехиных), живших в д. Мелехиной на реке Ляле. В том же году была оформлена еще одна закладная — между ясачным вогулом Лялинской волости Иваном Калмановым и верхотурским стрельцом Макаром Ивановым сыном Котельниковым на пашенную землю и сенной покос на Лялинском карауле (ныне село Караульское). Все новые и новые фамилии появляются на реке Ляле, в районе Лялинского караула. В 1659 г. были оформлены закладные между ясачным вогулом Лялинской волости Корой Борисовым и верхотурским стрельцом Василием Сергеевым сыном Таскиным на сенные покосы на р. Ляле и Яковом Безоновым сыном Гавриловым с братьями на гаревое место с причистями на р. Ляле. Хотел бы заметить, что упоминаемые даты не являются основанием для утверждения, что это даты основания деревень в районе, так как косвенные данные в документах говорят о том, что получавшие кабалы уже имели в этих местах дворы и пашни. В одной из закладных за 1671 г. на реке Ляле упоминается пахотная земля Митрофана Сидорова, которого, на мой взгляд, следует отождествлять с оброчным крестьянином Митрошкой Сидоровым, по переписи А. Бернатцкого (1666 г.), жившего на «Ростесе и на Кырье и на Косве». Таким же образом были приобретены земли на Ляле верхотурскими посадскими Белкиным, Бедринным, оброчным крестьянином Жернаковым.

Заселялось и нижнее течение реки Ляли. Так, 5 апреля 1661 г. верхотурский стрелецкий сын Роман Степанов сын Ивакин продает свою деревню верхотурскому посадскому Денису Павлову «вниз пловучи, на левой стороне, где бывали юрты Васки Ондюрошкина Кумычова, с верхнего конца по волочку, а вниз до Кропивной речки, с ызбою, и с пашенными и с заложными землями, а в сенных покосах и в рыбных ловлях, в истоках и в озерах половину». А уже 15-го октября Денис Павлов оформляет закладную кабалу с ясачным вогулом Сосьвинской волости Василием Андреевым сыном Кумычевым и на вторую половину его вотчины. Позднее деревня получает его имя — Денисова, а сам он становится родоначальником Денисовых.

Тожественный процесс проходил и на реке Сосьве. 18 января 1656 г. была оформлена закладная кабала между верхотурским вогульским толмачом

Яковом Даниловым сыном Шавковым (сын уже упомянутого Данилы Шавкова) и верхотурским стрельцом Яковом Якимовым сыном Олферьевым на деревню по реке Сосьве. Очевидно, по должности Шавкова деревня и была названа Толмачевской. В свою очередь Яков Олферьев стал основателем деревни Якимовой, а его дети носили уже фамилию Якимовы. Проходит несколько лет, и в 1670 г. уже Яков Олферьев оформляет закладную на треть деревни Толмачевской с верхотурским стрелецким сыном Романом Степановым сыном Вагиным. С тем самым, который в 1661 г. продал свою деревню на реке Ляле Денису Павлову. Только тогда он был зафиксирован с фамилией Ивакин. Роман Степанов Ивакин (Вагин) стал основателем деревни Романовой и родоначальником Романовых. 8 июня 1686 г. была оформлена закладная кабала между бывшим сотником ясачных вогул Сосьвинской волости Яковом Палкиным и верхотурским посадским Игнатием Титовым сыном Поповым на пашенные земли, сенные покосы, покотины и рыбные ловли по реке Сосьве. К этому времени у Игнатия уже была деревня на Сосьве — Титова. Когда во второй половине XIX в. здесь была открыта церковь, село стало называться Семеновским. Не остался в стороне от приобретения земель на Сосьве и Верхотурский Николаевский монастырь. По двум закладным 1687 г. монастырь получил от ясачных вогул Сосьвинской волости Козмера Катышкова и Карпа Морозкова пашенные земли, сенные покосы и рыбные ловли по реке Сосьве. На мона-

▲ Вогул

стырских землях и появилась деревня Монастырская. 12 декабря 1689 г. была оформлена закладная между новокрещенным оброчным крестьянином Василием Козминым и косьвинским оброчным крестьянином Петром Федоровым сыном Коптяковым с братом на часть вотчины по реке Лобве, которые и основали здесь деревню Коптякову.

К 1680 г. по переписи Л. Поскочина здесь располагались 17 деревень, в которых было всего 29 дворов. В основном это были деревни — однодворки. Только в трех из них жили оброчные крестьяне. И только в одной из них, Молвинской, жили крестьяне, платившие хлебный оброк. Ко времени проведения первой ревизии, в 1719–1721 гг., количество деревень увеличилось незначительно. Их стало 22. А вот количество дворов увеличилось почти в три раза — до 80. В 16 из них жили оброчные крестьяне, а остальные были казачьи, солдатские и посадских людей.

Непривлекательность края в сельскохозяйственном плане сдерживала миграцию извне. Население увеличивалось, в основном, естественным путем. Казалось бы, бурное развитие металлургической промышленности на Урале в первой половине XVIII в. не оставит в стороне и северную территорию. И предпосылки для этого были. На р. Ляле было найдено месторождение медной руды, и в с. Караульском в 1723 г. начинается строительство Лялинского медеплавильного завода на строительство которого направлялись крестьяне из различных слобод Верхотурского уезда. Но рудные месторождения истощились, и в 1744–1745 гг. завод был закрыт, а заводское население переведено на Гороблагодатские заводы.

В заключение хотелось бы сказать, что если в южной части Верхотурского уезда в XVII в. население формировалось, в основном, пашенными крестьянами, то в северной части уезда — служилыми и посадскими людьми и незначительно оброчными крестьянами. И именно промышленное освоение стало основой второго этапа в формировании населения этого региона. В 1757 г. верхотурский купец Походяшин подает в Канцелярию Главного Заводов Правления доношение, в котором просит разрешения построить завод на р. Колонге. За десять с небольшим лет были построены три завода: Петропавловский, Богословский, Николае-Павдинский (совместно с тульским купцом Ливенцовым), открыты Турьинские рудники. Но это уже другая тема. **✎**

Наследство управляющего

Иллюстрации предоставлены автором

После отмены крепостного права в стране возникла потребность в технической интеллигенции. Владельцы заводов вынуждены были за свой счет отправлять одаренных молодых людей в высшие учебные заведения не только России, но и за границу. Среди них оказывались и простолюдины. В России стал формироваться корпус технических управляющих — высококультурных, искренне заинтересованных в развитии отечественной промышленности.

Представителем такой технической интеллигенции и был Гавриил Александрович Марков, управлявший Верх-Нейвинским заводом Пермской губернии с 1897 по 1907 год.

Родители его — отец Александр Иванович и мать Надежда Афанасьевна — состояли в разряде крепостных крестьян Березовского завода. Гавриил родился в 1866 году в Верх-Исетском заводе и рос очень смышленным мальчиком. Рано поступил на учебу — восьмилетним оказался в мужской классической гимназии Екатеринбургa. Окончил ее с отличием и по предложению владельцев Верх-Исетского завода был направлен на учебу в Санкт-Петербург.

В 1885 году, успешно сдав вступительные экзамены, он стал студентом Петербургского Горного института.

По окончании института в 1890-м году был назначен смотрителем золотых промыслов в Режевском заводе. А спустя три года был переведен в Верхний Тагил управляющим завода.

Завод в эту пору заметно отставал от других предприятий Верх-Исетского горного округа. Гавриил Александрович с присущей ему энергией взялся за модернизацию всей технологической цепочки получения чугуна и железа. И много сумел сделать, начиная от повышения производительности доменной печи до установки телефонов между цехами и на квартирах руководящих работников. Теперь оперативно решались все производственные проблемы.

Выходец из простого народа, он понимал его нужды в здравоохранении, образовании, борьбе с пьянством. Главной причиной пьянства считал низкий уровень культуры на-

селения. Церковно-приходская школа в поселке уже была, но она не удовлетворяла требованиям дня. По инициативе Маркова собрался сход всего населения, где он предлагает построить в Верхнем Тагиле высшее начальное училище. Для участия всех в финансировании строительства предлагает собирать по одному рублю с каждого жителя в год. Конечно, были и противники инициативы — как со стороны церкви, так и некоторых рабочих. Все же большинством присутствующих, благодаря авторитету управляющего, было принято решение школу построить.

Гавриил Александрович сам разработал проект здания. Выбрали место для строительства, но вскоре возникли непредвиденные трудности: на стройплощадке обнаружили старые захоронения. Церковь сразу же выступила против сооружения школы.

Выбранной комиссии пришлось обратиться к самому губернатору

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Василий Попов

Василий Попов живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского следопыта».

▼ Бюст Александра II на площади у волостного правления

▼ Школа в период строительства.
Крестный ход. 1901 г.

Пермской губернии. Поступило предписание — прежде, чем строить школу, провести перезахоронение останков. Это было выполнено. Заложили фундамент. Но поставить саму школу Гавриилу Александровичу не удалось.

И все же добрую память о себе он оставил в Верхнем Тагиле. По его проекту в поселке было осуществлено замечательное архитектурное творение — здание волостного правления. Специалисты утверждают, что это сооружение несет в себе элементы итальянского зодчества.

В 1897 году титулярный советник, горный инженер и архитектор Гавриил Александрович Марков был переведен управителем в Верх-Нейвинский завод. Это рассматривалось как повышение по службе.

Все свои замыслы и мечты он претворил в жизнь именно здесь, в Верх-Нейвинске.

Начал с того, что построил здание волостного правления — точную копию Верхнетагильского. Над двухэтажным зданием возвышается трехъярусная башня оригинальной конструкции. На верхней части — площадка для наблюдателей. Она использовалась в основном в летнее время, когда была наибольшая вероятность возникновения пожаров, о которых возвещал колокол. На втором этаже помещался волостной старшина и его канцелярия, а также волостной суд. Для суда была отведена комната, занимающая большую часть всего этажа. На первом этаже здания — канцелярия сельского старосты и сторожка.

В сторожке стояла большая горизонтальная печка с тремя лежанками. Здесь же находилось песчаное точило. Сюда приходили все, кому нужно было выправить инструмент. Сторожка всегда была полна людьми, особенно по вечерам. Здесь собирались, чтобы обменяться новостями.

Следующим этапом было строительство училища. Гавриил Александрович опять сам составил проект здания и определил смету строительства — 16 500 рублей. Денег, естественно, не было. На общем сходе решили собрать по 1 рублю с каждого дома, а рабочие завода в «благотворительную» кружку должны были положить по 1 копейке с рубля. Строительный материал поставлял завод. Управляющий сам руководил стройкой. В результате получилось замечательное архитектурное сооружение, по сей день украшающее поселок! Открытие училища состоялось 2 сентября 1901 года.

По инициативе Гавриила Александровича и под его руководством в Верх-Нейвинске была построена заводская больница на 25 коек. Здесь же размещалась и аптека. Проект здания и смета строительства составлены им самим. Здание больницы тоже архитектурный шедевр.

Все строения, созданные Гавриилом Александровичем в поселке, представляют архитектурную и историческую ценность. Вклад этого человека в развитие и благоустройство Верх-Нейвинска просто неоценим. Сколько управляющих было до него и после него? Много! Но даже вместе

взятые, они не сделали столько, сколько сделал Марков!

Он приобщал народ к культуре, помогал нуждающимся. В поселке был организован Народный театр, где ставились спектакли и давались концерты. Играл струнный оркестр. На вырученные деньги приобретали книги для народной библиотеки, помогали нуждающимся.

Жители поселка и рабочие завода его очень уважали и любили. Вот что писала газета «Уральская жизнь» 10 августа 1900 года: «6 августа Верх-Нейвинское сельское общество ознаменовало десятилетие службы при Верх-Исетских заводах Управителя Верх-Нейвинского Горного Инженера Гавриила Александровича Маркова: для этой цели был собран сельский сход, на котором все общество, во главе с волостным старшиной Кропотухиным, благодарило г. Маркова за его всестороннюю и неутомимую деятельность на пользу Верх-Нейвинского населения; причем от общества ему был поднесен роскошный именной серебряный сервиз в изящном футляре».

В 50-е годы прошлого века старожил поселка Поздняков Константин Дмитриевич Поздняков вспоминал: «Добрую память оставил Марков о себе в поселке. Спроси сейчас любого старика, и ни один тебе худого слова о нем не скажет. Хороший был человек, не чурался он рабочих, мог говорить хоть со старым, хоть с малым. Шли к нему люди со всякой нуждой, и никому он не отказывал. К нему можно было зайти в любое время хоть днем, хоть в контору. Другой раз пря-

▲ Семья Г.А.Маркова

▲ Г.А.Марков — попечитель мужского начального училища. 1899 г.

мо с работы черные, грязные заходят к нему, и ничего. Внимательный, обходительный был с народом».

Как же сложилась дальнейшая судьба Маркова? Очень непросто. Несколько раз его жизнь висела, как говорят, «на волоске». В 1907–09 годах был управляющим заводами Нижнетагильского горного округа. В 1910–12 работал в Пермской губернской земской управе. В 1913–16 — главный управляющий Енисейскими золотыми приисками.

В 1919 году в Сибири, на Енисее, чуть не утонул. Чудом спасся, а на берегу его арестовали. В те годы там шли ожесточенные бои между красными и белыми. Он как раз попал к красным. А в тех краях в то время зверствовал со своими подручными белый генерал Марков. Красные, думая, что поймали генерала Маркова, готовились к расправе. По чистой случайности там оказался бывший рабочий с прииска, который хорошо знал Гавриила Александровича. И он оказался на свободе.

В 1922 году Маркова назначают старшим инспектором Наркомата цветной металлургии. А в 1923-м по ложному доносу — якобы собирал иностранный капитал и, пользуясь им, продвигал свою работу — его арестовали.

Сотрудники, друзья откликнулись и приняли горячее участие в реабилитации Маркова. Огозвались уральские заводы, Общество политкаторжан — многим его членам он в свое время помог устроиться на работу. Но решающую помощь он получил из Парижа от Леонида Красина, который был

▲ Г.А.Марков. 1932 г.

возмущен травлей Маркова. На суде были выставлены все доказательства о невинности Гавриила Александровича. И он был оправдан.

В газете «Уральский рабочий» от 24 сентября 1933 года был помещен краткий некролог: «20 сентября в Москве скончался от воспаления легких горный инженер Гавриил Александрович Марков, о чем с глубоким прискорбием извещают его семья и ближайшие родственники».

Похоронен Гавриил Александрович на Новодевичьем кладбище.

Досадно, что имя Г.А. Маркова нигде не увековечено — ни в Верхнем Тагиле, ни в Верх-Нейвинске, ни в Ниж-

▲ Г.А.Марков и его супруга Надежда Владимировна

нем Тагиле... А надо бы. Хотя бы в Верх-Нейвинске. На зданиях школы, больницы и волостного правления прикрепить бы мемориальные доски. А внутри каждого здания оформить соответствующий стенд с изложением истории постройки. Одной из улиц можно бы присвоить его имя. Перед зданием школы поставить бюст или даже памятник его создателю.

Хочется верить, что потомки с уважением будут относиться к истории своего края, чтить и помнить простых людей, которые создавали поселок, сберегли его для нас во всем великолепии уральского зодчества и природной красоты. **УС**

Тайны половецких «балбалов»

От Дуная до Иртыша раскинулась бескрайняя однообразная Великая степь. Дешт-и-Кипчак — называли половцы свою землю, а себя — кипчаками. И до и после них степь давала приют многим народам, вбирала в себя самые разные и яркие культуры, впитывала кровь и мечи завоевателей: в XI веке половцы вытеснили печенегов, а в XIII веке уступили татаро-монголам. Кочевники приходили и уходили, не меняя свободу на золото и власть. Что за таинственная сила поднимала народы и вела их в бескрайнюю даль? Помогала терпеть лишения и неудобства, закаляла, делала сильнее? Надежда на лучшую жизнь, жажда наживы или просто дорога?

Степь уходила в небо, чтобы богам легче было спускаться, а мертвым подниматься. Азербайджанский поэт Низами с большим уважением и вниманием относился к половецкой культуре: как-никак,

жена — половчанка. Именно он, в который раз пересекая Великую степь и наблюдая за жертвоприношениями половцев каменным истуканам, обессмертил их в поэтических строках.

*Изваяньем таинственным, в годах былых,
Был опущен покров на красавиц степных.
И теперь в тех степях, за их сизым туманом,
С неповерженным встретишься ты талисманом.
Вкруг него твой увидит дивящийся взор
Древки стрел, словно травы у сонных озер.
Но хоть стрелами, разящих орлов, нет и счета —
Здесь увидишь орлов, шум услышишь их взлета.
И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина.
Пеший путник придет или явится конный, —
Покоряет любого кумир их исконный.
Всадник медлит перед ним и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо.*

ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Филимошкина

Родилась в г. Печора Республики Коми. Окончила Днепропетровский национальный университет. Историк и практический психолог. Участник Форума молодых писателей России и зарубежья (Москва, Липки, 2009-2012). Автор ряда публикаций в литературных журналах и газетах, а также историко-биографического романа о Клеопатре (М., 2010). Живет в Днепропетровске.

Издали каменный идол казался большим камнем, но, когда Низами приближался, его всегда невольно охватывал трепет. Грозный, суровый воин пристально вглядывался в него. Благо, каменный меч в ножнах был совсем не опасен. Солнце медленно скатывалось за край земли, степь багровела, а курганы с идолами казались потусторонними. Словно природа стирала краски, желая усилить таинственность, подтвердить их мистическую силу. Грозные воины в закатных сумерках широко улыбались. Они... живые?! Неожиданно сделанное открытие не испугало Низами: он чувствовал — в идолах нет зла.

О своем восторге, мистическом открытии, странных обрядах половцев и хотел поведать потомкам поэт Низами. Это был XII век — время наивысшего расцвета половецкого искусства и каменной пластики. Обжив многие земли, половцы всегда оставляли после себя курганы и каменные статуи. Самое ценное, чем владел этот таинственный народ, мистическое завещание другим, что после них будут жить в Великой степи. Не совсем верно, будто половцы навсегда исчезли с арены Истории. Их частые набеги на Русь послужили взаимопроникновению. Нашей культуре они подарили ярких персонажей — Змея Горыныча и женщину-богатыря. Помните Василису Никитичну? Она и есть самая настоящая половчанка! Да и не только на Руси, но и в Европе

оставили след. Когда им пришлось уступить степь, кочевники ушли в Закавказье, Египет, Македонию, Фракию, но самое видное положение было в Венгрии, где они занимали государственные посты, роднились с княжескими родами.

Кипчакский язык лег в основу казахского, татарского, башкирского, карачаево-балкарского, кумыкского и ногайского языков. А ведь, пока жив язык, жив и его народ. Так что некоторые из нас приходится потомками половцев, а значит, в генах живет память о том, для чего предназначались половецкие каменные бабы-статуи, и они по-прежнему выполняют свою миссию.

Кстати, а почему именно «каменные бабы»? Ведь статуи изображают мужчин, хотя иногда встречаются и женщины. По дошедшим до нас источникам известно, что половцы называли каменные изваяния «балбал», что значит идол. Ну а те, кто пришел в степь после них, для простоты всех истуканов, независимо от пола, прозвали «бабами», а еще «болванами». Некоторые ученые предполагают, что «баба» связана с тюрским словом «вава» — предок, дед. Вот так смешно прозванные «балбалы» вошли в Историю.

В Российской империи каменных идолов начали собирать еще с XVIII века, словно предчувствуя их непростую судьбу. По подсчетам ученых, к XX веку в степной полосе России, южной Сибири, на востоке Украины, в Германии, Средней Азии и Монголии было обнаружено около двух тысяч каменных баб, а к XXI веку их количество в несколько раз уменьшилось. Здесь не только встает вопрос о неуважительном, потребительском отношении к предкам, к истории и культуре — с исчезновением «балбалов» мы теряем возможность разгадать их тайну!

Материал, из которого изготавливался «балбал», — серый, белый и желтый песчаник, белый известняк и известняк-ракушечник, изредка — гранит. Высота от одного до четырех метров, а вес иногда достигает нескольких тонн. Первые половецкие «балбалы» неуклюжи и примитивны — простой каменный столб с грубым изображением человеческого лица. Видимо, половцы только учились, постигали азы скульптуры. В дальнейшем мастерство росло, и каменные бабы совершенствовались. Мужчины и женщины изображались стоя или сидя (до сих пор неизвестно, почему именно так и что с данным положением тела

связано) всегда с одинаковым положением рук и чашами. Благодаря точным и полным изображениям, мы можем представить костюмы, украшения, оружие, материальную и духовную жизнь половцев. Каменные лица всегда плоские, скуластые, чаще овальные с тюркскими или монгольскими чертами. Мужчины с усами и бородой; женские лица — круглые, полные. На мужской шее металлическое кольцо, у женщин — ожерелье, бусы. На руках, запястьях и плечах — кольца и браслеты. Воины — мужчины — с саблями, луками, колчанами для стрел; женщины — в богатой одежде, в платьях с орнаментальной вышивкой, в модных шляпках, с зеркальцами и кошельками у пояса. Волосы всегда заплетены в косы или в сложные прически. У мужчин иногда из-под шлема выглядывают три косы.

В статуях крайне мало разнообразия, иногда оно проскальзывает в выражении. Встречаются грозные, угрюмые, суровые мужчины — они подавляют и устрашают, но есть и добродушные с открытой широкой улыбкой. Кажется, еще немного, и «балбал» пригласит за пиршественный стол. Среди величественных женщин с развитым чувством собственного достоинства иногда встречаются угнетенные, вымученные выражения лица. Что же такого они пережили, если навеки застыли в боли и тоске?

В этих странных скульптурах удивительным образом сочетаются покой и необузданность, сила и слабость, вера в нечто запредельное и в самое обычное человеческое.

Вот то небольшое, что мы точно знаем о «балбалах». Тайна начинается с чаши, которую крепко держат каменные руки. Принято считать, что чаша предназначалась для праха умершего или пепла от ритуального жертвоприношения. Но тогда почему некоторые «балбалы» вместо чаш держат детей или птиц на правой руке?

Некоторые ученые уверены, что «балбалы» изображают предков (своего рода древние фотографии) и их ставили на курганах или в святилищах. Через специальные обряды душа умершего переходила в каменного истукана. Может, поэтому, если долго смотреть или проводить время среди каменных баб, появляется ощущение, что они живут, наблюдают, изучают?

Есть версия, что развитый погребальный культ, а также культ пред-

ков, постепенно перерос в культ вождей-героев. Мирской «балбал» символизировал верховное божество Тенгри (синее небо). Он давал воинам силу и олицетворял отца — покровителя рода. Как правило, лицом они были обращены на восток. А женский — Умай, жена-земля — отвечала за плодородие. Вполне возможно, что каменные бабы выполняли функцию мистических стражей, защитников племени от врагов.

А вот еще одна любопытная версия: «балбал» изображал врага, который пал от руки воина-героя и был похоронен по определенному обряду для того, чтобы в загробном мире подносить чашу своему господину. Поэтому и стоят «балбалы» в степи с чашами для вечного служения воинам-героям.

Обилие предположений свидетельствует о том, что истинное предназначение «балбала» до сих пор непонятно. Великая степь хранит тайну. Достоверно известно об их мистическом влиянии на людей. Кто бы ни жил в степи после половцев — каменных баб почитали и им поклонялись. Иногда рядом с «балбалами» ученые находят скелеты, что не исключает и человеческие жертвоприношения. А в фольклорных сборниках сохранился обряд поклонения. «Балбалу» клали ломоть хлеба на плечо, рассыпали у ног зерно, кланялись и говорили: «Помилуй нас, бабо. Будем кланяться еще ниже, только сохрани нас от беды!» Даже в XVIII — XIX веках, когда крестьяне находили каменную бабу, они тащили ее во двор, поклонялись ей, на праздники белили и украшали лентами. Что же за сила влекла славян-христиан к половецким языческим «балбалам»? Но такое отношение встречалось не везде. Зачастую каменных баб использовали как межевые знаки, угловые опоры в жилых и хозяйственных постройках. О них точили косы, топоры и ножи. Чтобы прекратить неподобающее отношение к историческим памятникам, приходилось вмешиваться царскому правительству.

Благодаря историку Дмитрию Яворницкому, сохранились легенды о «балбалах», которые он тщательно записывал. По древним поверьям, каменные бабы когда-то были богатырями-великанами. Однажды, разозлившись на солнце, они стали плевать в него, за что и были некоей мистической силой обращены в камень. Но в тяжелые времена они оживают и карают своих обидчиков (бед-

ные крестьяне, точившие о них ножи!). А по другой легенде унесенные с курганов каменные бабы сами возвращаются на свое место. Странно, но даже в сказаниях проходит мысль о некоей жизненной силе, заключенной в каменном истукане. И с веками эта сила только нарастает.

Самая крупная коллекция каменных половецких баб находится в лапидарии Краснодарского музея имени Е. Д. Фелицина. Шестьдесят девять «балбал» стоят под навесом во дворе музея среди арабских и скифских надгробий. И отчего-то именно в этой «многолюдности» особо ощущается их одиночество. Они как животные, вырванные из родной стихии и помещенные в клетку, погибая, мечтают о свободе.

Второе по величине собрание половецких баб — 68 «бал-

▲ «Балбалы» в Днепропетровском историческом музее

бал» — находится в Днепропетровском историческом музее (Украина). Воины-мужчины, нарядные гордые женщины, они стоят без всякого навеса под дождем и снегом, в зной и холод. И то, с чем не смогло справиться время, совершают люди. Заводы, машины, плохая экология... Человек, не уважая себя, готов со всем смириться и все принять, а каменный истукан откальывается. «Балбалы» медленно разрушаются и мучительно умирают. Словно инопланетные пришельцы, с непоколебимым спокойствием взирают они на смену эпох, революций, войн. Что им слышится под открытым звездным небом? Зов Великой степи, сохранившийся в каменной памяти? Или песни ушед-

ших в небытие кочевников? Все непонятно в их появлении, в мастерах, что творили и мечтали, в их предназначении.

В Днепропетровском историческом музее содержится еще один шедевр каменной пластики, аналогов которому в мире нет. Керносковский идол — антропоморфная стела эпохи энеолита (III тыс. до н. э.). Он уникален во всех отношениях: и древностью происхождения, и совершенством техники изготовления, и удивительными очертаниями, и соразмерностью пропорций, и, наконец, необыкновенным богатством изображений на поверхности.

Некоторые ученые считают, что каменный идол — протоарийское божество — создатель мира, пода-

ными рисунками, изображениями, выполненными в технике невысокого рельефа. На них изображены оружие, металлические орудия труда, сюжеты охоты и ритуальных танцев, лошади, собаки, закодированные календари, меандровые узоры, разные таинственные знаки и магические символы. По бокам головы выступают небольшие уши с углублением в центре. Лицо удлинено, с выступающим подбородком, низко опущенным на грудь. Глубоко посаженные глаза, небольшой нос, крепко сжатый рот, опущенные усы, руки, которые он то ли прижимает к правой стороне груди, то ли хочет поднести к лицу. Взгляд острый, пронзительный. В зависимости от падаю-

мый идол с изменчивым выражением лица и неразгаданными рисунками наблюдал за потомками тех, кто его сотворил. Он пришел из эпохи неолитической революции, когда человечество сделало гигантский скачок в своем развитии. Он один из немногих свидетелей зарождения животноводства, земледелия, ткачества, гончарства, металлургии, производства оружия. Но, видимо, было что-то еще, о чем мы не знаем. Ведь каменное тело, помимо известных изображений, сохранило таинственные рисунки, смысл и значение которых до сих пор не разгаданы. Он словно машина времени, сконцентрировавшая загадочную эпоху первых революционеров. Но в истори-

▲ Керносковский идол

тель жизни и благополучия. Часть изображений на нем перекликается с сюжетами мифов индийского литературного памятника «Ригведа».

Свое название идол получил по месту находки. В 1973 году пятеро школьников из села Керносовка (Днепропетровская область, Украина) случайно обнаружили его в силосной траншее. Так древний бог (если это бог) получил имя — Керносковский идол.

В этой небольшой статуе из серого песчаника (1,20*0,36*0,24 см, вес 238,5 кг) чувствуется гармоничность и благородство. Правая сторона серьезно деформирована (осталась глубокая вмятина) бульдозером. Идол представляет собой прямоугольную, достаточно объемную плиту (скорее даже блок) с небольшим выступлением сверху — головой. Все четыре стороны блока покрыты многочислен-

ного света, то безразлично, то внимательно изучающий. Как и «балбалы», этот идол оставляет странное чувство собственной, отдельной жизни, текущей в каменном теле независимо от времени и эпох.

Большой научный интерес вызывает тот факт, что в Керносковском идоле объединены в единую композицию все известные ранее элементы: фаллическая сцена, сцена охоты, космогонические представления, символы власти. Кто его создатель? Какую идею вкладывал в свое творение? Что хотел передать потомкам?

Керносковский идол с большим успехом выставлялся в Москве (была даже предпринята попытка оставить его там), в Италии и в других странах. Ему предоставляли отдельный зал, особую подсветку, окружали благоговением и уважением. И стран-

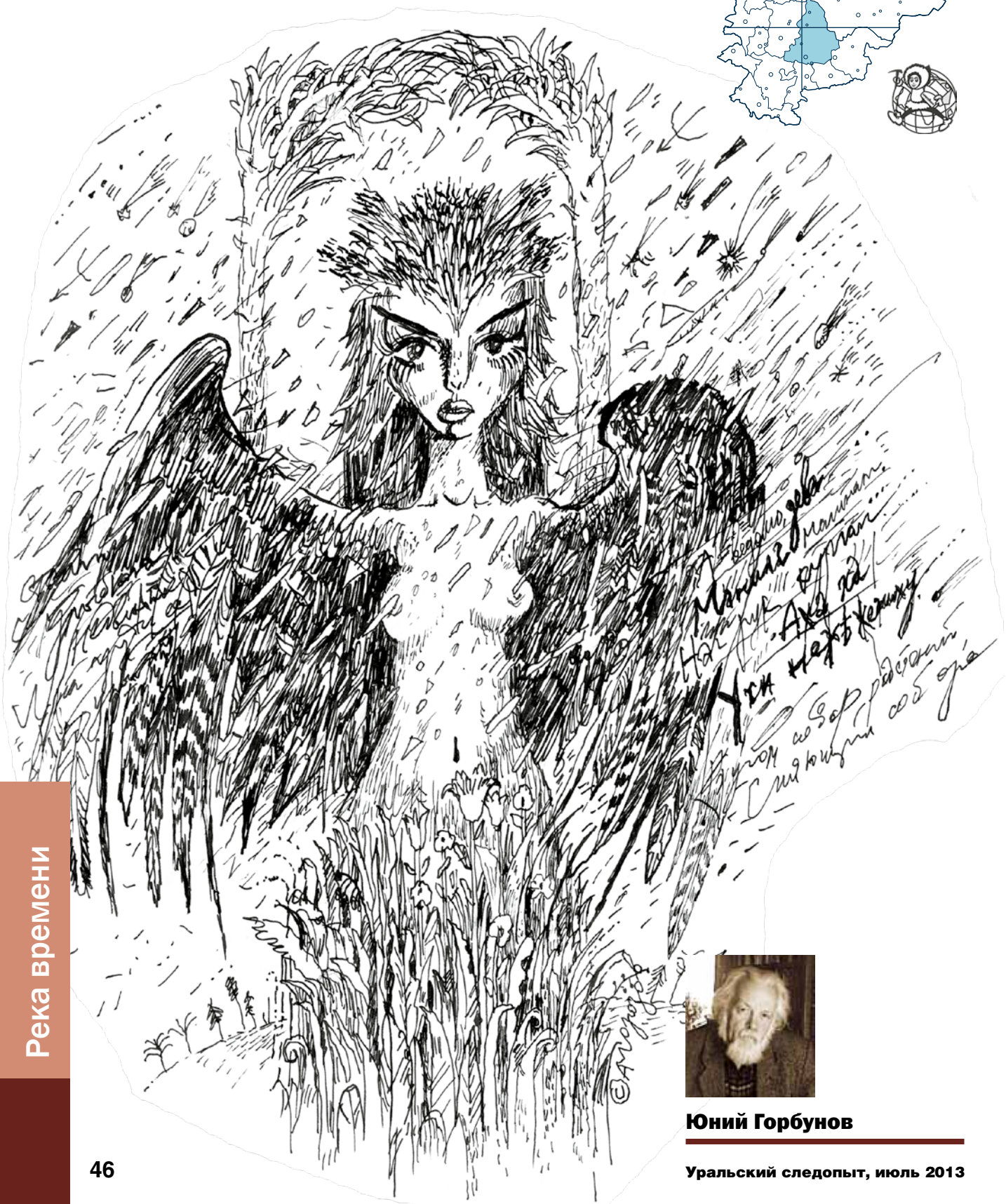
ческом музее ощущение путешествия во времени отсутствует напрочь. Керносковский идол затерян среди многих других экспонатов, жмущихся друг к другу в маленьком зале, где и людям-то не всегда хватает места. Для него нет специальной подсветки, подчеркивающей каменную древнюю красоту, нет отдельного зала, почитания и благоговения. Он угрюм и мрачен. Ему не хватает света и свободы. Та же растерянность чувств и в каменных бабах. Не от мира сего, странные и чужие, они притягивают к себе, словно магнит. Широко улыбаясь или мрачно смотря исподлобья, они выполняют, наверное, свое самое главное предназначение — хранят тайны Великой степи. **У**

Дева-птица

Дева и Велимир

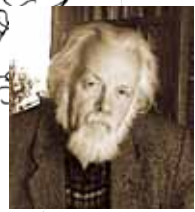
Рисунок Александра Морозова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Велимир, дева
Моя мама
Аха ха
Ура нехорошо
Угол с собой
Смешно собою

Река времени

Юний Горбунов

Продолжение. Начало в №1, 2013

Да, вот еще что вспомнила Павда.

Однажды в начале лета забрел на Павдинскую дачу студент-естественник из Казани. Был тогда май 1905 года. После январских событий в Петербурге его университет временно закрылся, а студенту вот повезло: пока в стране суд да дело, Общество естествоиспытателей выделило ему сто рублей для орнитологических сборов на Северном Урале.

Тем студентом был Виктор Хлебников — еще не Велимир, не «будетлянин» и никакой не «председатель земного шара», а только 20-летний любопытствующий юноша. С собой он прихватил и младшего брата Александра (Шурку), ученика реального училища.

Кроме революции, еще шла тогда война: огромная Россия зачем-то малоуспешно бодалась с маленьким островным государством Японией.

А студенту-орнитологу вдруг как раз взбрело в голову осваивать японский язык — выбрал же место и время! Павдинские мужики сразу на этих студентов косо стали смотреть: не иначе, говорили, как японские шпионы, а может, гляди-кось, бунт какой затевают. Хватив кумьшки и встретив на пути пришлецов, на ненашенском языке упражняющихся, здешний лавочник совал под нос студентам волосатый кулак и предупреждал, что непременно выследит.

Но в поселке братья светились редко. Жили в тайге и почти на подножном корму. К той поре Виктор еще мало куда из родительского дома отлучался, а тут! Этакая неохватная тайга с мшистыми елями, кедрами и лиственницей. На горях — осино-березовые светло-зеленые горницы. Еще ступи ногой — каменные глыбы встают первобытными истуканами, а рядом — смертельной тайной влекущие, ягодой и дичью тучнеющие болота, комариная непроходь... Ну прямо храм природы, таежная Троица! А речки-то, речки порожистые, чуть ли не безымянные, дарящие то хариуса, то тайменя!..

Но первая здешность, покрывшая орнитолога, — птичье разноголосье. Такого таежного базара разве в Казани сыщешь?

Сутками, неделями бродили братья по тайге. Ловили силками пернатую живность, потрошили и набивали чучела для коллекции — чуть ли не по два десятка в день!

Заплутавшись, ориентировались по сопкам и речкам. До поздней ночи слушали непонятный разговор птиц и засыпали у костра, дырявили еловыми угольками куртки, бродни, шляпы... Питались тем, что Бог пошлет. Бывало, Виктор демонстративно жевал мох, ел сырое мясо дрозда и вообще отучал брата от скверной привычки питаться каждый день. Но кофе казанского еще привоза берегли-экономили здесь как невиданное лакомство.

Однажды Виктор в вечерюющей уже тайге один забрел в глухую непроходь. И замер вдруг на месте: сквозь мельтешение ветвей и лап ему предстала... дева. Вся в блесках бело-золотых. И черные крылья у нее — да, может, это птица?

Минуту или вечность стояли они супротив друг друга недвижимо. Вдруг подняла белая птица-дева черные свои крылья, и донесся до него голос — сухой и трескучий, он походил на крраа. Прошло еще мгновение-вечность — дева-птица снялась, и ее не стало. Но долго длился еще ее крик. «Он был принесен ветром, — записал потом Виктор в походном дневнике, — и, казалось, вместе с ним умер».

Что говорила ему Дева-птица? И что ждала в ответ? Он не знал. Это стало его мучительной загадкой — слышать и не понимать. Почему нельзя сделать мир природы единым в его языке? Почти полгода бродили братья по Павдинской тайге. Привезли в Зоологический музей университета 111 орнитологических экспонатов, написали отчет... Но на этом и закончилась ученая карьера Виктора Хлебникова. Из той таежной зеленой Троицы вернулся он Велимиром. Сразу ставшая тесной каморка предстоящей орнитологии вытолкнула его на языческий простор поэзии. Она, поэзия, и вообще-то сродни плодоносящему Яриле.

А у Велимира Хлебникова вознеслась над логикой и смыслом и вовсе в языческую стихию словотворения. Он тщетно пытался преодолеть узкие эгоистические возможности биологического вида и выйти на межвидовую свободу.

А потому слово, крик, шепот, загадочное «крраа» Девы-птицы скинули с себя одежды смысла, обнажившись до многозначности слова-звука как такового:

*А ведомо, дева,
Манила малинам.
Наг рук курган.
Ахаха!
Ухи нежь жениху.*

В павдинской тайге, в ее зеленой Троице, родился поэт-футурист Велимир Хлебников.

Вот как писал он позднее в одном из своих рассказов: «... Зеленая лесная Троица 1905 года на белоснежных вершинах Урала, где в окладе снежной парчи, вещице и тихие, смотрят глаза на весь мир, темные глаза облаков, и полный ужаса воздух неся оттуда, а глаза богов сияли сверху в лучах серебряных ресниц серебряным видением...».

Зеленая Троица и Дева-птица не отпускали Велимира, пока он шел по его недлинной поэтической тропе, «смотря на мир против течения».

*И персей белизна
струится до ступеней,
Как водопад прекрасных гор.
Кругом собор растений,
Сияющий собор.*

Дева-птица то каменела в его поэтическом образе:

*Стоит с улыбкою недвижной,
Забитая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом...*

То наливалась древней мудростью:

*А помните? Туземною богиней
Смотрели вы умно и горячо...*

А то вдруг обретала прекрасную живую плоть:

*Позови меня, лесную,
Над водой тебе блесну я,
Из травы сниму копытце,
Зажгу в косах небеса я
И, могучая, босая,
Побегу к реке купаться.*

Как крик Девы-птицы, короткой была жизнь будетлянина-речетворца Велимира Хлебникова. А когда умирал в деревенской баньке, говорят, прилетела большая птица и стучала клювом в окно...

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

июль 2013

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ТАТЬЯНА ТИХОНОВА
Собеседник

50

54 **Координаты чудес**

АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО
Молитва

54

62 **Координаты чудес**

СВЕТЛАНА КОЛЕСНИК,
АНДРЕЙ БОЧАРОВ
Чтец третьего листа

62

75 **Повод для улыбки**

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ
Крещение

75

Собеседник

Планета Вог вкатилась красно-коричневым бocom в иллюминатор моего одноместного «Витязя» и прочно обосновалась там, заставляя то и дело приниматься разглядывать ее еще довольно далекую, неприветливую физиономию. Неприветливой она казалась, потому что добирался я сюда уже третий день и понятия не имел, пустят меня или нет воги и не зря ли я сюда вообще свернул.

Потому что лететь мне полагалось на Землю, на юбилей к другу, а хотелось еще привезти какую-нибудь небывальщину маме. Очень она любила всякие диковины и редкости. Подолгу любовалась ими. Безделушками, друзьями хрусталей невиданных формы и цвета, игрушками детскими со всех концов галактики был заставлен весь наш старый дом.

И когда меня кто-то спросил: «А чего ты на Вог, на их блошинный рынок в Ганизе, не слетаешь, там всяких механических штучек полно?», я пожал плечами и подумал: «А и правда, почему?..»

Рассказов про Вог ходило немало. А про их рынок еще больше.

Татьяна Тихонова

Родилась и живет в городе Новокузнецке. Училась в металлургическом техникуме, потом в Новосибирском институте связи. Работает на телефонной станции. Писать начала совсем недавно, первый опубликованный рассказ вышел в этом году.

Мир здесь, на Воге, был древний, воинственный. Цивилизация, достигшая невиданного расцвета, где роботы и диковинные андроиды давно и преданно служили разумной расе, где медицина достигла таких высот, что воги жили по сто пятьдесят — двести лет, увязла в войне, которая длилась без малого пятьдесят лет. Поначалу эту небольшую планету сотрясло от атомных коллапсов, аннигиляционные бомбы уничтожили множество островов в здешних океанах. Местные летательные аппараты долго вызывали зависть у вояк из Генштаба Объединенной Галактики.

А потом и воевать особенно уже стало некому, и к тому же уже и нечем. Сейчас здесь остались лишь руины городов, развалины промышленных комплексов, люди, потерявшие человеческий облик от нищеты и страха быть в любую минуту убитыми, бродяги-андроиды, в услугах которых уже никто не нуждался...

Поколение детей, выросших в эту страшную войну, уже не представляло себе, как это жить и не вскидывать испуганно голову, всматриваясь в небо и

отыскивая глазами над собой тонкий красный крестик, которым отмечалась цель находившимся далеко отсюда беспилотником... Шайки головорезов, выросших из этих детей, вооруженных найденным в развалинах оружием, стали самой страшной бедой современного Вога. Ну и «невольничий» рынок, конечно, как они называли его. Только продавались там не люди...

Мой «Витязь» изрядно трянуло при переходе по лосы таможенного досмотра. Поправив маленькую головку наушника переводчика в ухе, я сделал запрос о разрешении на посадку. Ловушка таможни еще некоторое время надсадно жужжала, проверяя мой корабль со всех сторон, и наконец разрешение было дано.

Цель приезда, указанная в декларации, отправленной с корабля, ограничивала мое перемещение на Воге Ганизой, столицей Магуты, или того, что от нее осталось. В Ганизу я должен был попасть на местном шибе. Этот вид транспорта, говорят, единственный, который еще действует на Воге, потому что электромагнитные пути для него проложены под землей и частично сохранились. Небольшая обшарпанная машинка, летевшая над землей, по-над этими путями, очень быстро и беззвучно доставила меня в Ганизу часа за два, и все это время внизу растилалась пустынная, унылая местность. Потом потянулись руины города.

Машина вздрогнула и замерла возле разрушенной стены из желтоватого камня, похожего на очень плотный песчаник. Наспех сколоченные жилища, пристройки к обвалившимся стенам, занавешенные тряпьем пробоины в зданиях и люди, похожие на тени... Высокие, тонкокостные, с удлинненным, тяжелым в затылочной части черепом, они отличались раньше надменным осознанием собственной

избранности — я встречал вогов иногда в космопортах других планет. Теперь же затравленный взгляд глубоко посаженных маленьких глаз, привычно втянутые в плечи от страха головы заставляли меня жалеть их. Воги же провожали меня долгими, выжидающими взглядами, иногда появляясь на пороге своих жилищ.

А торговля шла вовсю. Начиная от съестного, пахнущего неизвестными мне пряностями, кончая непонятого рода крючками и загогулинами из красноватого металла, тускло блестевшего на солнце. Торговцы жили здесь же, и товар развешивался на стенах или лежал прямо на земле.

С удивлением разглядывая вещицы, о назначении которых можно только догадываться, я шел вдоль улицы, как мне посоветовали, не сворачивая, намереваясь добраться до рынка андроидов. Этих существ, разумных, с корпусом от сверхлегкого титана до простого железа, больших и маленьких, в зависимости от давности его создания, здесь продавалось множество. Их собирали полуразрушенных, искореженных по свалкам или ловили, потом ремонтировали и продавали...

И, как-то не задумываясь об этом вначале, сейчас, едва показались первые человекоподобные существа, сидевшие понуро на земле, я вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

Глаза их, тусклые и равнодушные, провожали меня или не обращали совсем никакого внимания.

Очень много здесь было боевых роботов, и я слышал, что отсюда привозят прекрасных андроидоохранников, которым нет в этом деле равных. Андроиды-уборщики, повара, гувернеры и экономы, каких только здесь не было!

Чуть впереди перед чопорным покупателем то ли отплясывал танец, то ли показывал элементы какой-

то древней борьбы малютка-андроид. Движения его, отточенные и медлительные, завораживали, заставляли меня долго еще оглядываться на маленького танцора. Оглянувшись еще раз, я увидел, что покупатель довольный расплывается, а андроид стоит, ждет, отрешенно уставившись в землю.

Задумав подарить маме какую-нибудь необычную механическую игрушку и отправившись сюда, я совсем не думал о том, что эта игрушка может оказаться такой... разумной. Но помня о том, что воги тех андроидов, которых никто не купил, продают на металлолом, решил во что бы то ни стало забрать отсюда хотя бы одного — такого, которого никто уже не купит.

И скоро нашел его.

Он сидел в одиночестве, обхватив ноги руками. Вся его невысокая фигура отличалась мягкостью линий, мимика была необычно развита. И, встретившись маленькими, круглыми глазами с глазами прохожего, он наклонял голову и говорил мягко:

— Здравствуйте...

Услышав приветствие в наушнике своего переводчика, я улыбнулся андроиду и спросил у продавца:

— Что умеет ваш андроид?

Мой переводчик в ухе подсказывал правильный перевод, и я повторил эту фразу уже на воге.

— Собеседник, — коротко ответил продавец, без интереса меня рассматривая и прикидывая, видимо, на ходу, насколько я заинтересован в покупке этого робота и не стоит ли снизить или завысить цену. — Не даст соскучиться вам, одним словом... сэр, — добавил он вдруг, чем рассмешил меня (очень часто в Галактике особенности, присущие одному народу, начинают сопоставлять с населением всей планеты).

А продавец уже отвечал на вопросы другого покупателя, который принялся осматривать мощно-

го, с квадратными челюстями андроида, предназначенного для охраны, как я понял из трещавшего без умолку переводчика и переводившего все, что попадалось ему, точнее мне, в ухо.

Собеседник же все это время молчал, только его глаза не отрывались от моего лица, он словно изучал меня. Потом вдруг сказал:

— Особенностью модели «Собеседник» является способность к освоению языков и ненавязчивое ведение беседы, что так необходимо пожилым и одиноким людям. — Голос его был мягкий и располагающий к себе, грустный что ли, добавил я про себя нерешительно, а тот продолжал: — Собеседник вступает в разговор только по желанию своего собеседника и никогда не прерывает его... Тема разговора выбирается хозяином модели. — Собеседник замолчал и вдруг добавил: — В последнее время модель «Собеседник» не пользуется спросом...

В это мгновение продавец протянул руку с прямоугольным предметом, похожим на пульт, и Собеседник замолчал.

— Не слушайте его, давит на жалость, на самом деле, наши андроиды славятся во всей Объединенной Галактике! — воскликнул он, вскидывая голову и смеясь, словно лошадь, всхрапывая и вскидывая тяжелый подбородок.

— Я покупаю вашего Собеседника, — оборвал его я, смех этот показался неприятным, словно смеялись надо мной.

Выяснение, сколько же стоит Собеседник, заняло немного времени — торговаться я не стал. Хотелось быстрее покинуть этот рынок, чтобы не слышать деловито торговавшихся людей, чтобы не видеть тоскливые глаза андроидов, выставленных на продажу, обреченных отчетливо понимать, что им нет прежнего места в этом умирающем мире, мире,

пожелавшем забыть, что андроид наполовину живое существо, существо разумное, лишь зашоренное всевозможными запретами и табу, заложенными в него человеком...

Все эти возмущенные мысли роились в моем собственном мозгу еще долго, заставляя меня торопить с отбывтием погрузчиков, таможенников и ругаться. Уже отлетая со своим Собеседником от таможни Вога, я немного остыл и, повернувшись к андроиду, спросил, все так же пользуясь переводчиком:

— Как звать тебя, мой друг Собеседник? Есть же у тебя какое-нибудь имя, кроме названия модели?

— Селика, — ответил он и добавил: — Ли меня звала моя прежняя хозяйка.

Тут до меня стало медленно доходить, что и голос, и очертания фигуры Собеседника были поразительно милы и очаровательны.

— Так ты... девица, стало быть? — наконец сообщил я. — Черт! Хотя...

— Девица, — ответила Ли, грустно улыбнувшись. — Но это легко изменить, и я смогу обратиться к противоположному полушарию мозга или к обоим.

Я надолго замолчал. Искоса разглядывая Собеседницу, отмечал с удивлением, что та не изъявляет желаний «поболтать», чего я больше всего испугался, когда узнал, что она женщина, и чем дальше размышлял, то приходил к выводу, что маме моей все-таки нужна собеседница. Дочерей у нее нет, а сына непутевого носит по всей галактике вот уже несколько лет подряд. А если она не понравится маме? Может быть и такое. Но, во всяком случае, на металлом Селику уже никто не отправит...

* * *

Стоя у окна в кухне, держа кружку с остывшим давно чаем, я смотрел на дорожку перед нашим

домом, усыпанную листвой, истертой ногами в пыль. Мокрые деревья шумели голыми кронами, и дождь сыпал мелко-мелко, а то принимался барабанить в окно, попадая в форточку, на меня, в чай...

А я не мог надыхаться этим горьковатым, холодным воздухом и в который раз решал для себя, что улетаю с Земли в последний раз.

Прошел ровно год с того дня, как я привез Собеседника к нам домой. Мама долго ахала и жалела Селику, о многом расспрашивала ее, а потом связала ей тапочки с балаболками, чтобы той было уютнее у нас дома, и сказала мне, чтобы я даже не думал увозить Селику от нее. Тогда я очень переживал, как это в сущности чуждое нам существо поведет себя, о чем они будут говорить, ведь наши миры такие разные...

Слышно было, как отворилась дверь в прихожей и вошли мама и Ли. Пахнуло сыростью, прелой листвой.

— Дождь теперь зарядил на весь день, пузыри на лужах, — проговорила ворчливо мама, встряхнула зонт и поставила сушиться на пол.

— Да, хотя, говорят, приметы теперь совсем не сходятся, — ответила Селика.

— Это правильно вы заметили, Селика, — подхватила мама, — но тучами все затянуло, вряд ли сегодня будет солнце...

— Знаете, а я очень люблю вашу осень, — говорила Селика, шурша плащом, вешая его на плечики, словно она всю жизнь это делала, — давайте пить чай, я сейчас поставлю чайник...

Я слушал их разговор и думал о тех людях, которые создали этого андроида. Сколько любви и внимания к своим близким вложено в него... А я притащил маме Собеседника вместо себя... **УС**

Молитва

Умирать не хочется. Но если умирать на войне, то красиво. Чтобы родные скорбели и гордились. Чтобы написали в газете и показали по TV. Чтобы старый ребе Ицхак Гойхман рассказывал ребятишкам и ставил в пример. И чтобы в Кармиеле, маленьком северном городке, ставшем почти своим, назвали улицу или хотя бы повесили мемориальную доску с темными ивритскими буквами.

Двенадцать бойцов ЦАХАЛ, Армии обороны Израиля, не думали о смерти. Они уже вообще ни о чем не могли думать. Трехчасовая гонка по пустыне с двумя ранеными на руках dokonает самого выносливого.

Все мысли сосредоточены на одном: вынуть из песка ставший свинцовым ботинок, сделать шаг, выта-

Анатолий Матвиенко

Родился в 1961 году в Минске, где проживает и поныне. Юрист, кандидат наук, служил в МВД следователем, потом — преподавателем вуза. Участвовал в боевых операциях по усмирению армяно-азербайджанского конфликта в 1989–1990 гг. Занимался бизнесом, но с 2000-х годов работал по найму в IT-фирме. В 2011 году получил проблему с позвоночником, слег на полгода, отчего начал писать. Первый роман «Инкубатор для вундерваффе» вышел в 2012 году, осенью — его продолжение «Восточный квест». Любимым собственным произведением считает роман «Аэропланы над Мукденом» (ИДЛ, февраль 2013). В издательстве ЭКСМО выходят две серии автора — «Тайная Москва» и «Наше оружие».

щитить второй ботинок, сделать еще шаг и не упасть... «Галил» с запасными магазинами, пара гранат и фляжка с остатками воды весили тонну, и, если бы не хриплые окрики самаля-сержанта Иосифа Шапиро, двое самых слабых уже, наверно, оставили бы оружие на последнем привале. Все равно против роты арабов они бы уже ничего не смогли сделать.

Утешало лишь то, что преследователи были в столь же трудном положении. Почему за остатками сводного отряда отрядили пешую погоню, можно было только догадываться. Неуклюжие русские джипы и полноприводные грузовики прекрасно показали себя в пустыне. Видно, не ждали, что погоня затянется.

Пару раз в стороне мелькнули вертолеты. Но у них, вероятно, были более важные дела.

В прозрачной тени невысокой глыбы песчаника сержант скомандовал привал. Он знал, что погоня также остановилась. Настало время намаза. Аср — третья обязательная молитва, предзакатная. Правовверные мусульмане в это время падали на колени лицом к Мекке и истово отбивали поклоны. Даже война не помеха. Более того, в армии эти ритуалы многие соблюдали более тщательно, чем на гражданке. Офисные работники, гиды в туристических фирмах, продавцы в международном аэропорту, они уже не столь придерживались обычаев, как их предки, и очень вольно для себя толковали Коран. Естественно, не горели желанием лезть под пули.

В войсках все иначе. Намаз соблюдается с армейской тщательностью. Мулла постоянно внушает солдатам, что священный джихад против ненавистных евреев — святой долг мусульман. Что всем простятся грехи, что участники джихада, особенно павшие на поле боя, непременно попадут в рай к гуриям и прочим удовольствиям.

Пока загонщики хриплым шепотом славили Аллаха, евреи лежали молча, вповалку. Впрочем, еврейми их можно было назвать не всех.

Максим Вольнин, светловолосый изможденный юноша с пятнистым лицом, на котором пыль запылила солнечные ожоги, не принадлежал к богоизбранной нации. Сестра его отца вышла замуж за еврея и уехала на «историческую родину». Пришел вызов о воссоединении семьи. Полгода мучительных собеседований в органах, после чего Максима выгнали из института, родителей уволили с работы, конфисковали квартиру, и Вольнины обнаружили себя на раскаленном бетоне израильского аэропорта.

Несмотря на то что тетя Ира устроилась относительно неплохо, первые месяцы прошли скверно. Жизнь в Эрец Исраел по программе Алии, возвращения евреев на историческую родину, была далека от выдуманного в Советском Союзе капиталистического рая. Кибуц, работа, бесконечные уроки иврита, изучение религии, истории и культуры Израиля слились в какую-то неразличимую череду.

И все же Макс начал привыкать к этой жизни, так не похожей на «совок». Он не чувствовал себя евреем, но и не испытывал особой дискриминации из-за этого. Он быстро понял, что для уроженцев этой страны все приезжие, даже чистокровные Рабиновичи, были особями второго сорта по сравнению с коренными. А для арабов он был ровно такой же еврей, как и обрезанные иудеи, о чем ему подробно рассказал парамедик «скорой», бинтуя ему голову после встречи с мусульманами.

Когда семья Вольниных почувствовала себя обжившейся, Максим был призван в армию. Не то чтобы он не знал о такой возможности, но все равно обнаружил себя в панике. Представление об обязательной военной службе у него осталось с Союза, со всеми прелестями дедовщины, показухи и прочего совкового дебилизма. Тем более, что в ЦАХАЛ нужно было служить три года, не два, как в сухопутных войсках СССР. Младшей сестре придется служить два года, когда вырастет.

В израильской армии не было дедушек, а в казарме культурнее и уютнее, чем в пионерлагерях Максимова детства. Кошерная пища гораздо вкуснее осточертевшей лагерной перловки, сечки и манки. Но началась война. Чужая, ненужная Максиму война.

Общаясь преимущественно с евреями, он научился относиться к арабам плохо. Но в глубине души ему было все равно. Он не ощущал своего родства с этой

землей, ему не было никакого дела до тысячелетних разборок между двумя ветвями Аврамовых наследников. Он просто приехал, чтобы спокойно жить и работать, а не уезжать по распределению в заветный Урюпинск, отработывая инженером на захолустном заводе за сто десять рублей минус налоги, комсомольские и профсоюзные взносы, постепенно спиваясь и проживая жизнь впустую.

Ну вот, вместо дождливого Мухосранска вездесущий серо-рыжий песок, раскаленный автомат, вонючий камуфляж с выступившими пятнами соли, мерзкие насекомые, бескомпромиссные арабы на расстоянии выстрела и солнце, солнце, солнце...

— Подъем, — скомандовал Шапиро. Во время короткого привала сержант был единственным, кто не расслабился полностью и тревожно поглядывал в сторону, откуда должна была появиться погоня.

— Прости, я не смогу, — ответил молодой тарашефрейтор Шмулик. — Я не чувствую ноги.

Во время последнего боя он получил осколок в ногу, рана кровила, икра распухла. Последние километры пять Шмулика тащили попеременно под руки, сержант нес его винтовку.

Шапиро посмотрел на него долгим взглядом. Трудно было понять, что выражало обветренное угрюмое лицо сержанта. Теоретически, Шмулик мог дожидаться арабов и сдаться им в плен. Но все слишком хорошо знали, что это такое. В лучшем случае арабы застрелили бы его на месте, чем задерживать погоню из-за пленного. В худшем... Шапиро предпочитал об этом не думать. Он молча протянул бойцу М-16 с двумя короткими магазинами.

— Мазаль тов. Удачи.

Шмулик осторожно переложил раненую ногу, пристроил карабин на камне и махнул рукой. Прощались молча и быстро.

Тараш выпил остатки воды из фляжки. Экономить уже не было нужно. Он поправил на крючкова-том носу очки с толстыми стеклами, дослал патрон и удобно прижал приклад к плечу. Ствол винтовки смотрел в сторону цепочки следов на обожженной земле, по которой преследователи уверенно догоняли израильтян.

Скоро послышались щелчки М-16, потонувшие в очередях «Калашниковых», рванула граната, и все стихло. Шапиро посмотрел на часы. Прошло всего 24 минуты. Пусть они потратят еще несколько минут на своих раненых, все равно фора составляет менее полчаса.

Дан Вайсберг, высокий угловатый рыжий парень из Бер-Шевы, мечтавший стать раввином, коротко одними губами прошептал молитву о душе ефрейтора, которая медленно подымалась к Богу над изорванным гранатой телом.

Путь стал легче. На смену песку пришла каменная пустошь. Солнце клонилось к закату и уже не обжигало. Между камней местами пробивалась убогая растительность.

Шапиро подошел к самому старому из оставшихся в его отряде бойцов, тураю Якову Шнеерсону, и жестом отозвал его в сторону. Яков перевалил на Макса Ривку, грузную чернокожую девушку, раненую в плечо и потерявшую много крови.

Когда они отошли от спотыкающихся солдат на десяток шагов, Шапиро поделился с ним своими сомнениями.

— До гарнизона еще около 5 километров. Мы не успеем туда до темноты. И арабы догонят раньше.

— Что решил, Иосиф? — спросил солдат. В ЦАХАЛ не принято строгое соблюдение строевого устава, и уж в пустыне тем более вряд ли услышишь всякие «разрешите обратиться» и «так точно».

— Скоро у них закатный намаз. Делаем засаду, потом отрываемся.

Яков кивнул. Он понимал, что, нападая на мусульман во время магриба, они подписывают себе особо зверский приговор. Здесь уже нельзя рассчитывать хоть на какое-то снисхождение.

Но, по большому счету, они уже все покойники. Где-то идет большая война, сшибаются танки и самолеты, санитары вывозят раненых с поля боя. И, пока не кончится эта заваруха, скоротечная как все арабо-израильские войны, никто не вспомнит про горстку солдат, что выполнили свою боевую задачу и теперь пытались унести ноги, без техники, связи и воды.

Максим, падая от усталости, буквально вкатился в длинную ложину, с трудом удерживая на ногах темнокожую солдатку. Сержант скомандовал остановку, а сам залез на невысокий холм с россыпью камней. Посмотрел на часы, на солнце. Затем спустился к своей маленькой армии.

Рядовые, повалившись там, где их застигла команда «стой», лежали и судорожно глотали воздух. Ривка, крупная темная девушка из Эфиопии, поправляла пропитавшуюся кровью повязку на левом плече. Ей неумело помогала Ольга, землячка Максима. Все воинство имело изможденный и весьма небоеспособный вид.

Сержант Шапиро был единственным профессиональным военным среди этой сугубо штатской толпы. Для него это уже была вторая война, не считая бесчисленных стычек с ХАМАС. После схватки с арабами в живых из ветеранов остался он один и пытался вывести к своим группу нонкомбатантов, по недоразумению носящих армейскую форму. Видно, не судьба.

— Всем внимание, — сказал сержант. — До темноты мы от них не оторвемся. Через 20 минут у них ве-

черний намаз, арабы как раз подойдут к этой ложбине. Разбиваемся на две группы, Яков командует второй. Занимаем позицию у тех валунов. Не высываемся. Без команды после первого «Яллаа» бросаем по две гранаты. После взрывов гранат обстреливаем, не более пяти секунд. Затем, пока стоит пыль от взрывов, бежим 600 метров прямо, там характерный холм с раздвоенной верхушкой. Вопросы? Вайсберг, что с тобой?

Рыжий верзила перекатился на колени и уткнулся головой в землю. Его тело сотрясали мощные толчки, было непонятно, он рыдает или блюет. Затем он поднял грязное и перекошенное лицо, его налитые ненавистью глаза уперлись в сержанта, будто он был здесь главным врагом и виновником их несчастий.

— Я не хочу умирать! Слышишь, я не хочу умирать... Арабы нас порвут, достанут из-под земли и опять порвут.

Вайсберг еще что-то орал, колотил кулаками по земле. Его воспаленные глаза были сухими, без единой слезинки, всю влагу высушило солнце. К грязной двухдневной щетине присохла слюна.

Максим с удивлением смотрел на Шапиро. Нарушение субординации, замызганный внешний вид — все это не было исключением в израильской армии. Но отказаться от выполнения приказа в боевой обстановке — просто не укладывалось в голове. Особенно поражало, что бунт исходил от самого идейного из новобранцев, ортодокса и непримиримого борца с гоями. Сержант имел полное юридическое и моральное право пристрелить паникера, он был просто обязан что-то сделать, чтобы не развалились остатки дисциплины. Но он не сделал ничего.

— Так. Идут только добровольцы. С тобой, мразь, поговорю потом... — Шапиро подошел к бойцу вплотную, так что дрожащее лицо Вайсберга почти

уперлось в пыльные берцы сержанта, — бери Ривку и жди нас за раздвоенным холмом.

Закат в пустыне потрясающе красив, но сейчас не до созерцания. Максим выбрал себе удачное место. Спереди и с боков его окружали глыбы из песчаника. С такими огневыми позициями они могли удержаться надолго. Если бы не вдеватором против сотни.

Несмотря на близость опасности, тело расслабилось. Макс отщелкнул магазин, посмотрел на блестящие патроны и вновь присоединил его к автомату. Максу повезло. Его «Галил» был израильской версией АКМ.

В западном политкорректном мире считалось важным, что левши ни в чем не должны чувствовать себя ущемленными. Поэтому не человек приспособлялся к оружию, а оружие подгоняли под политкорректность, предохранитель был доступен для обеих рук, рукоятка взведения торчала не справа, а вверх. Удерживать прицел поверх мечущейся рукоятки было невозможно, да еще ствол уводило. Так что стрелять лучше было одиночным огнем или короткими очередями по 2–3 выстрела.

Зато «Галил» по-калашниковски безотказен в пыли. Американская М-16 точнее, из нее Шапиро с пятисот шагов попадает в ростовую фигуру. Вот только от грязи автомата, возможно, откажет после нескольких выстрелов, и затвор придется передергивать вручную, либо карабин замолчит насовсем. По-хорошему, винтовку бы почистить, но разбирать ее на земле на мелкие детали за 20 минут до появления арабов не додумается никакой неудачник-шлимазл.

На войне многие, особенно эмигранты из-за железного занавеса, пытались вооружиться трофейными арабскими АК-47 или АКМ. Но потом их отбира-

ли, регулярная армия должна быть только со штатным оружием.

Мысли вяло поворачивались в голове. Руки машинально поглаживали облупленный стальной приклад. «Н-да — в очередной раз думал Максим. — Я же не еврей». Чужой автомат, чужая страна, чужая война за чужие интересы. И вот только смерть будет лично своя, собственная. Почему-то факт, что он в израильской форме и стрелял в арабов, не казался ему столь уж уважительной причиной, из-за которой арабы пытались его убить.

Сержант идеально рассчитал время засады. Опустели сумерки. Топот десятков ног, бряцанье металла, и Макс замер, всем телом вжавшись в песчаник.

Впрочем, арабы лишь бегло осмотрели лощину. Даже засада ефрейтора Шмулика их ничему не научила. Они чувствовали себя охотниками, загонщиками, а не дичью. Вдобавок усталость притупила бдительность. Поэтому никого не обнаружив, расположились для вечернего ритуала, и при первых звуках молитвы в них полетели гранаты.

Макс приподнялся над песчаником и практически наугад выпустил рожок одной очередью. Вокруг хлопнули М-16, и со стороны врага тоже началась частая беспорядочная стрельба.

Собрав остатки сил, накопившихся за двадцатиминутную передышку, он побежал к указанному сержантом холму, на ходу меняя магазин. Рядом тяжело топтался Яков, сзади догоняли другие. Вокруг противно цвикали пули, на земле вспухали злоеющие фонтанчики песка.

На холме подняли Вайсберга, подхватили Ривку и понеслись дальше. Шапиро, обернувшись на ходу, выстрелил назад, получил свое и, разинув рот в беззвучном крике, повалился на камни.

Спуск кончился, начался подъем на следующий холм, беглецы невольно замедлили ход. Фонтанчики земли ложились все ближе. Следующей погибла Ольга. Пуля от чего-то более мощного, чем АК-47, наверно из пулемета Калашникова, пробила ей грудь на вылет, она всхлипнула, упала и замерла.

Ей никто не пришел на помощь. Оставшиеся в живых последним рывком достигли нескольких глыб на вершине следующего холма и без сил повалились ничком.

Дальше минимум на километр расстилалась местность, ровная, как стол, бежать было бессмысленно. Яков дышал с хрипами. На последних метрах его таки достало, из угла рта протянулась тонкая красная струйка, а при выдохе была видна розовая пена.

— Это будет наша Моссада, — проскрипел Яков. Но, в отличие от легендарной еврейской крепости, здесь залегло всего пять человек: русский, эфиопка, Яков, Дан и малознакомый Макс Хаим Герцман из Нетании. Все остальные погибли.

Яков осторожно выглянул из-за валуна. У арабов могли быть снайперы, но пока никто не стрелял.

Наверно, их уже было меньше сотни, кого-то наверняка покروшили во время намаза. Но все равно очень и очень много. Арабы, не торопясь, окружали холм с безопасного расстояния. Теперь добыча не ускользнет.

— Чего они ждут? — спросил Максим, разглядывая человеческие фигурки через щели между камнями. — Нас же всего пятеро.

— Аллах их знает, — в голосе Якова сквозила грусть обреченного, но не сдавшегося человека. — Может, наконец поняли, что охота за нами — не увеселительная прогулка, не хотят больше потерь и вызвали БТРы по рации. Влепят крупнокалиберными по песчанику, и нас в ключья.

Яков не мог знать, что вечером того же дня мотопехота и бронетанковые силы арабов были разбиты, а уцелевшие экипажи сдавались в плен. Среди них выделялись подозрительно светлые лица военных советников.

На пустыню опустилась ночь. На ярком тропическом небе не было ни единого облачка, сияли мириады звезд, а когда взошел полумесяц, он казался особенно мусульманским.

Атака могла возобновиться под покровом темноты. Хотя идти ночью по каменным осypям — верный шанс подвернуть или даже сломать лодыжку. Аллах ночью не видит своих правоверных и, стало быть, не помогает. Может быть, начнут с рассветом. Максим за год жизни на Ближнем Востоке усвоил, что предсказывать поведение арабов столь же сложно, как и погоду в средней полосе России.

Яков вызвался дежурить первым. До утренней смены он мог просто истечь кровью. Несмотря на нервное напряжение, русский отрубился мгновенно и пришел в себя, только когда его растолкали.

Дан и Хаим крепко спали на острых камнях, скрючившись от холода. Ривка лежала беззвучно. У самого холма ей попало еще раз, и она не приходила в сознание. Лишь неровное дыхание в пышной негритянской груди говорило о том, что она еще жива.

Было непривычно светло. Макс только сейчас подробно рассмотрел их последнее пристанище. Ближайший к нему валун песчаника имел странный вырез в форме узкого правильного прямоугольника длиной порядка полутора метров.

— Гляди, это что, древний холодильник?

— Это гроб, — усмехнулся Яков через кровавый кашель.

Максим заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме грязи и песка.

— И где же покойник, сбежал?
— Захоронение очень древнее, — просветил Яков. — Оно уже давно открыто всем ветрам. Кости могут храниться очень долго и даже окаменевать, если не имеют контакта с атмосферой.

Он на минуту остановился и отхаркнул кровь.

— Видишь, камни расположены ровной окружностью, а в середине — гроб. Ты понимаешь, где мы? Это — захоронение какого-то древнего вождя, остатки пещеры вокруг могилы.

Яков любовно провел рукой по ноздреватому валуну с явными следами обработки. «О чем мы думаем, — сказал про себя Максим, — вокруг арабы, мы доживаем последние часы, а этот сумасшедший еврей гладит кусок старого камня, плюется кровью и улыбается».

— Это очень не простое место. Странно, ни в одном справочнике я не читал об этом кургане. Здесь явно не было раскопок. Не может быть, чтобы в таком важном захоронении вместе с воином-вождем не зарыли кучку интересных полезностей.

Пока Яков ковырялся в земле десантным тесаком, занимаясь столь уместной здесь археологией, Макс явно услышал непонятный гул, идущий как бы из-под земли и со всех сторон одновременно. Стало еще светлее.

Внезапно зашевелилась Ривка. Она привсталала, кровь на ее ложе впиталась в землю. И, ранее не блиставшая красотой, Ривка с мазками крови и грязи на серо-черном лице, заляпанными спутанными кучеряшками, смотрелась как выходец из преисподней. Ее темно-карие глаза, черные в ночном полумраке, светились каким-то феерическим фиолетовым цветом.

Она стала в полный рост, по пояс высунувшись из-за камней. Ее могла снять любая прицельная очередь, но оружие молчало.

Свечение, разгоняющее ночь, уже исходило не только от ее глаз, но и от всей объемной фигуры в мешковатом форменном камуфляже.

Холм начал мелко-мелко дрожать. Казалось, бело-фиолетовым мертвенным светом исходят камни древнего склепа. Проснулись Дан и Хаим, они с ужасом разглядывали Ривку, рефлекторно сжав автоматы.

Девушка подняла руки к небу и начала петь. Макс никогда в жизни не слышал ничего подобного. Это была напевная молитва, в которой соединились тоска об утраченном, надежда на лучшее, просьба о помощи, ненависть к врагам, жажда отмщения и еще сотни других эмоций и желаний, которые сложно описать словами.

Максим знал, что невозможно соединить ритмичный негритянский напев и еврейскую молитву, получится какофония. Ривка же соединила десятки мелодий, они звучали в унисон, невообразимо кошмарно и прекрасно. Каким-то седьмым чувством угадывалось, что молитва невероятно древняя и в то же время совершенно понятная без слов.

Завороженный пением, Яков поднялся на ноги и тихо, а потом все громче стал подпевать. Через несколько минут его тело тоже окуталось свечением, из глаз полился фиолетовый огонь.

Они стояли друг напротив друга. Белый и черная. Соломон и Царица Савская. Оба безнадежно раненные, оба прекрасные какой-то противоестественной красотой, они пели молитву смерти.

Под безбрежным небом Палестины-Израиля их невероятная песнь-молитва неслась на многие километры. Арабы вскочили из своих укрытий и с изумлением смотрели на фиолетовый свет. Никто не стрелял.

Вдруг пение резко изменило темп. В голосах Якова и Ривки как будто зазвучали ударные. Молитва уже не просто неслась над пустыней. Она звенела. Она ревела, как пламя, которое вот-вот вырвется наружу. На Максима черной волной накатила безотчетный ужас.

Ривка отвернулась от Якова, перешагнула через осыпь камней и двинулась вниз. Она ни на секунду не прекращала петь, силы в израненном теле были воистину неисчерпаемы.

Она подошла к телу Ольги, взяла перебитой, полуторванной рукой ее «Галил», проверила патроны и двинулась к арабам с двумя автоматами наизготовку. Яков взял М-16 и «Узи». Он направился в противоположную сторону.

Молитва висела под ночным небом. Казалось, сама древняя земля аккомпанирует чудовищным органом. Певцы разошлись, но звук не стал стерео, он лился отовсюду. Светились обе фигуры, валуны, гейзеры света вылетали прямо из грунта. Это было грандиозное и беспредельно кошмарное зрелище.

Подойдя к оцепеневшим арабам, они начали стрелять. Расстреляв магазины с двух рук, Ривка подхватила АК-47, а Яков — пулемет Калашникова. Избиение продолжилось.

Опомнившись, Максим тоже начал стрелять, экономно выцеливая отдельные фигурки. Уже было светло, рядом строчил Хаим.

Показавший себя трусом всего несколько часов назад, Дан выскочил из-за укрытия, пробежал сотню метров рядом с Яковым и с колена начал выпускать короткие очереди. Арабы отвечали из всего, что могли. Хаим упал навзничь, со лба потянулась тонкая темная струйка.

Прошло полминуты, может быть, минута, и на пустыню опустилась тишина. Арабы прекратили огонь.

Часть из них погибла в первые же секунды, многие просто, не разбирая дороги и ломая ноги, рванули в глубь пустыни.

Темнело. Яков вернулся на холм. Его форменная куртка была прострелена в шести местах, одна дырка зияла в горле. Яков улыбнулся Максиму. Казалось, он первый раз узнал его с того момента, как их с Ривкой охватил мистический экстаз. Он попытался что-то сказать, но тут фиолетовое свечение окончательно погасло, и Яков осел вниз.

На следующий день выживших подобрал вертолет ВВС Израиля. Другим вертолетом вывезли тела Якова, Ривки и других погибших солдат.

— Что будем говорить? — спросил Вайсберг, перекрикивая рев, когда «Хьюкобра» заходила на посадку.

— Ничего, — пожал плечами Максим. — Ты собираешься продолжать службу, если заявишь, что нам помог древний языческий бог войны?

— А про засаду? — Дан ответил вопросом на вопрос.

— Проехали, — отвернулся Макс.

Остатки арабской роты, отловленные среди холмов армейскими патрулями, ничего толком рассказать не могли. Пленные, не сговариваясь, твердили, что в ту ночь Аллах от них отвернулся.

Отслужив, Максим выплатил кредиты, полученные семьей от правительства, и уехал в США. После пережитого кошмара с бегающими мертвецами, не сравнимого даже с угрозой арабского плена, у него было одно желание — побыстрее и навсегда оставить страну чудес, даже если это чудо ненароком помогло.

Ночной бой вошел в дежурный список легенд армии обороны Израиля как пример беспримерного героизма и мужества еврейских воинов и т.д. и т.п.

А Дан Вайсберг так и не стал раввином. **✠**

Андрей Бочаров

Родился 5 августа 1953 года в г. Москве. Высшее физико-техническое образование. Кандидат технических наук. Много лет проработал в Институте космических исследований АН СССР, затем ушел в сферу IT. Научные интересы — распространение волн в случайно-неоднородных средах, методы обработки сигналов и изображений. Более-менее регулярно стал писать фантастические рассказы только с 2010 года, но уже успел стать победителем и призером ряда известных конкурсов научно-фантастического рассказа. Многие написанные рассказы уже опубликованы в журналах или сборниках фантастики.

Чтец третьего листа

Светлана Колесник

Девичья фамилия — Сологуб. Родилась и проживает в Одессе. Окончила в 2003 году Одесский Национальный Политехнический Университет, специальность — программист. Замужем за одесситом. Мама замечательной первоклассницы. Попытки литературного творчества проявлялись в юном возрасте, но писать всерьез и фантастику начала в 2009 году. Первый рассказ Светланы сразу же занял второе место на одном из сетевых конкурсов, что вдохновило на продолжение творческой деятельности. Ныне уже есть победы на самых серьезных конкурсах и публикации в сборниках.

За одно погружение «прочесть» небольшой рассказ могут многие. Рассказ на один лист — только лучшие. Всего один авторский лист. Сорок тысяч знаков с пробелами — казалось бы, не так и много. Но это очень непросто, поверьте. Ведь «прочесть» — значит, по существу, прожить. Есть несколько избранных — чтцов второго листа — которым под силу рассказ на два авторских листа. А это маленькая повесть. Но их очень мало, поскольку в какой-то момент разум уже отказывает тебе и ты начинаешь терять контроль. Тогда можно и не «вынырнуть» из рассказа, такие случаи бывали. Человек теряет рассудок, смешивая иллюзорный мир с реальным.

Упорно ходят слухи, что существует чтец третьего листа. Но это — миф. Досужие сплетни и домыслы. «Прочесть» рассказ такого объема — не по силам никому. И потом — у вас все равно нет таких денег, чтобы ему заплатить. Ведь «прочесть» рассказ на три авторских листа не удавалось еще никому. Ну, если не считать меня...

Любой технологический прорыв в сфере индустрии развлечений всегда встречается на «ура». Счет потенциальных потребителей — на миллиарды, акции компаний-производителей — как на дрожжах, очереди за новыми гаджетами — на километры.

И только потом обнаруживаются совершенно неожиданные побочные эффекты.

Как всегда, сначала все шло очень медленно, но уж затем как побежало... Первая энцефалограмма человеческого мозга была получена еще в 1928 году австрийским психиатром Гансом Бергером. Но лишь ровно через восемьдесят лет в свободной продаже появился нейрошлем Emotiv EPOC. По сути дела, усовершенствован-

ный электроэнцефаллограф — гарнитура с комплектом электродов, которые регистрируют мозговые волны и передают их на компьютер по беспроводному каналу. Вполне работоспособный нейрокомпьютерный интерфейс, попросту говоря — устройство для чтения мыслей. Сфера применения — лишь пара-тройка компьютерных игрушек, после небольшой тренировки можно управлять персонажем с помощью эмоций и выражения лица.

Словом, пока в воздухе не запахло большими деньгами, нейрошлем оставался забавной игрушкой. Хотя цена была — всего-то 300 долларов. Ну приспособили его для управления скейтом. Нашли ряд применений для инвалидов...

Но когда в 2015 году все та же компания Emotiv Systems неожиданно выкинула на рынок Emotiv ReTrans — нейрошлем «наоборот» — тут проснулись все гиганты медиаиндустрии. Что такое нейрошлем «наоборот»? Да вы прекрасно это знаете. Устройство для транслирования непосредственно в мозг записанных ранее биотоков. Еще точнее — сверхнизкочастотного излучения мозга. Хотя зачем нам такие подробности?

Надеваешь на себя Emotiv ReTrans и погружаешься в картины и ощущения, созданные чужим воображением...

Ну и что тут началось? Все глобальные медийные компании бросились вкладывать огромные деньги в развитие двухсторонних нейрокомпьютерных интерфейсов. Помните небывалый ажиотаж вокруг 4D-эмофильмов? Когда «зритель» полностью погружается в мир, созданный мощью творческого воображения мастера-визуализатора. Огромные очереди в 4D-кинотеатры и в магазины за флешками с эмофильмами для домашнего

просмотра. Невообразимый ранее эффект полного присутствия. Зрителям — счастье. Корпорациям — невиданные барыши.

И вдруг — громом среди ясного неба — загадочная смерть самого известного визуализатора. В лучших традициях Агаты Кристи. Закрытый на все замки загородный дом. Включенная сигнализация. Даже ни единого отпечатка следов на белоснежно нетронутым снегом. Никаких признаков насильственной смерти. Совершенно здоровый был человек.

А потом — один за одним — в своих рабочих кабинетах умирали все следователи, которые вели это дело. Пока не нашелся кто-то уж совсем умный. Выяснилось, причина всех смертей — в последнем эмофильме, созданном мастером-визуализатором. Человек просто решил уйти из жизни. На пике успеха. Почему? Кто его знает...

Он сделал короткий эмофильм, в финальной сцене которого главный герой погибает. Таранит своим штурмовиком вражеский бомбардировщик. И сумел при записи эмофильма вогнать себя в такое состояние, что воспринял вымысел как абсолютную реальность. Что уж тут говорить о следователях, которые обязательно должны были ознакомиться с одним из основных вещдоков.

За этим последовало ужесточение правил. Вместо авторских эмофильмов — только заранее одобренные рассказы. Предварительно любой текст нужно пропустить через пять инстанций. Если разрешение получено — рассказ озвучивают профессиональные актеры. Подбирается музыкальное оформление и видеоряд. В результате имеем «полуфабрикат» на нашем жаргоне. Этот материал попадает к сертифицированному Чтецу для эмоциональной «озвучки» — записи эמודорожки

к будущей нейрокниге. Потом — опять пять инстанций. И только после этого книга уходит в тираж. В лучшем случае. А в худшем — полмиллиона долларов на все согласования потрачены, а разрешение не получено.

Но недаром говорят юристы: «Закон как столб, перелезть нельзя, а вот обойти...». И черный рынок никто не отменял. Есть спрос — будет и предложение. Некоторые чтецы берутся за не прошедшие предварительную сертификацию тексты. Но тут возникает другая проблема. Чтецом может быть один человек из двадцати тысяч. Нужна гипертрофированная восприимчивость и эмоциональность. Не совсем нормальный человек, если вещи своими именами называть. По сути, чтец — эмоциональный усилитель-ретранслятор. У него все эмоции должны быть на грани перешкала. Перейдя некую черту, обратно можно и не вернуться. Поэтому чтецу необходим подсознательный внутренний контроль, чтобы почувствовать, когда текст начинает «засасывать» тебя, как трясина. И надо срочно «выныривать» в реал, иначе... Не зря в Центральной клинике психологической помощи открыли специальное отделение для бывших чтецов.

Чем больше по объему «озвученный» чтецом рассказ, тем выше его цена. Если большой рассказ «озвучивается» за несколько погружений, или «трипов», как мы называем, результат получается, ниже плинтуса. Как раньше в кинотеатрах, на самом интересном месте — «конец первой серии». Нет, так не пойдет! Читателя интересует рассказ целиком. Но ни один вмняемый чтец не будет превышать свой лимит. Ну а для невмняемых — специальное отделение в психиатрической клинике, уже говорил. Чтецов всего лишь первого листа — несколько на сотню тысяч. Чтецов вто-

рого листа — один на миллион. А чтецов третьего листа вообще не существует. Ну, если не считать меня...

Да, я и есть тот самый мифический «Чтец третьего листа». Уникальный, единственный. Дело, наверное, в генах. Мама была очень известной актрисой. Отсюда — повышенная эмоциональность. Отец — летчик-испытатель. Отсюда — умение сохранять контроль в безвыходных ситуациях.

Мой контакт в скайпе известен очень узкому кругу лиц. Лишняя слава мне ни к чему. А вот лишние деньги? Да тоже уже ни к чему. Но теперь это — моя жизнь, другой не дано. Почему? Долгая история, и не хочется вспоминать. Когда-то была Ирина, любимая научная работа. А потом Ирина исчезла из жизни — и все стало фиолетово. Сползал все ниже и ниже на дно, пока случайно не выяснилось, что у меня есть талант Чтеца. В закрытой для посторонних лаборатории всемирно известной корпорации... ну да, Медиасоник, но я вам этого не говорил... выяснилось, что спокойно могу «погрузиться» в рассказ на один лист... Потом — подряд несколько «погружений» в рассказы на два листа. И тут самому стало невтерпёж узнать — а на что я способен? Взяли с меня десяток подписок, что в здравом уме, трезвой памяти и совершенно добровольно сам решился. Когда «прочел» рассказ на три листа, по субъективным ощущениям приличный запас у меня еще был. Однако, как говорится: «Не искушай Господа Бога твоего»... ну или «Жадность фраера сгубила» — можете выбрать тот вариант, который вам больше нравится. Рассказ на три листа — возьму, больше — ни за что.

Того азарта и блеска в глазах, которые были раньше, уже давно нет. Часто ловлю себя на том,

что стараюсь найти любую причину, чтобы отказать от очередного заказа. Но клиент обещал заплатить цену трех листов всего за два. Трудно отказать от такого предложения.

— Я представляю крупное издательство. Для удобства можете обращаться ко мне — господин Элефант, — сообщил спокойный мужской голос по скайпу. Анонимный поздний звонок. Черный квадрат вместо фотографии. Что ж, моим клиентам всегда есть что скрывать, иногда их запросы лежат за гранью приличия. Хотя заказы такого рода никогда не принимаю.

— Всего два листа, но оплата — из расчета трех. Знаю, что сейчас вы редко берете заказы, но предложение заманчивое, согласны?

Так, говоришь, — Элефант? Такой милый розовый слоник, да? Беру небольшую паузу. Надо подумать, куда господин Элефант уже успел просунуть свой длинный хобот, чтобы раздобыть информацию обо мне. Пока концы с концами не очень сходятся.

— Итак, этот заказ — новое произведение молодого, подающего надежды автора, наше издательство интересуется перспективой для больших тиражей. Кроме того, хотим понять — подойдете ли вы нам для сотрудничества на постоянной основе. Флеш-ридер с «полуфабрикатом» вы можете получить в абонентской ячейке номер 708, Центральный банк Федерации. Там же находится кредитная карта с авансом. Как только эмоозвучка будет готова — свяжитесь с нами.

Флеш-ридер с текстом рассказа и мультимедийным «полуфабрикатом» — в слот компьютера. Легкая конструкция из набора нейродатчиков для записи биотоков — на голову. Поверх — профессиональный шлем виртуальной реальности

для воспроизведения мультимедийного содержания с ридера. И вот ты один на один с чем-то новым, неизведанным — в очередной раз испытываешь силу воображения, да и самого себя на прочность. «Трип на трип не приходится» — есть у нас, чтецов, такая присказка. Славный розовый словарь — господин Элефант — дал мне возможность первым «погрузиться» в мир молодого, подающего надежды автора. Что же, особая привилегия чтецов — быть первопроходцами в новых мирах. Сколько лет прошло, но до сих пор слегка дух захватывает. Перед тем как поставить мультимедийный «полуфабрикат» на воспроизведение, а сигнал с нейродатчиков — на запись, всегда говорю себе: «Поехали!».

Хотя — стоп!!! Непростительная ошибка для профессионала высшего класса. Доверяй, но проверяй. Пробежаться глазами по тексту рассказа мне лениво, но количество знаков надо проверить обязательно. Смотрим: «Файл — Свойства — Статистика» — 80245 знаков с пробелами. Можно считать — ровно два авторских листа. Клиент меня не обманул, все в порядке. А вот теперь... Поехали!!!

Поймать Чупакабру...

Охота.

Виден четкий след. Думаю, через полчаса увижу Ее. Чем Она на этот раз? Острые шипы дикобраза или игривый лисий хвост? В каком образе Чупакабры явится мне сейчас?

Первый лист подходит к концу. Но что будет дальше? Как представить то неизвестно что? Сложно это. Вот и пошаливает воображение.

Мысли медленно, нехотя ворочаются в голове. До сих пор я шел по следу в хорошем темпе,

ни разу не оступился на скользком мхе, уверенно обходил капканы и ямы-ловушки, расставленные охотниками в лесу. Но только сейчас опомнился, что полностью не контролировал себя. Жил только инстинктами. А ведь подсознательный контроль при «погружении» чтецу совершенно необходим.

Огибая низины, взбираясь на холмы, внутренне не прекращал счет. Раз, два — и я найду тебя. Три, четыре — держи карман шире. Пять, шесть — дашь себя съесть. Семь, восемь — давай у ветра спросим... Надоедливая считалочка. Молодой, подающий надежды автор оказался садистом. Впрочем, у меня нет никакой уверенности, что дело тут в авторе, возможно, и в самом ридере. Но пока это только догадки, неясные намеки, за которые никак не получается зацепиться. Кто-то или что-то подавляет мысли, оставляя лишь одно непреодолимое желание — неотступно преследовать Ее.

Обоняние предельно обострено. В который раз поймал себя на мысли, что иду не столько по следу, сколько на запах. Схожие чувства, вероятно, у охотничьего сеттера, выискивающего на болотах подстреленную хозяином утку. Как пахнет подраненная утка? Не знаю. Зато мне точно известно, как пахнет сейчас Чупакабра. Приторно сладкий аромат гиацинтов. Дурмящий и обволакивающий, от которого теряешь способность мыслить — лишь преследовать, нагонять и изнывать в предвкушении встречи. Духи с похожим ароматом, только более тонким, любила Ирина. Странно, как это мне сразу в голову не пришло. У Чупакабры — запах Ирины! Этот аромат кружил мне голову, когда Ира приходила по выходным. В будни она не могла — ночные эфиры, да и я весь день на кафедре пропадаю. Наши бессонные страстные ночи

тонули в этом маняще-дурманящем облаке. Когда она уходила, я закрывал окна, чтобы аромат сохранился в квартире как можно дольше. А потом, одинокими ночами... ночами без нее, прижимался лицом к подушкам, одеялу, простыням, вдыхая дурман этого запаха, словно наркоман. Но все безвозвратно кануло в прошлое. Как же мучительно больно, что вернуть этого нельзя! И зачем снова вспомнил об этом?

В раздумьях я упустил Ее. Чупакабру. Почти болезненное ощущение досады — «сорвалась рыбка с крючка». Вскоре подул ветерок и принес прохладу. Манящий, сладостный и такой любимый запах исчез — на душе стало тоскливо. Прибавив ходу в отчаянной надежде снова выйти на Ее след, я спрыгнул с валуна и оказался чуть ли не с головой в воде. Холодное течение быстро подхватило меня и понесло. Помню, что в таких случаях нужно не бороться с рекой, а следовать ее воле, слегка корректируя направление движения. Активные действия отнимают много сил, а их-то как раз следует поберечь. Запаха Чупакабры я больше не чувствовал, но подсознание подсказывало, что цель где-то рядом. Еще чуть-чуть, и настигну ее.

Я расслабленно плыл по течению «звездой» — на спине, раскинув руки и ноги, — и пытался предугадать, что же придумал молодой и перспективный автор дальше. И все-таки как он умело манипулирует моими эмоциями, вытягивая все соки из воспоминаний! Садист, что тут скажешь. Не думаю, что он запланировал убить главного героя. Трагедии, катастрофы или произведения со смертельным исходом не пользуются популярностью у клиентов. Такие погружения или «трипы» заказывают любители острых ощущений. Жили-были, умерли-шмумерли. Что здесь интересного? Про-

чувствовать смерть понарошку? Милости прошу. Только ведь ни в одной книге не написано, что нас ждет там — за границей жизни. Потусторонний мир — вымысел авторов и не более. Фантастика с элементами хоррора. А посетить его по-настоящему суждено всем в свое время. У всего есть начало и конец. Точка, поставленная в финале, ничем не отличается от точки, из которой берет начало твоя жизнь. Куда мучительнее вечные терзания души, не находящей покоя...

Над головой проплывают белые облака. Мимолетная мысль — если посмотреть с высоты птичьего полета, то я плыву по серой глади реки, словно в призрачной лодке. Вспоминаю, как Ирина любила играть в одну игру — «Угадай кто-что?». На что похожи кроны деревьев, кого напоминает вон та тучка, чей профиль можно увидеть в этом камне? Ей в голову мгновенно приходили самые неожиданные образы. У меня, бывало, уже отказывало воображение, а она... Водопад. Уйдя как в омут с головой в воспоминания, совсем не обратил внимания на нарастающий шум. Сердце предательски екает, но поздно — я лечу вниз. В ушах звенит шум, водяная пелена застилает глаза.

Выныриваю... Судорожно хватаю ртом воздух. Из последних сил стараюсь работать руками и ногами, чтобы удержаться на плаву в бурном потоке. Плыву захлебываясь, почти наугад, но наконец чувствую ногами твердое, каменистое дно. С трудом, на четвереньках, выползаю из воды, поднимаю голову. И тут — словно удар молнии! На берегу сидит Она...

Не Чупакабра. Ирина! Но этого не может быть... Дурманящий аромат гиацинтов стелется над мокрым песком. Она встает, делает шаг навстречу. Мраморно-белая кожа, бесцветные губы.

Ирина протягивает ко мне руки. Нежные, изящные пальчики, такие ласковые, такие знакомые... Раз, два — и я найду тебя. Три, четыре — держи карман шире. Пять, шесть — дашь себя съесть. Семь, восемь — давай у ветра спросим...

Нет, тут что-то не так. Где-то в глубине подсознания чувствую, что такого в рассказе не может быть, не должно быть. Откуда неизвестный автор может знать про меня и Ирину? Что же там сейчас за слова? Пытаюсь поймать обрывки каких-то крайне важных сейчас мыслей. Новая волна запаха, будто кокон, окутывает меня всего. Я полностью растворяюсь в аромате нежности, желания, страсти... Изящные, нежные пальчики Ирины. Я прикасаюсь к ним губами, пытаюсь согреть дыханием. Слабый отзвук спора, где-то глубоко внутри меня:

- Она мертва...
- Она здесь, я нашел ее!
- Ее нет...
- Вот ее руки, глаза, волосы, губы.
- Это неправда, сон...
- Нет — именно сейчас ты живешь в настоящем!

Прижимаю Ирину к себе, она чуть вздрагивает, будто мои объятия причиняют телесную боль.

— Не бойся, это я, — шепчу на ухо. В блаженном экстазе не чувствую, как две острые иглы впииваются в шею. Горячие потоки крови приносят ни с чем несравнимое наслаждение ...

* * *

Где я? Пустота, темнота, тишина... Я — в реальности или еще в рассказе? Эта пауза — словно ты в безвременье — авторская задумка или у меня кончаются силы? Нет никаких ориентиров —

ни огней, ни звуков. Наедине с собой в невыразимой пустоте. Наверное, это и есть мой истинный внутренний мир — пустота.

Вдруг в непроглядной темноте возникает маленькая белая точка, затем еще одна, и еще... Они очень далеко, но каким-то невообразимым способом приближаюсь к ним, не делая ни шага. Пытаюсь вспомнить, что же было до этого? Охота. Безумная, изнуряющая погоня за неуловимым зверем — Чупакаброй. Страсть, боль, желание, кровь. Но откуда там появилась Ирина? Кто и как мог узнать мои самые сокровенные и несбыточные мечты? Что-то не так с этим рассказом. Может быть — отключиться? Малодушно и стыдно, но пусть. У каждого чтеца есть экстренная словесная команда, прерывающая «трип». Только она срабатывает, пока ты не перешел грань допустимого. Для меня это три листа. Время еще есть. Заветные слова вертятся на языке, но азарт не отпускает — а что там дальше? Куда выведет дорожка на этот раз? По моим прикидкам — это середина второго листа, значит, запас у меня есть.

Белые точки все ближе, они похожи на рой ворчливых мух... Одна касается моей щеки и тут же тает. Снег...

Поймать Чупакабру...

Путь.

Пурга, вьюга, метель... Нет, нельзя подобрать нужных слов для этого белого бушующего кошмара. Ветер швыряет в лицо жесткий снег щедрыми пригоршнями, и от ледяных пощечин неприкрытые щеки горят нестерпимо. Кажется, что снежный наждак сдирает кожу с лица.

Бреду наощупь, наугад. Иногда даже не столько иду, сколько прорываюсь сквозь снежное безумие,

как крот. Самое страшное — не вижу, куда иду. И нельзя сказать, что сбился с пути. Ведь нельзя сбиться с того пути, которого нет. С дороги, ведущей в никуда.

Путь до Чупакабры неведом никому. Люди уходили на ее поиски, но назад никто не возвращался. Так почему многие считают, что она существует? Эта несбыточная, манящая Чупакабра. Место из легенд, где исполняются все желания. Хотя у меня нет даже и нескольких желаний. Только одно.

— Долго ли мне идти до Чупакабры? — спросил у шамана.

— Идти тебе дня два... — ответил он, — ты здесь чужак, чукча шел бы дольше.

— Неужели я могу дойти до Чупакабры быстрее, чем чукча?

— Ты здесь чужак — быстро погибнешь в пути. Больше двух дней тебе не продержаться. А чукча бы шел дольше.

— А вообще кому-то дано дойти до Чупакабры, и откуда ты знаешь о ней?

— Я все знаю о ней. Духи предков рассказали. Но они говорят, что до Чупакабры может дойти лишь тот, кого она сама выберет.

— А как понять — выберет она меня или нет?

Шаман усмехнулся: «Ты сразу сам поймешь, как только минувешь первый перевал».

Он был прав. Я понял сразу. Когда спустился с перевала, меня сбил с ног неистовый порыв снежного шквала. Буран возник из ничего... за долю секунды. Только что я шел при полном безветрии, тишина, лишь легкое похрустывание снега под лыжами. Безоблачное небо, солнце, перламутровый блеск снежного наста.

И сразу, резко — кошмар, безумство стихии. Ослепленный, оглушенный, сбитый с ног, поте-

рванный рюкзак и лыжи в один момент. И хотя я знал — на что иду и чем рискую, мне стало страшно. А вдруг не справлюсь? Не смогу идти дальше, замерзну, и никто меня не найдет. Но потом страх исчез так же внезапно, как и появился. Даже не могу сказать, что смог взять себя в руки. Просто вспомнил, что нельзя потерять то, чего давно нет. Собственную жизнь.

Моя жизнь закончилась, когда из нее ушла Ирина. Успешная карьера ученого, правительственные гранты, уникальные исследования — все развивалось по восходящей. Ирина была частью этой жизни, но не более того... как мне тогда казалось. И вдруг незаметно она исчезла. Не пришла, не позвонила, не ответила — просто пропала. Причем понял я это не сразу — настолько привык, что она со мной. Она — моя. Но мы — свободные взрослые люди. Не смог понять, кретин, что мое утекает сквозь раскрытые пальцы. Какое-то время, словно по инерции, шел вперед. А потом — остановился. Осознал и возненавидел себя. Безразличное, бессмысленное существование. Для чего? Ради кого? Поэтому, как утопающий за последнюю соломинку, я ухватился за миф о таинственной и всемогущей Чупакабре — месте, где может исполниться любое желание. А у меня оно было только одно. Но ради него можно было поставить на кон все.

Прочел об этом феномене в «Аргументах и фактах», там в каждом номере статья о каком-нибудь загадочном месте или потомках древних цивилизаций. С фотографиями, на которых ничего не видно или которые сделаны в другое время и не совсем там. Обычно подобную чушь пропускаю. А тут это слово — Чупакабра — засело в голове. И я решил...

Где-то две недели ушло, чтобы добраться до чукотского стойбища — самый настоящий край све-

та. Последнее обитаемое место на пути к загадочной Чупакабре. А дальше — снежная равнина, невысокий перевал. Что за ним? Никто не знает. Для местных жителей — это запретное место. Оттуда не возвращаются. Поэтому весь путь я должен буду проделать один. Хотя не такой уж и длинный путь. Как сказал шаман — дня два, вряд ли больше.

В снежно-вьюжном кошмаре не видно ни зги. И все чаще предательская мысль — лечь, свернуться в клубочек и ни о чем больше не думать — посещает меня. Но стискиваю зубы и продолжаю путь. Зачем продираться через плотную пелену небытия, когда все равно бредешь в никуда? Здесь же нет ничего! Заставляю себя. Буду идти, сколько хватит сил, буду ползти, когда их останется совсем чуть-чуть. Нельзя проигрывать последний в жизни поединок, сдавшись без боя...

Очень слабый шепот: «Сюда, милый, иди ко мне». Вот уже и галлюцинации начинаются. «Сюда, иди на звук... Я здесь». Теперь слышу слова яснее. Они все громче звучат у меня в голове. «Милый, цель близка, ты сможешь дойти, я знаю...»

Узнаю голос, ведь слышал его столько раз. В разных ситуациях и с разными интонациями. Приемник в машине всегда был настроен на радиостанцию «Частота 100,0 МГц FM», в просторечье — «Сотка». А расписание ее эфиров я знал наизусть. Включал радио за три минуты до того, как в ночном эфирном небе восходила самая яркая радиозвезда. Звезда по имени Ирина. Слышал ее голос и утром и вечером, за завтраком и ужином; слышал ночами, когда порывы страсти уносили нас куда-то в иные пространства. Он тихо шептал мне нежные слова. И поддерживал меня

в минуты житейских невзгод и неудач. Тогда еще мог про себя сказать — я живу. Но потом этот голос пропал и из моей жизни и из эфира. И жизнь потеряла всякий смысл.

— Сюда, ко мне, — звучал голос Ирины, — не останавливайся, собери все силы. Если остановишься хоть на минуту — не сможешь продолжить путь. На ногах, на четвереньках, ползком — ты должен двигаться вперед. Ты сможешь, я знаю, ты сможешь...

Ползу уже из последних сил, хватаю ртом снег — так наждачно сухо в горле. Ползу — не знаю, сколько уже времени; смотреть на часы нет сил, да и смысла...

— Ты сможешь, я знаю, ты сможешь!

Пурга прекращается неожиданно и резко, так же как и началась. Ураганный ветер за секунду исчезает куда-то, вместо снежной каши — перед глазами нереально яркая и четкая картинка. Снежная равнина прямо передо мной заканчивается, непостижимым образом переходя в зеленую лужайку. Ромашки, васильки, иван-да-марья. Невдалеке начинается лес, и на опушке перед ним стоит старый дом. Ирина спускается с крыльца, идет навстречу, протягивая руки...

И, когда я уже почти касаюсь ее, снова налетает снежный ураган, и все тонет в белом ледяном тумане...

* * *

Больно, немоготу... Кажется, будто сознание сжалось в одну крохотную точку. Едва раскрываешь глаза — боль. Сжимаешься сильнее, но не отпускает. Жалит терновым венцом, давит неподъемным весом обиды и отчаяния. Темнота, тишина, пустота... Только когда теряешь, можно осознать — насколько важным было то, что ты потерял.

Когда Ирина была со мной, я не понимал, что ничего дороже и важнее для меня в этой жизни нет. Она была где-то чуть на втором плане после моей работы. Всего пару раз она бросала полунамеки, что хочет замуж, хочет ребенка. Но так просто было пропустить ее слова мимо ушей. Меня вроде все устраивало. Ведь главной для меня была работа... наука... только-только вышел на новый уровень в своих исследованиях.

Смертельная тоска настигла меня спустя год после ее ухода. Пробовал встречаться с другими женщинами, но становилось только хуже. Какой бы прекрасной и милой ни была очередная избранница, у них всех был один решающий недостаток: «Она — не Ирина».

Потом я возненавидел работу, всю эту ничемную науку, сухие, равнодушные формулы. Ушел из Академии, подрабатывал написанием компьютерных программ. Потихоньку начал спиваться: «Утром выпил — весь день свободен».

А еще года через три-четыре кто-то прислал мне на почту ссылку. Небольшой некролог из нескольких строчек в страничке новостей на сайте радиостанции, где когда-то работала Ирина. И меня тогда накрыла полная тьма...

Накупил нейрокниг и ушел из реального мира в иллюзорный. Так было легче. И вдруг совершенно случайно выяснилось, что могу быть не только читателем, но и чтецом. Чтецом третьего листа! Единственным в мире ...

Поймать Чупакабру...

Прорыв.

Далеко за полночь. Свет в квартире выключен, только настольная лампа освещает лист бумаги передо мной. Яркое пятно в темноте. Рядом —

стопка черновиков, но это предварительные выкладки. Преобразование условий задачи от одного вида к другому. Который день, точнее, которую ночь, хожу вдоль пограничной черты и никак не могу переступить через нее.

То, что было сделано до тебя, — по эту сторону границы; за ней начинается область неизведанного, куда еще никто не заходил. Можно написать десятки научных работ, пару монографий, защитить диссертацию, и так ни разу не перейти очень тонкую грань между уже известным и еще неизвестным. Одно дело — переформулировать, обобщать, переписывать то, что было сделано другими. Совсем иное дело — сделать первый робкий шаг за грань известного... и дальше идти по белоснежной целине, оставляя за собой тоненькую цепочку следов. И так легко сбиться с правильного пути. Иной раз думаешь, что продвигаешься вперед. Но вдруг понимаешь, что снова идешь по уже исхоженной тропинке, которая только уходит от цели.

Каждый раз, когда подхожу к этой грани, внутри становится неуютно, очередной приступ неуверенности. Ведь остаешься совсем один. Нельзя открыть недавно вышедшую статью коллеги или полезть в справочник. Блуждание в потемках, пока вдруг не мелькнет вдали иллюзорный просвет. Можно потратить дни, месяцы, годы — но так и не выйти на тропиночку, которая позволит хоть чуть-чуть приблизиться к недостижимой, как горизонт, истине. К истине, неуловимой, как Чупакабра. Какая еще Чупакабра? Что за странное слово? Всплыло откуда-то изнутри, хотя понятия не имею, что это такое — Чупакабра.

Где-то рядом существует она... эта формула... я чувствую ее. Элегантная, красивая, лаконичная.

Она должна быть именно такой, потому что не может быть иной. Ведь пространство и время так изящно сплетены между собой. Но я никак не могу выйти на след. Бесконечный ряд многомерных интегралов. Запись всего лишь одной формулы растягивается на две страницы. Нет, очевидный тупик, полная безнадега. Невозможно продрасться через такие громоздкие выражения. На вид — просто абракадабра. А не Чупакабра. Да что сегодня привязалось ко мне это слово!?

Формула должна быть проста и изящна. Элегантна как... как Ирина. Красота формулы — один из основных критериев ее истинности.

...Длинные ресницы, чуть застенчивый взгляд светло-серых глаз с маленьким карим пятнышком в одном из них... Нет, нельзя думать об этом. Ее — нет. Я — один. Плыву на хлипком плоту из листиков черновика по океану математических символов.

Абракадабра... Чукапабра... Ирина... До чего элегантен принцип Ферма — луч света выбирает оптимальную траекторию. Но здесь нет никаких выделенных траекторий. Чупакабра неуловима, потому что поливариантна — одновременно крадется по континууму траекторий...

Что за чушь сейчас вертится в голове? Траектории Чупакабры — звучит как траектории Фейнмана. Красивый математический аппарат — фейнмановские интегралы по траекториям. Пусть и не столь необъяснимо прекрасный, как Ирина. Интегралы по траекториям, которых на самом деле нет. «В действительности все не так, как на самом деле». Ирины — нет. Она прекрасна, но ее нет.

Интегралы по траекториям Фейнмана можно представить... Сзади почти неслышно подходит

Ирина, легкое прикосновение нежных пальчиков к моим плечам.

...в виде ряда по кратности рассеяния. Ирина ласково прижимается своей щекой к моей, гладит по волосам, легонько дует в ухо. «Ну, сколько тебя ждать, милый, — нежно и маняще шепчет она, — я так соскучилась!»

Чупакабра! Нет, эврика!!! Словно пелена спадает с глаз. Мои громоздко-неуклюжие формулы — представление непрерывных траекторий в виде ряда теории возмущений. Я пошел не той дорогой. Разложение в ряд — путь в никуда.

Ирина садится ко мне на колени, обнимает за шею руками, ласково смотрит в глаза. Да фиг с ними, с этими формулами, подождут до завтра — ведь столько лет не видел Ирину... только в мечтах.

Стоп! Почему — столько лет? А вчера? «Не было никакого вчера, — еле различимый шепот в голове, — ведь ее уже давно нет».

Как? Она же сейчас сидит вот тут — у меня на коленях. Такая теплая, ласковая, любимая. Моя! И мне ничего не надо, кроме нее. Мой мир — там, где Ирина. В этом весь смысл! Ведь даже в переводе с древнегреческого Ирина и есть мир.

— Очнись, чтец! — тонкий, назойливый писк где-то внутри меня. — Ты должен вспомнить. Иначе будет поздно! Три слова... три самых важных слова!

В голове всплывает фраза: «Чтец погружается в рассказ, как математик — в свои формулы».

— Подожди, милая, — говорю Ирине, — мне нужно всего пару минут.

Рву черновики! Вот — исходное уравнение, теперь надо записать общий функциональный интеграл Фейнмана... чувствую, как в голове возни-

кает давно забытое ощущение напряженной работы мысли. Теперь смотрим, к какому упрощению приведет приближение малых углов? Ирина застывает рядом, становясь прозрачнее и призрачнее... теперь к интегралу можно применить метод стационарной фазы. Чувствую, как мозг выходит на полную проектную мощность, вытесняя сознание из этой иллюзорной реальности.

— Милый, куда ты уходишь? Мы теряем друг друга, — слышу Ее голос. Буквально на миг приостанавливаю в голове вывод формулы, застывая между двумя мирами. Остаться здесь — в иллюзорном мире, где есть Ирина, или вернуться к реальности, где ее нет? Сейчас отчетливо понимаю, что все последние годы я жил на грани между этими двумя мирами. Пора делать выбор.

Ирина снова обнимает меня за шею, виснет... камень, тянущий вниз. Нет, не Ирина. Это — Чупакабра! Только иллюзия счастья, эрзац-мечта — очень качественная, но подделка. Нет, я должен ее отпустить. Навсегда...

Прости меня, и прощай!

Теперь снова включить мозг на полную мощность, осталось чуть-чуть. И вот она — искомая формула, такая элегантно-лаконичная, очевидная в своей простоте. Всего три символа. Осталось только произнести ее вслух! И словно с не постижимо большой глубины я вынырываю на поверхность...

* * *

— Все-таки выбрался?! Не ожидал. Тебе действительно нет равных...

С трудом разлепляю глаза. Где я? Чей это голос? Возле незнакомца на столе лампа — приглушенный свет, но все равно заслоняю рукой глаза, что-

бы привыкнуть к освещению. Кто это такой? Силы сейчас на исходе, мозги вяло ворочаются, в горле совсем пересохло. Хочешь — режь меня, убивай — все равно сопротивления не окажу. Но человек терпеливо ждет моего возвращения в сознание. Я — дома.

Высокий стеллаж с книгами, компьютер на столе и плотно задернутые тяжелые занавеси. Наваждение; безрассудное, изматывающее преследование несбыточной мечты осталось там — в другой реальности. В мире, где Ирина. Там мне есть для чего жить и к чему стремиться, но я вернулся. Все-таки выбрался? Зачем я это сделал?!

От таких мыслей сразу становится не по себе. Грустно и тоскливо. Тянусь к бутылке с водой, которую всегда оставляю рядом с собой перед «погружением», делаю несколько больших глотков. Странное ощущение, словно уже пару суток не пил ничего.

— Что тебе нужно? — спрашиваю, как только почувствовал, что могу говорить. Силы очень медленно возвращаются.

— Ничего, — спокойный тоном отвечает он, — хотел увидеть твое выражение лица, когда вынырнешь... ну или не вынырнешь.

Вот сволочь! Этот «трип» чуть не убил меня, а неизвестный — думаю, сам пресловутый господин Элефант — заявляется сюда, чтобы наблюдать за моей медленной агонией? Такой милый розовый слоник...

— Этот рассказ мог убить тебя, — продолжает он, будто прочитав мои мысли. Делает паузу, но я так и не успеваю задать вопрос «За что?», — мог убить тебя, если бы ты решил остаться там с ней навсегда, но... ты в очередной раз смог откатиться от нее, отец.

Последнее слово резкое, чужое. И звучит оно как-то неправильно. Собеседник сам не уверен, что имеет право его произносить. Будто пробует на вкус. Неуверенно, робко проговаривает по буквам.

— Там была ловушка, рассказ — зациклен. В какой-то момент чтец начинает, не осознавая этого, идти по кругу... Декорации вроде меняются, но это — только обманчивое впечатление. И рассказ всего на два листа превращается в бесконечно длинный «трип».

— Сколько листов я прошел? — спрашиваю, едва шевеля пересохшими губами.

— Сложно сказать, но, похоже, ты смог вынырнуть на шестом листе. Жаль, в Книгу рекордов Гиннеса результат не попадает... как-то забыл пригласить комиссию, ты уж прости, — ехидно ухмыляется он. — Не хочешь попробовать снова? Подготовлю тебе другой похожий рассказ. Пригласим комиссию и журналистов? Устроим грандиозное шоу.

— Ну ты и гаденыш, — сам сейчас шиплю, как змея, — ты же понимаешь, что вынырнуть с шестого листа можно только чудом... а чудеса два раза в одну воронку не попадают...

— Гаденыш, согласен... — он кивает головой, — ну ведь я и есть сын гада.

— Как ты проник в квартиру?

— Что значит — проник? Открыл дверь родными ключами. Ты ведь за столько лет не сменил замки. А у мамы был комплект ключей. Но они мне больше не нужны, — он достал из кармана и положил на стол две ключа... на таком знакомом брелке.

— Ладно, прощай, отец, — он второй раз произносит это слово, — забавное у нас получилось знакомство, ты так не считаешь?

И он ушел. А я остался наедине с самим собой в пустой квартире. Ведь мой истинный внутренний мир — пустота. Мысли путались, в голове шумело.

Не сошел ли я окончательно с ума? Может, это просто еще один виток бесконечного преследования Чупакабры, старая задача в новых декорациях. Протянул руку, вынул ридер из слота. Мне обязательно надо было взглянуть на текст рассказа. Включил ридер и стал читать на маленьком экране первые строки. Буквы расплывались, исчезали — глаза застилала слезы:

*В память о самой
лучшей маме на свете
от любящего сына*

Чтец третьего листа

За одно погружение «прочесть» небольшой рассказ могут многие. Рассказ на один лист — только лучшие. Всего один авторский лист. Сорок тысяч знаков с пробелами — казалось бы, не так и много. Но это очень непросто, поверьте. Ведь «прочесть» — значит, по существу, прожить.

Есть несколько избранных — чтецов второго листа — которым под силу рассказ на два авторских листа. А это маленькая повесть. Но их очень мало, поскольку в какой-то момент разум уже отказывает тебе и ты начинаешь терять контроль. Тогда можно и не «вынырнуть» из рассказа, такие случаи бывали. Человек теряет рассудок, смешивая иллюзорный мир с реальным.

...и в этот момент по спине читателя пробегает легкий холодок от внезапно пришедшей в голову мысли: «А что, если...?»

Но уже слишком поздно — ловушка сработала. **✎**

Дмитрий Козлов

Родился в 1986 году в г. Киеве. В 2003 году поступил в Национальный Медицинский Университет. Получив среднее медицинское образование, в 2007 году поступил в Национальную Академию Изобразительного Искусства и Архитектуры, которую закончил в 2011-м, после чего поступил в магистратуру, где в настоящий момент проходит обучение. Ранее нигде не публиковался.

Крещение

На закате множество мальчишек сбегалось к Большому Дубу, где у костра уже сидел Деян, готовый рассказать очередную байку. Одни считали старика мудрецом и избранником богов, другие — колдуном и безумцем, но все сходились в одном: рассказчиком старик был поистине потрясающим. Его седая голова была истинной сокровищницей, полной сказок, легенд и преданий, и память его давно стала притчей во языцех. Баба-Яга и Кашей, Змееборец и Горыныч, множество героев и богатырей, а также всевозможная нечисть — все они будто оживали в байках Деяна. Вот и сейчас гогочущая и весело щебечущая детвора окружила древнего старца, сидевшего у костра и взиравшего на мальчишек своими подслеповатыми глазами. Несмотря на возраст, в серебре густых волос и окладистой бороды еще попадались черные островки. Старик окинул взглядом собравшихся и едва заметным жестом призвал их к молчанию. Мгновение спустя лишь треск костра да да-

лекий, едва слышный вой волков звучали в вечерней тиши.

— Я вижу, что многие из вас скоро отправятся на север, чтобы пройти обряд Волка и стать мужчинами. — Взгляд стариковских глаз, когда-то черных, словно уголь, а теперь поблекших и усталых, скользнул по притихшим юнцам. — Когда-то, еще в ту пору, когда отцы ваших отцов были волчатами вроде вас, нас, мальчишек, тоже отправили в Северный Лес, в лагерь, где мы должны были пройти посвящение. Я помню, как будто это было вчера, пусть и прошел целый век... И хоть и не велят мудрецы рассказывать малышне об испытаниях, ее ожидающих, но я уже стар и скоро умру, а история эта должна быть услышана.

Итак, мы, мальчишки-волчата, пришли в лагерь, к Кудеснику, чтобы стать мужчинами. Лагерь оказался всего лишь поляной посреди леса, с ручейком посередине, землянкой, в которой жил Кудесник, и шалашами для десятка воинов. Испы-

тание началось, как только мы прибыли. Три дня нас нещадно били, заставляли ползать в пыли, словно змеи, забираться на столбы и кукарекать... не счесть все те испытания, что должен пройти юноша, дабы стать Волком. Ни есть, ни пить не давали, лишь вечером полагалась горсть ягод да немного воды. А на исходе третьего дня нас, едва живых, собрали вокруг котла. Пока котел нагревался, нас остригли, забрали одежду и каждому дали волчью шкуру. Кудесник говорил с богами и бросал что-то в котел, а затем, когда варево вскипело, каждый из нас по очереди должен был вдохнуть пар. Я и сейчас помню этот запах, горький и едкий, от которого я кашлял и плакал, а в голове закружились разноцветные огоньки...

А затем нас отправили в чащу, всех в разные стороны, и велели не возвращаться ночь и день. «Настоящий Волк должен уметь жить в лесу, быть его частью», — говорил нам Кудесник. К следующей ночи нас должны были найти Воины-Волки и привести обратно в лагерь. Можно было идти куда угодно, лишь не забредать за Чертовы Столбы, которые отмечали начало княжества Свирепа, владелина Зла, где в Черном Лесу демоны купались в озерах из крови, а ветви деревьев, усеянные когтями, хватали путников и разрывали их на части.

Я шел по тропе, пошатываясь от голода и боли от побоев; повсюду в темноте ночной хохотали кикиморы и шептались черти. И я, с одним лишь ножом... Никогда: ни до, ни после — мне не было так страшно. Лес на севере не такой, как здесь: он полон духов и демонов, и даже обычные твари там больше и злее здешних. Должно быть, именно тогда, в населенной злом темноте, я и прошел Чертовы Столбы, за которые нам строго-настрого запретили заходить. Если бы я знал об этом, то тот-

час упал бы замертво от страха, не дожидаясь появления Свирепа и его свиты из упырей и вурдалаков. Но лес по ту сторону Столбов не был черным, а озера из крови или огнедышащие черти мне так и не повстречались, так что я продолжал идти, беспечный и беззаботный, в надежде найти тропу, которая приведет меня в лагерь. Я нашел немного ягод и поел, а остаток ночи провел, дрожа от страха, свернувшись клубком в норе под корнем дуба, огромного, совсем как этот. Всю ночь я не сводил глаз с исполинского силуэта среди деревьев, взиравшего на меня огромными светящимися глазами, будто сам Морок, желавший усыпить меня и утащить мою душу.

Наутро прямо в нору забрался заяц, но, пока я лишь подумал о том, чтобы схватить его, он умчался прочь. Меня вновь сморил сон. Проснулся я уже в полдень: залитый солнцем лес наполнялся птичьими трелями. Чудище-Морок, всю ночь глядевшее на меня, оказалось корявым старым стволом, расколотым молнией, а глаза принадлежали сове, угнездившейся в дупле. Выбравшись из норы, я услышал неподалеку ручей. От холодной воды у меня заболел живот, но голод немного притупился, и я принялся искать что-нибудь съестное. Спустя некоторое время я сумел найти небольшую поляну, усеянную одуванчиками, и принялся срывать их и есть один за другим, и, упав на колени, возблагодарил богов за этот дар. Нога, по которой меня ударил палкой один из воинов в лагере, нестерпимо болела. На душе стало тоскливо, хотелось домой, к маме и братьям, и, сидя на траве посреди поляны, я расплакался. На мгновение я подумал, что никогда не выберусь из этого леса.

Я не знал, где я, и решил положиться на воинов Кудесника, которым, должно быть, было

проще простого выследить малышню вроде нас. «Быть может, один из воинов все время наблюдал за мной», — подумал я и немного повеселел. Скоро все это закончится...

«Ручеек должен был вывести к пруду или реке, в котором может водиться рыба», — подумал я и направился по течению. Высокая трава приятно щекотала ноги. Вдоль берега в изобилии росли ягоды, и я скоро весь измазался в их сладком соке.

И вот тогда-то я услышал за спиной треск и хруст и, обернувшись, увидел его.

Он смотрел на меня, как на какого-то диковинного зверька. Очень смуглое лицо, грубо остриженные темные волосы и борода. Его одеяние было столь странным... Ни до, ни после мне не доводилось видеть ничего подобного. Мы смотрели друг на друга, и я наконец понял, кто передо мной. Водяной, который сейчас утащит меня на дно озера, в темную глубину, на веки вечные. В руке он сжимал посох, подобный тому, что, по рассказам, носят водяные. Бросив острогу, я метнулся в лес.

— Стой! — раздался за спиной голос чудища.

Я продолжал бежать, ошалев от страха.

— Я, Громовержец, повелеваю тебе, стой!

И грянул гром, будто рухнул княжий чертог. Я застыл, окаменевший от ужаса, страшась даже вдохнуть. Ведь это наверняка был гарцук, дух грома из свиты самого Перуна! Вокруг кричали, разлетаясь, перепуганные птицы. Тихие шаги Громовержца приближались, и я решил восславить Перуна. Развернувшись и упав на колени, я закрыл глаза и залепетал, борясь со слезами:

— Перуне, вми призывающего тебя! Защити от...

Тяжелая рука легла мне на плечо, и я взвыл от ужаса.

Громовержец стоял надо мной, лицо пряталось в тени. Я видел, как ветер теребит его волосы. А затем он усмехнулся и протянул мне руку.

— Вставай, мелюзга. Сегодня не твой день.

Я так и не осмелился ухватиться за его ладонь, боясь, что гром, живущий в ней, испепелит меня, как он схватил меня за ворот волчьей шкуры и рывком поставил на ноги. Я продолжал бормотать имя Перуна, и Громовержец, нахмурившись, встряхнул меня.

— А ну замолкни! Я не причиню тебе вреда.

Махнув рукой, призывая идти за ним, он направился в березовую рощу, белевшую в чаще. Я понимал, что не следует даже пытаться послушаться его, и поплелся следом, гадая, какую же участь он уготовил мне. Солнце садилось, тьма в лесу сгущалась, и казалось, что никогда уже мне не увидать родную деревню.

В роще был разбит маленький лагерь. Над костром жарилась небольшая кабанья туша, капли жира с шипением падали на угли.

— Садись! — Громовержец указал на бревно около костра. Я подчинился. Из-под своей странной шкуры он достал огромный нож, и внутри у меня все сжалось от нового приступа страха. Почему он решил зарезать меня, а не поразить громом? Или гарцуки едят людей? Кудесник мало рассказывал о них...

Громовержец увидел страх в моих глазах, ухмыльнулся и направился к костру. Одним резким движением он отрубил от кабаньей туши громадный кусок мяса и бросил его мне.

— Держи. Волчатам нужно мясо.

Я схватил мясо. Голод, поутихший было, вдруг будто вспыхнул: голова закружилась, а живот будто стали резать изнутри. Я накиннулся на мясо, как настоящий волк, отрывая куски зубами, глотая,

почти не разжевывая, упиваясь вкусом и запахом. Громовержец глядел на меня с ухмылкой. Солнце село, и тьма за пределами освещенного костром круга вновь наполнилась всевозможными звуками, но меня они уже не пугали так, как прежде: даже в этом краю, населенном нежитью и прочей нечистой силой, никто и ничто не посмеет напасть на Громовержца.

Доев мясо, я осторожно посмотрел на гарцука. Громовержец смотрел в огонь, лицо его было безмятежно. После сытного ужина меня начал одолевать сон, но я не поддавался. Так мы сидели довольно долго, пока он вдруг не сказал:

— Те, на поляне с ручьем, твои... соплеменники? Волки?

— Да... — осторожно ответил я.

Громовержец задумчиво облокотил подбородок на руку.

— Зачем вас выгнали из лагеря?

— Чтобы мы стали мужчинами! — гордо ответил я, глядя на гарцука. Мой ответ его позабавил, и он ухмыльнулся. А потом, тяжело кряхтя, совсем как я сейчас, он поднялся и подошел ко мне.

— Пойдем, я отведу тебя назад.

— Нельзя! Еще рано! — вскричал я, и тут же меня охватил ужас: я посмел перечесть гарцуку!

Словно в подтверждение моих мыслей, он схватил меня за шкуру и поднял, а затем сурово произнес:

— Желание Громовержца важнее любых ваших обрядов и законов.

Он взял посох и суму, и мы направились в лес. Он шел позади, иногда указывая направление, и тогда мне казалось, что он видит во тьме, хотя сейчас я знаю, что любой опытный охотник без труда найдет путь в ночном лесу.

Мы шли бесконечно долго, пока не вышли на какую-то тропу, по обеим сторонам которой вскоре выросли два огромных резных идола, испещренных колдовскими узорами.

— Черные Столбы! — прошептал я в ужасе. Так, значит, я забрел далеко за них! Но там ведь не было никаких огненных озер, демонов и чудовищ...

Мы шли дальше, и наконец, когда я уже готов был упасть от усталости, впереди, среди деревьев, показался огонек костра.

Продравшись сквозь кусты, мы оказались на поляне. У костра сидели Кудесник и несколько воинов. Увидев меня, его глаза налились злобой: меня должны были привести лишь утром и я ни в коем случае не должен был приходить сам раньше срока. Но, когда позади меня из тени выступил Громовержец, Кудесник испуганно вскочил и закричал:

— Кого ты привел, глупый мальчишка?! Это же демон! Воины, ко мне! Убейте его!

Из шалашей выбежали воины и с криками, сжимая в руках копья, бросились на гарцука. Я застыл и закрыл глаза, зная, что сейчас произойдет.

И грянул гром.

Открыв глаза, я увидел воинов, бросивших копья, в ужасе пятающихся и бегущих прочь с поляны. Лишь Кудесник еще стоял предо мной, молчаливый и перепуганный, словно заяц во время грозы.

— Повелеваю вам, остановитесь! Я не причиню вам зла!

Голос Громовержца разнесся по поляне, и некоторые воины действительно остановились, но старались держаться ближе к деревьям, чтобы в случае опасности продолжить бегство. Храбрейшие воины, выдавшие не одну битву, тогда они походили на трусливых промокших мышат.

Громовержец обошел меня и приблизился к Кудеснику. Тот дрогнул, но не убежал.

— Ты здесь главный?

Кудесник кивнул. Громовержец указал посохом на землянку.

— Пойдем туда, нам нужно поговорить.

Кудесник молча подчинился, и они направились к землянке. В свете трепещущего пламени их фигуры казались предвестниками чего-то зловещего и недоброго.

— Охранять землянку, но близко не подходить! — крикнул Кудесник, отворяя дверь и ныряя внутрь. Никто не откликнулся на его призыв, а подходить близко к землянке, готов поспорить, никто и так бы не отважился.

Поднявшийся ветер понес по земле пожелтевшую листву и заставил Большой дуб шелестеть. Собирался дождь. Деян вновь тяжело вздохнул и оглядел ребятню. Взгляд выцветших, многое повидавших глаз был мутным, словно предрассветный туман над рекой, и мальчишки знали, что сейчас его разум совсем затянула пелена воспоминаний.

— Вот тогда-то я и понял, что сейчас и только сейчас я могу познать какую-то тайну. Прикоснуться к чему-то столь огромному, что вся наша жизнь проходит в его тени.

В темноте, обогнув освещенную костром поляну, я пробрался к землянке. Пребывавшие в замешательстве воины меня не заметили, а если кто и увидел, то ему не было до меня дела. Я пробирался вдоль стены, пока наконец не набрел на маленькое окошко. Осторожно, стараясь себя не выдать, я заглянул внутрь.

То, что я расскажу вам дальше, я сумел запомнить лишь благодаря своему дару хранить в памяти множество слов и смыслов. Но знайте: мало что из того, о чем говорил Громовержец с Кудес-

ником, мы, простые смертные, способны понять. Слова, похожие на наши, несут в себе скрытый от нас смысл, и я запомнил их лишь как диких звуков, как вы, дети, запоминаете уханье совы или крик гагары. Итак, слушайте.

В темноте внутри землянки раздался шорох, после чего раздался какой-то щелчок, и странным образом, будто сама собой, загорелась свеча, осветив лицо Кудесника.

— Поставь ружье в углу, — тихо сказал он. — Вряд ли мы сможем спокойно беседовать, пока у тебя в руках эта штука.

Я сумел различить в темноте силуэт Громовержца, поставившего свой посох в угол.

— Садись.

Кудесник и Громовержец сели за перекошенный, криво сбитый стол.

— Что это за клоунада? — грозно спросил Громовержец. — Вырядились, как массовка в фильме про Древнюю Русь, морите детей голодом, загоняете в лес... Кто вы, мать вашу, такие?

Кудесник усмехнулся и, пошарив под столом, вытащил и протянул Громовержцу какую-то покрытую пылью бутылку.

В темноте раздался звук выдернутой пробки. Громовержец сделал глоток и, удовлетворенно причмокивая, передал бутылку Кудеснику.

— Вино — это хорошо. А теперь отвечай на поставленный вопрос: кто вы такие и что за цирк здесь устроили.

— Это не цирк, — ответил Кудесник. Лицо его стало серьезным. — Мы племя Волков, и это наша земля. Мы поклоняемся нашим богам, растим детей... Так, как завещали нам предки.

— Какие предки? — расхохотался Громовержец и, схватив бутылку, сделал еще глоток. — Вы

что, рехнулись? Я повидал много психов, но таких вижу впервые. Мне даже попадалось одно поселение, где поклонялись разбитому ЖК-монитору, который они называли Великий Гугл! — Громовержец вновь рассмеялся. — Но Древняя Русь... Кто вас на это надоумил? Тебе сколько лет?

— Шестьдесят, — тихо ответил Кудесник, задумчиво глядя на свечу.

— Значит, ты прекрасно знаешь, что было сорок лет назад.

— Знаю, — твердо сказал Кудесник и посмотрел в глаза Громовержцу. — Но дети не знают и не узнают никогда. Вся эта мерзость больше не должна повториться...

— И что же ты называешь мерзостью? — повышая голос, спросил Громовержец. — Что такого ужасного было там, что вы предпочли эту идиотскую инсценировку средневековья? Я уже давно в пути... Я видел то, что тебе и во сне не пригрезится. Рабство, людоедство, болезни, голод. Что же такого ужасного было в том мире? Конечно, хватало иногда дерьма, но все же...

— Ну как минимум то, что путь, по которому шел тот мир, и привел к взрывам, — ответил Кудесник. — Но я не хочу разводить здесь демагогию на тему того, что было раньше. Что было, то было. Мы живем, так... как хотим. И никто никого ни к чему не принуждает.

— Ага, особенно детей, — хмыкнул Громовержец.

— А у тебя есть предложение лучше? Мы хотим растить их так, как растили их наши предки...

— Слушай, хватит мне этого бреда в духе всяких родноверий и прочих «возвратов к корням». Как вы собираетесь и дальше скрывать от них настоящий мир?

Кудесник вдруг расхохотался так громко, что Громовержец удивленно открыл рот.

— Какой мир? Нет больше никакого мира! Так что и скрывать нам нечего! Вокруг только леса да руины! А те из них, кто захочет уйти... что ж, я думаю, что воспитание в духе древних славян вполне подготовит их к жизни в этом твоём «мире».

Повисло молчание. Громовержец достал откуда-то полоску вяленого мяса и принялся жевать.

— А почему Русь? — вдруг спросил он.

— В смысле? — настороженно ответил Кудесник.

— Ну, почему для этих своих эскапистских игрищ вы выбрали Русь? Почему бы просто не организовать общину без привязки ко времени и месту и жить себе поживать, вести хозяйство. Зачем эти декорации?

Кудесник некоторое время молчал, а затем неуверенно произнес:

— Ну, скажем так, мы знали о Руси несколько больше, чем другие, и Аскольду, нашему князю, — не смейся, — пришла в голову мысль... попробовать жить так.

— «Знали несколько больше...» — повторил Громовержец, словно пробуя фразу на вкус, а затем резко спросил: — Кто вы такие? Нет, пожалуй, спрошу иначе: кем вы были?

Кудесник задумался. Его пальцы ритмично стучали по столу. Затем он медленно произнес:

— Большинство из нас тогда... в прошлой жизни... занималось исторической реконструкцией, ролевыми играми...

Его прервал взрыв хохота на другой стороне стола. Громовержец буквально корчился от смеха.

— О господи! Толкиенисты!.. — задыхаясь, произнес он и вновь заржал. — Нет, вы только подумайте... Толкиенисты после конца света!

— Мы предпочитаем... предпочитали... термин «ролевики», — тихо пробормотал Кудесник, но Громовержец еще долго не унимался, продолжая сыпать словами вроде «толкиенисты», «любители эльфов» и прочие. Наконец, он утихомирился и, все еще похихикивая, спросил:

— И как же вас, ребят, сюда занесло-то?

— Тогда, 6-го июля, у нас был Конвент. Что-то вроде съезда. Собралась почти тысяча человек со всей страны... с детьми, друзьями... здесь и до взрывов было пусто после Чернобыля. Мне тогда было двадцать, и меня притащила сюда девушка... Таня...

Голос Кудесника стал глубоким и задумчивым.

— В общем, мы видели зарево над Киевом. Потом не было связи, мобильные не работали, по радио одни помехи... некоторые тут же сели в машины и помчались в город. Почти никто из них так и не вернулся, лишь некоторые пришли через несколько дней, без машин, без женщин, окровавленные, израненные, лишившиеся всего. Те из них, кто мог что-то сказать, бормотали о жутких вещах, а многие вообще лишились рассудка и несли околесицу. Даже представить не могу, что они там повидали...

— Я могу, — тихо сказал Громовержец.

Кудесник продолжал говорить:

— Так или иначе, стало понятно, что нам не на кого рассчитывать, кроме себя. Первые месяцы были особенно тяжелыми... Хорошо еще, что было лето, потому что, будь на дворе зима, никто бы ее точно не пережил. В общем, кто-то уходил, другие сходили с ума или кончали с собой. Еда быстро закончилась, а добывать ее никто толком и не умел, хоть поблизости и водилось множество дичи. Мы пытались попросить помощи у жителей ближайшего села, но они встретили нас стрельбой... Моему другу, Володе Егорову, раздробили ногу, и недели через полторы он умер от гангрены...

Кудесник говорил ровно и спокойно, совсем как я сейчас. Громовержец больше не смеялся.

— В общем, вскоре начался голод. К тому времени нас осталось несколько сотен. И тогда...

— Людоедство, — спокойно сказал Громовержец. — Так было повсюду.

— Да, — кивнул Кудесник. — Это началось с трупов, но потом... потом они начали убивать ослабевших... тех, кто не мог сопротивляться. Их было немного, но они пользовались отсутствием единства... Каждый был сам за себя. И вот тогда-то Аскольд и предложил нам объединиться. Тогда еще не было всего этого древнерусского маскарада... Но после той ночи, когда мы с горящими факелами и копьями окружили часть лагеря, где жили людоеды и перебили их всех до единого... Мы что-то почувствовали, понимаешь?

— Первобытность, — сказал Громовержец.

— Да, это подходящее слово. И после этого, когда Аскольд предложил нам жить... так, мы согласились.

— А Таня? — спросил Громовержец. Кудесник долго молчал, прежде чем ответить. Его глаза заблестели.

— Она умерла в первую зиму. Аппендицит.

В землянке повисла тишина. Громовержец встал и стал ходить туда-сюда по маленькой комнатушке, глядя себе под ноги. А затем сел на место и сказал:

— Значит так, Кудесник. Мы поступим следующим образом. Ты дашь мне вяленого мяса и парочку свечей, и мы с тобой отправимся на север, к дороге. Тебя я беру с собой, чтобы никто из твоих клоунов-вурдалаков не попытался напасть на меня. Там мы расстанемся, и я пойду своей дорогой, а ты — своей.

Кудесник медленно кивнул. Мужчины поднялись.

Я отпрянул от окошка и, вновь, держась подальше от костра, обошел поляну и оказался там, откуда

мы с Громовержцем пришли. Должно быть, тем же путем они захотят идти на север. А я, конечно же, и мысли не допускал о том, чтобы не пойти за ними.

Казалось, я ждал целую вечность, притаившись в листве, когда они наконец вышли из землянки: Кудесник впереди и Громовержец, уткнувшийся ему в спину свой Гром-посох. Они пересекли поляну, направляясь прямо ко мне, и прошли мимо совсем рядом, так что я едва успел спрятаться за деревом. Выждав немного, я отправился за ними.

Я опасался подходить близко и старался держаться подалеже, поэтому до меня долетали лишь обрывки и без того лишенных всякого смысла для меня, непосвященного, фраз. Однажды я услышал слова Громовержца:

— По чему ты больше всего скучаешь?

Не по кому, а именно по чему?

Кудесник поначалу не отвечал, и я уже подумал, что его ответ заглушил хруст хвороста под ногами и шум ветра в листве, когда он наконец ответил:

— Сладость.

— Сладость?

— Да. Сахар. Кока-кола, конфеты, сладкий чай...

Я никогда не был сладкоежкой, но меня поразило, как, оказывается, много сладости было в моей жизни до взрывов. Сладость — это действительно великая штука. Это была какая-то ненавязчивая, почти незаметная радость, от нее жизнь становилась чем-то немного большим. Как и музыка, и книги, и...

— Ролевые игры, — закончил за него Громовержец, и они оба рассмеялись.

Мы вновь миновали Черные Столбы, но теперь они не вызывали во мне ужаса, ведь я знал, что за ними лишь лес и ничего другого.

— А ты? Чего тебе больше всего не хватает?

— Света, — ответил Громовержец почти мгновенно. — В этом новом мире жутко темно по ночам.

Свечи, лучины, факелы, костры... Кое-где керосинки... Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что нигде на планете больше нет огромных улиц, полных неоновых огней, где ночью светло, как днем...

Я понял, что подошел слишком близко и могу обнаружить себя, поэтому вынужден был отстать. Мы прошли озерцо, где я повстречал Громовержца, и двинулись дальше. Облака рассеялась, и в лунном свете лес представлял еще более жутким и пугающим, но я вновь напомнил себе, что никакая нечисть не посмеет приблизиться к гарцуку, да еще и в компании колдуна. Впереди, среди деревьев, забрезжило что-то, напоминающее поляну, и я последовал туда вслед за Громовержцем и Кудесником.

Я и прежде слышал о Северной Дороге — проклятом пути, вымощенном детскими костями, по которому властелин зла, Свиреп, носится на Змее-Горыныче, снося головы и забирая с собой души всех, кому не посчастливилось оказаться в этом зловещем краю. Но никогда: ни до, ни после того — мне не встречался никто, кто сам бывал там. Дороги такой, скажу я вам, я тоже больше не встречал, а живу я уже так долго, что помню, как сажали этот дуб. Широченная, так что добрая сотня всадников проедет, стоя в ряд, но вся поросшая травой, так что вряд ли кто по ней ездит. И вымощена странным таким камнем... Никогда нигде больше такого не видал. И тут и там кучи ржавого железа, да столько, что хватит на мечи всем нашим воинам да еще вятичам перепадет. Кудесник и Громовержец встали посреди дороги и повернулись лицом друг к другу. Их лица казались белыми и свтящимися, словно сама Луна на небе.

— Забыл тебя спросить, куда ты держишь путь? — спросил Кудесник, и Громовержец, забросив посох за плечо, махнул рукой на восток.

— Туда, а потом на юг. Несколько бродяг в ви-тебских развалинах что-то говорили о какой-то общине под Киевом, которая пытается восстановить электростанцию. Думаю, если это и впрямь так, то я им пригожусь — я ведь был когда-то инженером. Хотя я уже много раз слышал такие байки и еще нигде и ни разу это не оказалось правдой.

Кудесник посмотрел на него с улыбкой.

— Ну что ж. Признаться, я рад был повидаться с тобой. Честно говоря, за все эти сорок лет в нашу глухомань не забредал еще ни один путник. Кроме какой-то шайки оборванцев, которые нападали на наших охотников и которых пришлось перебить. По правде говоря, я думал, что все там, в «мире», такие.

— Не все, но большинство, — сказал Громовержец. — Что расскажешь своим людям?

— Скажу, что демон, посланец Свирепа — нашего местного Дьявола, — захватил меня и хотел забрать в свой адский чертог, но я его околдовал и...

Громовержец засмеялся и похлопал Кудесника по плечу.

— Лучше предоставь это тому мальчишке, с которым я пришел. Он там что-то лепетал про какого-то Громовержца, Перуна, какого-то Гарцука и прочую ахиною...

— Это не ахиная, друг, а славянская мифология. Гарцук — дух из свиты Перуна... — начал Кудесник.

— Понятно, понятно, — поднял руку Громовержец. — Побереги это для подрастающего поколения. Ладно, не люблю долгих расшаркиваний. Прощай!

Мгновение они смотрели друг на друга, а потом коротко обнялись. Громовержец пошел по дороге на юг, а Кудесник нырнул было обратно в чашу, когда Гарцук вдруг остановился и, улыбаясь, обернулся.

— Послушай, Кудесник... вы же живете в языческой Руси? Дохристианской?

— Да, — недоуменно ответил Кудесник.

— А когда Крещение? — Громовержец небрежно сделал странный жест тремя пальцами, указав ими на лоб, грудь и плечи.

— Вообще-то мы не слишком одобряем христианизацию Руси... — ответил Кудесник, пожав плечами. — Не знаю, будет ли...

— Ну хорошо, хорошо. Но сколько, по-вашему, до него осталось теоретически? Проще говоря, какой у вас год и век?

— Примерно 888-й... Конец 9-го века, — ответил Кудесник, скрестив руки в ожидании объяснений.

Громовержец хмыкнул.

— Знаешь, в Киеве, под Киево-Печерской Лаврой, есть древние пещеры. Они уцелели после взрывов, и там теперь что-то вроде монастыря... Ребята совершенно двинутые, вроде вас, но настоятель мой хороший друг. Думаю, я попрошу их организовать для вас небольшой сюрприз. — Громовержец расхохотался.

— Не смей... — испуганно сказал Кудесник, и лицо его, выбеленное лунным светом, будто побелело еще сильнее. Гарцук примирительно махнул рукой.

Я попрошу их прийти к вам ровно через сто лет, когда ни тебя, ни меня, ни их самих уже не будет в живых. Заодно сохраним «историческую достоверность».

Помолчав, Громовержец добавил серьезным тоном: — Цивилизация все же должна двигаться, а Крещение Руси, при всей моей нелюбви к религии как таковой, было мощным толчком вперед. Раз вы решили отбросить себя на тысячу с лишним лет... Что ж, ваше право... Но так игра будет интереснее. Хотя далеко не факт, что через сто лет этот ваш лесной цирк или их пещерный вообще еще будут существовать. К тому же подумай хорошенько, Кудесник, и ответь сам себе: хочешь ли ты вечно жить в мире, где люди умирают от аппендицита?

Лицо Кудесника перекосило, будто его пронзила жуткая боль, и на мгновение он испугал меня больше, чем вся нечисть Северного леса вместе взятая. А затем на его щеках заблестели слезы.

— Иди, Громовержец. Иди и делай, что пожелаешь, но никогда не возвращайся.

Глаза Деяна, блуждавшего в лабиринте своих воспоминаний, вдруг будто просветлели, и он оглядел своих юных слушателей. Половина из них уже разбежалась, а остальные смотрели кто с недоверием, кто с сочувствием, а кто с откровенной скукой на лицах. Лишь один, тот, что постарше да поумней остальных, Истислав, все еще с нетерпением ждал продолжения истории. Грянул гром, и в костер с шипением упали первые капли дождя. Все, кроме Истислава, разбежались. Деян знал, что так будет. Сейчас они идут в деревню и думают о выжившем из ума древнем старце, бредовое бормотание которого они слушали вместо того, чтобы пойти играть или ловить рыбу. Старость всех лишает ума, и вот и Деян, великий рассказчик, проживший больше ста лет на земле, может лишь сочинять глупые сказки, полные выдуманных непонятных слов. Быть может, они правы. Быть может, он действительно лишился остатков рассудка. А может, его рассудок помутился тогда от голода и дурманящих отваров Кудесника? Сам Кудесник так ему и сказал, строго-настрого запретив рассказывать все это кому-либо, но его уже давно нет в живых, а Деян стар и готовится уйти к богам. Да никто, к тому же, и не верит в эти бредни...

— Что же было дальше? — спросил Истислав. Потоки воды стекали по его волосам, но он будто не замечал дождя, пламенеющим взором глядя на Деяна. «Когда-то и мои глаза горели так же, — думал старик. — Горели желанием постичь истину».

— Ничего, мальчик, ничего. Но вот что я тебе скажу. С тех пор я делал зарубки на одном из бревен в моей избе. И я не пропустил ни дня. С того летнего дня, когда я повстречал Громовержца, прошло сто лет. Я не знаю, о чем они с Кудесником говорили — как и ты, я не понял почти ни слова, будто они говорили на другом языке. Но я понял одно — что-то должно произойти, и произойдет это что-то в этом году.

Словно в подтверждение его слов грянул гром и яркие вспышки пронзили тучи.

На следующее утро Деян проснулся и почувствовал висящую в воздухе после дождя свежесть. Ему вновь снились листья, медленно, невыносимо медленно падающие с ветвей Великого дуба. Должно быть, это были дни. Дни этого бесконечного года, когда по прошествии ста лет что-то должно произойти. Лишь бы боги позволили ему пожить еще немного! Крик петухов, обычно разносившийся в утренней тиши, сейчас заглушало множество голосов. Интересно, что там происходит? Вставать было тяжело — старые кости сильно ныли, но он все же поднялся и пошел к двери, в которую как раз принялись колотить.

— Что стряслось? — удивленно спросил Деян, отворив дверь и увидев Истислава, а за ним — множество людей со всей округи, собирающихся в центре деревни и возбужденно, испуганно голосащих.

— Пойдем скорее, Деян! — прокричал Драгбор, помогая старику выйти из избы. — Там пришли какие-то люди, с ними князь Владимир и его дружинники!

«О боги!» — подумал Деян, направляясь вслед за мальчуганом. Посреди толпы сидели на конях княжеские дружинники и сам Владимир, седой и хмурый. А рядом с ними стояли люди в длинных одеждах.

И в руках их были кресты. ❧